

Николай Степанович Батюшин

Тайная военная разведка и борьба с ней

Николай Степанович Батюшин

Тайная военная разведка и борьба с ней

Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки

В русской армии со времен Петра I генералы обязательно обозначались по роду войск: от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии. В XX столетии, открывшем эпоху тотального шпионажа, который окончательно оформился в годы Первой мировой войны, впору было бы ввести генеральское звание от разведки и контрразведки или, по-нынешнему, генерала от спецслужб.

Полновесное генеральское звание за заслуги в освоении нового вида оружия, годного и для мирного, и для военного времени, в российской армии первыми получили два кадровых военных – Николай Августович Монкевиц и его тезка Николай Степанович Батюшин.

Занимаясь поиском и изучением материалов для биографии второго русского генерала от контрразведки Н.С. Батюшина, понимаешь, сколь трудна для современных историков задача воссоздать его реальный облик, ибо судьбы и того, и другого генерала будут понятны лишь в контексте крестного пути, выпавшего на долю первого поколения отечественных военных разведчиков и контрразведчиков. Пионеры своего дела, верные защитники России, ее пламенные патриоты, они должны были своей особой службой, службой изо дня в день под пристальным вниманием коллег – боевых офицеров и унтер-офицеров, – собственной безупречной нравственностью, безукоризненным поведением, наконец, самоотверженностью преодолевать непонимание, безразличие, высокомерие и даже преступно беспечное отношение к делу, которому они служили, особенно со стороны тех царских генералов, многие из которых, как оказалось, безнадежно устарели для ведения войн в новую эпоху.

У февральских временщиков (1917 г.) первое поколение разведчиков и контрразведчиков оказалось под подозрением, многие из них – в положении изгоев.

В послеоктябрьский период жандармы, полицейские, разведчики и особенно

контрразведчики сразу были отнесены к категории заклятых врагов советской власти. В последующие годы государственные и военные архивы с секретными фондами, содержащими материалы российских спецслужб, нужны были не для изучения истории разведки и контрразведки России, а для поиска в них сведений о бывших их сотрудниках и тех, кто с ними был связан. Если обнаруживали среди выявленных еще живых, то их безжалостно уничтожали только за то прошлое, которым они в душе наверняка гордились. Горько сознавать, что эта работа длилась даже не десяток, а два десятка лет; ее прервала лишь начавшаяся в 1941 году война. Что же касается военной эмиграции, то понятно, сведения закордонных агентов советских спецслужб о Монкевице, Батюшине и им подобных проходили по особо ценной информационной рубрике. Люди из «той среды, которой предстояло быть истребленной» (Нина Берберова), а они на самом деле в подавляющем большинстве были ликвидированы, не оставили своим потомкам ни рассказов о времени, о себе, о делах своих, ни каких-либо документов (конечно, если не считать скорбные, весьма специфические биографические рассказы, исповеди, эпизоды, запротоколированные следователями во время допросов тех из них, кто был арестован и допрашивался в советские годы).

В противоположность этому в Европе, вплоть до Второй мировой войны, знатные и не очень знатные участники тайного фронта издавали свои мемуары. Неравноценные по содержанию, они вместе с тем позволили не только увидеть общую картину невиданной доселе по своим масштабам секретной войны, но и стимулировали специалистов обобщить ее результаты, наметить новые пути и средства для ее ведения в настоящем, строить прогнозы на будущее, изыскивать возможности по своевременному техническому обеспечению этой теперь уже не только военной, но и государственной сферы. В ряду этой литературы бесспорно на первом месте стоит книга тогдашнего руководителя германских спецслужб Вальтера Николаи «Тайные силы» (1924 г.). Эта книга – мастерски сработанный для увековечивания себя и своих коллег и в назидание потомкам организационный отчет о проделанном. Отчет производил впечатление не столько изложением гигантского труда контрразведчиков (о главном, сокроенном в своих делах ни один настоящий разведчик публично никогда не расскажет), а в первую очередь своей, скажем, необычной доселе философией. Подрывная работа во враждебном лагере без чего нельзя добиться победы в войне по Николаи есть комплекс целенаправленных системных мер, осуществляемых разведкой, контрразведкой и иными учреждениями, организованными в государственном масштабе. Вальтер Николаи открыл тем самым одну из составляющих современного цивилизованного мира, а именно: в XX веке специальные службы в функциональном и организационном отношениях принадлежат государству в целом, а не какому-либо отдельному ведомству.

Вторая книга мемуаров, особенно интересная русским специалистам, принадлежала руководителю австро-венгерской аналогичной службы времен войны Максиму Ронге и называлась «Война и индустрия шпионажа» (1930 г.). На русском языке она впервые увидела свет в СССР в 1939 году под названием «Разведка и контрразведка». Сюжеты тайной войны, относящиеся к Восточному фронту, противоборству с разведкой и контрразведкой России, занимали много места в обеих книгах. Причем к российским коллегам – прямым их противникам по ту линию фронта, в первую очередь к Н. С. Батюшину, – авторы указанных книг относились без высокомерия, тактично и подчеркнуто уважительно. На исторической родине хотя бы тысячную долю этого, если не уважения, то понимания! Однако исторического спора-диалога теперь уже на ниве литературно-исторической, пропагандистской в те годы не получилось. Российские визави немцев и австрийцев вынужденно молчали, многих уже не было в живых. И лишь в 1939 году в Софии на русском языке вышла книга «Тайная военная разведка и борьба с ней». Ее автором был Генерального штаба генерал-майор Николай Степанович Батюшин. Как его книга явилась первой в ряду аналогичных книг по истории разведки и контрразведки времен Первой мировой войны с российской стороны, так и настоящий сборник является первым в серии книг о выдающихся

русских разведчиках и контрразведчиках начала XX века, предполагаемых к изданию под эгидой «Общества изучения истории отечественных спецслужб». Делается это совершенно осознанно. Именно они заложили основы этих служб, которые уже век и более служили и служат своему Отечеству.

Николай Степанович Батюшин родился 26 февраля (ст. ст.) 1874 года в мещанской семье в Астраханской губернии (точное место рождения неизвестно). В Астрахани в 16 лет успешно окончил Реальное училище – единственное в то время доступное для детей незнатного происхождения среднее учебное заведение. И сразу же после этого, летом 1890 года, сдав испытательные экзамены по «математическим предметам», был зачислен рядовым юнкером прославленного Михайловского артиллерийского училища в Санкт-Петербурге. Мы видимо никогда не узнаем, какая счастливая звезда вела за собой юношу с далекого юга на север Империи, и те счастливые обстоятельства, которые сопутствовали ему при сделанном выборе. За три неполных года учебы в одном из старейших военных учебных заведений России, исключительно богатом своими передовыми учебными и педагогическими традициями, провинциальный юноша, рано обнаружив свои природные дарования, сразу вошел в число самых успевающих и дисциплинированных воспитанников. В этот срок он последовательно прошел все военные ступени: рядовой юнкер, унтер-офицер, портупей-юнкер и, наконец, по окончании училища по первому разряду был произведен в подпоручики. Именно здесь он сформировался как личность. В особой атмосфере альма матер, располагающей к серьезной учебе, самообразованию, у него развились такие ценные качества как творческое отношение к любому делу, основательность и ответственность в решении задач, которые ставила перед ним жизнь. Сильны были в нем тяга к знаниям, ко всему новому. За годы учебы в столице он приобщился к высоким образцам духовной культуры – литературе, поэзии, театру. Как товарищ он был надежен, в отношениях с друзьями по-особенному прям и честен, никогда не кривил душой.

Не имея ничьей протекции, кроме симпатий ведущих педагогов училища (преподаватель химии хотел видеть его своим будущим коллегой), Батюшин получает направление на службу по специальности в 4-ю Конно-артиллерийскую батарею Виленского военного округа. Служба идет успешно. Сразу по прибытии он назначен учителем в учебную команду двух батарей, а несколько позже становится уже заведующим этой команды. Дважды во время службы (в общей сложности почти десять месяцев) командование доверяет ему исполнять обязанности делопроизводителя в святой святых военного ведомства – батареей канцелярии. 22-летний офицер, практически юноша, допускался к совокупной, а потому особо секретной, информации о боевой части, ее личном и офицерском составе, служебных и личностных тайнах своих сослуживцев. Не тогда ли его командиры, доверяя ему этот специфический род служебной деятельности, уже уловили в нем качество, обязательное для будущего разведчика, – много знать, но мало говорить. Это называется еще человеческой и офицерской надежностью.

Служба требовала от молодого командира полной отдачи. Он решил навсегда связать свою жизнь с армией и, уже будучи в училище, знал, что дальше его путь непременно пройдет через учебу в Академии.

В октябре 1896 года поручик Н. С. Батюшин зачислен в Николаевскую Академию Генерального штаба, ровно через два года учебы переведен на дополнительный курс Академии, который «окончил успешно и за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны». Летом 1899 года после успешного завершения учебы откомандирован по старому месту службы в свою часть (в Виленский военный округ), но с существенным добавлением в офицерском аттестате: «для ближайшего ознакомления со службой Генерального штаба» в масштабах округа. Перед офицером, которому пошел всего-навсего 26-й год, но имеющем самое лучшее по тем временам военное образование, открывались новые горизонты. Как ими воспользуется Батюшин? Как проявит себя этот явно честолюбивый офицер? Ответы на эти вопросы не заставят себя долго ждать.

Сразу по прибытии (1 июля 1899 года) в Вильно штабс-капитан оказался сначала на

дивизионном лагерном сборе 2-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в округе, потом в общем сборе и, наконец, в корпусном кавалерийском сборе. Срок трехчастных учений затянулся почти на два с половиной месяца – с 5-го июля по 14-е сентября. На этих сборах свежее испеченному выпускнику Академии поручили сначала выполнять обязанности старшего адъютанта и начальника штаба, а затем – обязанности и поручения по службе офицера Генерального штаба. Какую оценку получил вчерашний выпускник Академии на новом поприще? Временный командующий 2-й кавалерийской дивизией генерал-майор Трегубов в «аттестации о служебной деятельности причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Батюшина за время участия его в лагерном сборе», заполняя соответствующие графы стандартного итогового аттестационного документа, написал ответ, теперь особо ценный для биографов Батюшина. На вопрос о том, насколько успешно выполнял обязанности и поручения выпускник Академии, генерал собственноручно записал: «Все эти должности и поручения штабс-капитан Батюшин исполнял с безукоризненной точностью и вполне отлично». И далее следуют записи по 4, 5 и 6-му пунктам аттестации: «отличаясь воспитанной выдержкой, держит себя с большим достоинством и служебным тактом как в обращении к старшим и начальникам, так и вообще ко всем младшим себя». «Здоров, вынослив и неутомим». «Самолюбив и чуток к правде и справедливости. Самостоятелен, энергичен, к делу службы относится с любовью и принимает решения на основании здраво-логических выводов, не нуждается в посторонней помощи». Генерал-майор к последнему тексту отдельной строкой добавил явно от себя, без свойственного этому типу документов канцеляризма: «Вообще штабс-капитан Батюшин как человек и офицер во всех отношениях отличный». Таков ответ на поставленный нами вопрос: большому кораблю явно открывались горизонты большого плавания. И судьба благоволила молодому дарованию.

Два года добросовестной службы в должности старшего офицера Конно-артиллерийской батареи, заведующего учебной командой Конно-артиллерийского дивизиона (в этот срок вписывается и первая награда – орден Святого Станислава 3 степени, а вообще он станет кавалером шести орденов, трех медалей, и рождение в 1901 году первого ребенка, дочери, всего у него будет четверо детей – три дочери и один сын) завершились приказом по Генеральному штабу от 15-го сентября 1901 года № 38 о том, что Н. С. Батюшин «причислен к Генеральному штабу с назначением на службу в Варшавский военный округ».

Вот тот самый поворот судьбы в жизни и деятельности артиллерийского штабс-капитана: он, говоря современным нам языком, попав в номенклатуру Генерального штаба, прошел служебное испытание и целенаправленно определен им на службу в новый для него Варшавский округ. Ну а главное в другом – Батюшин определен осваивать новую для себя отрасль военного дела – разведку. Все это вместе взятое и есть, по-нашему, своеобразный батюшинский Тулон. В книге он напишет, что «свою долголетнюю службу» в разведке начал с 1901 года. Что предшествовало этому назначению, кто увидел в нем будущего разведчика, с кем он встречался и кто убедил высокообразованного классного специалиста сменить профессию, наверняка не получая при этом и малейшей гарантии на успешный карьерный рост в новой должности, мы пожалуй никогда не узнаем. Батюшин об этом повороте в своей судьбе нас, своих потомков, не известил ни прямо, ни намеком. Утешимся лишь тем, что выбор, сделанный столичными генштабистами и самим Николаем Степановичем, оказался исключительно верным. Кому как не этому офицеру в звании штабс-капитана, в свои 27 лет уже зарекомендовавшему себя незаурядной личностью, можно доверить новое дело?

Главные служебные вехи Н. С. Батюшина на новом посту, которому он отдал все свои лучшие годы, таковы.

Первая должность его называлась помощник старшего адъютанта штаба округа. Самостоятельным руководителем отделения разведки и контрразведки (официальное наименование должности – старший адъютант штаба округа) станет в мае 1905 года и

пробудет в этой должности до начала Первой мировой войны. Не без внутренней гордости он напишет в своей книге: «Особенную пользу (с позиций разведчика и контрразведчика. – Авт.) принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главнейшего военного округа – Варшавского (1905-1914 гг.), на долю которого приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией». На практике это означало не что иное, как изнуряющая, без сна и отдыха, без выходных, обязательно с выездами на места непосредственная оперативная работа на гигантском приграничном пространстве.

Назначению на пост руководителя предшествовала командировка на Русско-японскую войну с октября 1904 г. по май 1905 года. Здесь он исполнял обязанности помощника старшего адъютанта в оперативном отделении управления генерал-квартирмейстера штаба 2-й Маньчжурской армии, даже принял участие в боевых действиях. Именно в условиях военного противоборства с коварным и хитрым противником, несмотря на краткий срок пребывания, он смог реально осознать, что означает в современной войне ее тайная составляющая: масштабы, роль и место в современном вооруженном конфликте.

Становлению Батюшина как разведчика и контрразведчика способствовали старшие, умудренные опытом профессионалы своего дела в штабе округа, заложившие там к этому времени определенные разведывательные позиции и традиции. Так исторически сложилось, что на западных рубежах России, особенно в Царстве Польском, на территории которого размещался Варшавский военный округ, клином врезавшийся на территорию двух государств – Германии и Австро-Венгрии, – вырастали первые специалисты этих служб. По признанию Ронге, разведывательные усилия Австро-Венгрии против великого восточного соседа начали предприниматься в начале 70-х годов XIX века, а в следующие десятилетия шли по нарастающей и при этом – в деловом содружестве с немцами. Назовем лишь несколько имен. Н. А. Монкевиц заложил основы разведывательной деятельности против двух империй – германской и австро-венгерской с территории округа, будучи там на службе с марта 1897 года, последовательно исполняя обязанности сначала помощника, а затем старшего адъютанта штаба округа. Именно к нему в качестве помощника был и направлен Батюшин в 1901 году. Совместная служба их на Саксонской площади длилась до лета 1904 года.

Неоценимую услугу разведывательным и контрразведывательным усилиям страны оказывала первая генерация российских военных агентов (атташе) в Австро-Венгрии. Вот их имена: подполковник, а позже полковник Степан Александрович Воронин (1893-1900 гг.), полковник Владимир Христофорович Рооп (1900-1905 гг.), полковник Митрофан Константинович Марченко (1905 -1910 гг.), а также их помощники, последовательно сменявшие друг друга (в 1902-1905 гг.), капитаны Н. М. Потапов и М. И. Занкевич. Кстати полковник Михаил Ипполитович Занкевич будет последним перед войной военным агентом в Австро-Венгрии и попортит немало крови тамошним контрразведчикам. Ронге найдет нужным сказать: «Взамен Марченко мы получили в лице полковника Занкевича столь же опасного руководителя русской агентуры». Тайна вербовки и многолетнего сотрудничества с самым знаменитым в XX веке агентом Редлем, работавшим на российские спецслужбы, скрыта в биографии одного из перечисленных в этом списке лиц.

Об уровне оперативного мышления названных военных агентов можно судить, например, по следующему документу. В 1901 году В. Х. Рооп в специальной записке, направленной в Генеральный штаб, обосновал необходимость организации русской военной разведки в Австро-Венгрии на принципиально иной основе – путем засылки в эту страну высококлассных агентов-нелегалов («под чужими именами на постоянное жительство»). Трудно отказать себе в удовольствии привести фрагмент из этой докладной записки. Рооп пишет: «...Не следует забывать, что времена „иду на Вы“ отошли безвозвратно в область преданий и что пренебрежение упорядоченной негласной агентурой в данное время может привести к излишним крупным жертвам в решительную минуту, когда уже не будет возврата...».

Инициатива опытного специалиста, к сожалению, не была поддержана в то время под предлогом, что для этого требовались серьезные средства из бюджета. Дело как очевидно было в другом: идея Роопа далеко обгоняла свое время. Но уже во времена Батюшина, ближе к началу войны она начнет реализовываться.

Уместно заметить, что первые аттестации Батюшину (за 1906, 1907, 1908 годы – начальные годы Батюшина как руководителя разведки и контрразведки), весьма лестные и объективные, составлял упоминавшийся ранее полковник, а теперь генерал-квартирмейстер штаба округа генерал-майор С. А. Воронин. Генерал с высшим военным образованием, он имел за плечами уникальный опыт по изучению своего соседа – Австро-Венгрии, так как служил в округе с 1890 года. Был Воронин там и командиром роты, и состоял для поручений при штабе, со временем стал старшим адъютантом штаба округа. Последняя должность позволила выдвинуться ему на пост военного агента в Вене, где он пробыл ровно семь лет (1893-1900 гг.). Окружным генерал-квартирмейстером штаба округа Воронин стал после четырехлетнего пребывания в должности начальника отделения генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба в Санкт-Петербурге. В аттестациях Батюшина, написанных как видим уникальным знатоком своего дела Ворониным, есть примечательные для младшего по возрасту и имеющему значительно меньший профессиональный опыт оценки. «Умственные способности отличные». «Воли твердой, настойчив, иногда чрезмерно впечатлителен». «Работает очень много, причем проявляет инициативу, самостоятельность взглядов и упорство в их проведении. Но в организации самого дела, в наиболее сложных и трудных случаях не всегда выказывает достаточно умения, живости и сноровки». И, несмотря на это аттестуемый, по Воронину, является специалистом «выдающимся». Все его аттестации заканчиваются одной фразой «нравственности безупречной».

На новом поприще учиться пришлось в том числе и на горьком опыте. Четыре месяца спустя после того как штабс-капитан Батюшин полноправным офицером вошел в парадные двери штаба округа на Саксонской площади Варшавы, случилось невероятное. В конце января 1902 года он, как и все его коллеги, был буквально потрясен, узнав, что арестован старший адъютант штаба округа подполковник А. Н. Гримм, который являлся агентом разведок двух враждебных России соседних государств. Он был перспективный офицер, по долгу службы имел дело с особо секретными центральными и окружными военными документами, числился на отличном счету у командования и сослуживцев. Этот потомственный дворянин и глава семейства не по принуждению, а по собственной воле, из-за корысти сам предложил свои услуги германской и австрийской разведкам. Те плотно работали с ним, начиная с 1895 года. М. Ронге вынужден горько признать: «В 1902 г. разведывательной деятельности против России был нанесен тяжелый удар. В Варшаве был арестован германский агент – русский подполковник Гримм». После суда над Гриммом, который состоялся в конце мая 1902 года, приговор был подтвержден высшей властью. Изменник лишался воинского звания, дворянского достоинства, чинов, орденов и медалей и всех прав состояния, исключался из военной службы и ссылался в каторжные работы на 12 лет «с законными последствиями сего наказания».

О состоявшемся суде и о высочайше утвержденном приговоре официально известила ежедневная газета на русском языке «Варшавский дневник» между прочим назвав в обоих сообщениях лишь статью Уголовного уложения, не раскрывая перед своими читателями суть преступления. Надо полагать, что суровая кара, постигшая предателя, стала хорошим нравственным уроком для русских разведчиков и контрразведчиков начала века, что совсем немаловажно, зная, в каких сложных условиях протекала их служба. Позже после Русско-японской войны в округе станет правилом: военное руководство, объявляя приказы по шпионским делам, намеренно детально знакомила офицерский корпус с содержанием таких чрезвычайных происшествий («не делая никаких тайн из описания тех приемов, к которым прибегали шпионы в целях собирания секретных военных сведений»). Положительный эффект такого рода «доверия высшего военного начальства к офицерам» был очевиден: «во-первых, ликвидировало все кривотолки после судебного разбирательства

шпионских дел, а во-вторых, воспитывало в должном направлении офицерскую среду, а через нее и солдат в должном исполнении ими гражданского долга. Невольно просачивалось это затем и в толщу гражданского населения, которое являлось таким образом незаменимым сотрудником агентов правительства», то есть контрразведчиков. Так оценивал много лет спустя воспитательное значение уроков, связанных со шпионскими делами, генерал Батюшин. Был сделан и профессиональный вывод на уровне всего военного ведомства. Ужесточались меры по допуску к работе с секретными и совершенно секретными документами и материалами во всех подразделениях. А главное состояло в следующем. По инициативе военного министра Алексея Николаевича Куропаткина специалисты Генерального штаба начали проработку идеи создания в рамках своего ведомства отдельной службы контрразведки. Центральной задачей ее должно было стать противодействие разведывательным усилиям иностранных военных агентов (атташе), в первую очередь из числа стран, принадлежащих к потенциальным военным противникам России. Дело в том, что изменник Гримм некоторое время находился на связи у австро-венгерского военного агента Эрвина Мюллера, выдворенного после случившегося из страны. Тяжелая для армии измена Гримма ускорила обращение А. Н. Куропаткина к императору Николаю II за санкцией об образовании в рамках военного ведомства особого «разведочного отделения». 20 января (2 февраля) 1903 года царь на рапорте военного министра сделал надпись: «Согласен». Этот день можно считать днем рождения русской военной контрразведки.

В далекой азиатской командировке Батюшину вручили погоны подполковника, (предшествующее звание капитана он получил в 1902 году, звания майор в то время в русской армии не было). Очередное по должности звание полковника он также получит в срок – в декабре 1908 года. Руководство разведкой и контрразведкой в самом важном для военной безопасности России Варшавском округе требовало полной самоотдачи. Иногда она прерывалась обязательным участием в сборах по прежней специальности. Это был строго заведенный порядок в большинстве армий мира. Родная армейская стихия оказывалась для него теперь своеобразным отдыхом. Она дополнительно заряжала энергией, убеждала, что выбор сделан правильный, а главное – нужный для Отечества.

С годами Батюшин сформировался полностью как руководитель и оперативный работник. Он отличался исключительной работоспособностью, инициативой, системностью оперативного мышления, имел богатый кругозор специалиста, что позволяло ему принимать нешаблонные решения. Большой вклад в успешную работу отделения вносили его талантливые помощники, офицеры штаба Муев, Терехов и Лебедев.

О реальном вкладе Варшавского округа в безопасность страны можно судить по следующей цифре. В округе, буквально опутанном австрийскими и немецкими агентами, охранное отделение, а затем и контрразведка, с 1900 по 1910 годы выявили почти полторы сотни иностранных шпионов (от мелких контрабандистов до офицеров штаба). Об отдельных эпизодах успешной работы контрразведчиков округа рассказывается в книге Батюшина. Правда, до суда удалось довести только семнадцать дел с 33-мя обвиняемыми. Во всех судебных процессах Батюшин выступал в качестве военного эксперта. Такого рода процессы в России были совершенно новым делом, сама законодательная база ничтожной, и от эксперта требовалось квалифицированно и полно разъяснять сущность преступных деяний по шпионажу.

Несовершенство законодательной базы скоро станет очевидно всем, и она будет приведена в соответствии с требованиями времени в 1912 году. Забегая вперед, скажем, что инициировал этот процесс Н. С. Батюшин, а непосредственным разработчиком нового законодательства по уголовному преследованию шпионов стал ведущий работник военной прокуратуры округа полковник А. С. Резанов. Совместная работа в штабе округа сделает их на долгие годы единомышленниками и соратниками.

Не хотелось бы, чтобы у читателя складывалось впечатление о легком победном шествии этого талантливого руководителя и оперативного работника к вершинам мастерства разведчика и контрразведчика. Совсем нет. Надо знать, что в эти годы обе службы

находились в стадии становления. Нерешенных организационных, кадровых, финансовых, правовых проблем было гораздо больше, чем решенных. Инструкций и положений не было и еще не могло быть.

Опыт собирался по крупицам. Идти приходилось в полном смысле по целине. Частично выручали знания, полученные тайными путями об организации и функционировании этих служб в соседних государствах.

Собственно отделение по разведке состояло из начальника, одного-двух его помощников и нескольких вольнонаемных чиновников. Контрразведкой приходилось заниматься лишь в тех счастливых случаях, когда сама удача шла в руки. Штабы округов испытывали постоянный дефицит в средствах на эти цели. На отпускаемые деньги (сначала 3-5 тысяч рублей в год, а позже – 8-10 тысяч рублей) трудно было заполучить ценную агентуру и долговременно сотрудничать с ней, приобретать как водится за большие деньги предлагаемые зарубежными инициативниками секретные документы и шифры, регулярно бывать в командировках, в том числе и за границей.

Постоянной головной болью для руководителя являлось все, связанное с установлением правильных служебных отношений с сотрудниками пограничных и таможенных служб и особенно – с жандармскими и полицейскими чинами. Штабу округа по согласованию с руководителем полицейской службы в случае оперативной необходимости выделялся только младший состав – филеры и установщики. Контрразведчики могли пользоваться их услугами и даже руководить их действиями в строго оговоренные сроки. Но без руководителей местных органов безопасности нельзя было осуществлять весь комплекс мероприятий при так называемой «ликвидации» дел по шпионажу, то есть проведения арестов, обысков, следственных действий в отношении подозреваемых в шпионаже лиц. По существующему закону контрразведчики и их руководитель не имели права на проведение «ликвидации». Это целиком находилось в компетенции жандармерии и политической полиции. Возникала масса несогласованностей, накладок. Правильно выстроенные отношения между руководителями двух ведомств в процессе оперативной работы, или иначе личностной момент, в таких случаях становился решающим. Всякая попытка принудить чинов иного ведомства исполнять поручения контрразведчиков заканчивалась ничем. В ход шел резонный аргумент: у нас есть свои обязанности и мы готовы на сотрудничество с вами лишь в «свободное от службы время». На заре контрразведки часто так и случалось.

Не было четко прописанных законов для уголовного преследования шпионов. Случалось не раз, избобленные шпионы покидали суды с гордо поднятой головой, так как имеющиеся статьи Уголовного уложения делали их явно шпионские деяния неподсудными. Ни один год не обходился без того, чтобы начальники штабов западных округов (Варшавского, Киевского, Виленского и Одесского) в прямой форме не ставили перед центром все эти вопросы, требуя скорейшего их разрешения.

Ситуация начала решительно меняться в лучшую сторону с 1911 года. Для вооруженных сил страны были найдены достаточные средства. Соответственно выросли ассигнования на разведку и контрразведку. Разведывательные (таково их официальное наименование с 1907 года) и контрразведывательные (с 1911 года) отделения как две автономные службы в штабах округов получили свой правовой статус, штатное расписание, финансовое обеспечение. Рубежным является июнь 1911 года, когда военный министр В. А. Сухомлинов утвердил два важнейших документа по контрразведке «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкция начальникам контрразведывательных органов». Их подготовка шла в течение ряда предшествующих лет. Ведущая роль в разработке этих документов принадлежала, конечно, ответственным военным специалистам по разведке и контрразведке западных военных округов, среди которых приоритетными считались суждения Батюшина, поддерживаемого постоянно начальником штаба округа. Положение и Инструкция вместе с сопутствующими документами составили ту правовую основу, на которой развернулось строительство контрразведывательных подразделений на всем пространстве Империи. Всего было создано десять отделений КРО в двенадцати

существующих военных округах и отдельно Петербургское городское отделение, обслуживающее в оперативном отношении столицу империи и ее окрестности. В апреле 1912 года Государственная Дума утвердила изменения существующего российского законодательства о государственной измене «путем шпионства» (в сторону ужесточения).

Масштабная работа по строительству специальных служб государства явилась вполне оправданной. В воздухе давно пахло грозой. Это особенно остро чувствовалось на западных рубежах страны. Результаты не замедлили сказаться.

Среди множества успешных дел по контрразведке далеко не рядовым оказалось разоблачение начальника гарнизона в спокойном провинциальном польском городке полковника Иоганна фон Штейна. За продаваемые сотрудникам разведки австрийского Генерального штаба военные секреты, добывать которые приходилось в Киеве, Вильно и даже в Санкт-Петербурге, пятидесятилетний полковник, участник Русско-японской войны поплатился 20-ю годами каторжных работ в Сибири. Разоблачен был и служащий варшавского телеграфа Петр Антосевич, передававший секретные документы немецкому разведчику Эрнсту Бену, работавшему в Польше под видом коммерсанта. Уместно отметить, что оба эти дела как и многие другие в предвоенный период распутывал следователь по особо важным делам Владимир Григорьевич Орлов, судьба которого отныне тесно переклестнется с судьбой Батюшина. Орлов в 1912 году на основе специального решения, утвержденного царем, будет назначен ответственным судебным чиновником для ведения предварительного следствия по шпионским делам на территории трех западных военных округов (Варшавского, Виленского и Киевского). Он наделялся правом не только самому вести наиболее важные уголовные дела, но и истребовать необходимые ему доклады от других следователей, а также получать необходимую ему информацию из органов контрразведки и охранных отделений.

Н. С. Батюшин со своей командой был на отличном счету как у руководителей Генерального штаба, так и у непосредственного начальства. Вот каким он представлен окружным генерал-квартирмейстером Петром Ивановичем Постовским при аттестации в 1911 году. «Умный, серьезный, безусловно нравственный. Строг во взглядах на дела чести, всегда правдив, чрезвычайно самолюбив. Настойчив до упорства в проведении того, что считает полезным для горячо любимой им армии. Не допускает компромиссов с совестью ни в себе, ни в товарищах, ни в подчиненных. Всею душой отдается выполнению трудных обязанностей старшего адъютанта разведывательного отделения. Работает очень много, заставляя усердно работать и своих подчиненных. Всегда самостоятелен во взглядах, вполне способен к личной инициативе и принятию на себя ответственных решений. Вполне здоров. Вынослив. Будет отличным начальником штаба дивизии и командиром кавалерийского полка (по-другому в традиционных положительных аттестациях о военных специалистах написать нельзя. – Авт.). Способен стать во главе ответственного отдела в одном из высших военных учреждений. Выдающийся». Комментировать этот словесный образ – только портить впечатление от него. Оказывается надо совсем немного строчек в сугубо канцелярской бумаге, каковой является аттестация, чтобы с их помощью можно и через десятилетия увидеть живого, деятельного человека, о котором его начальнику хочется написать только те слова, которых его подчиненный достоин. Обращает на себя внимание, что канцеляризм, стандартных словесных фигур в процитированном документе совсем немного. С такой аттестацией согласились и ее подписали видные военные деятели того времени – начальник штаба округа генерал-лейтенант Н. А. Клюев и командующий войсками округа генерал-адъютант Г. А. Скалой.

Н. С. Батюшин рано станет известной фигурой и по ту сторону границ. Его оппоненты, противники, враги – австрийские и германские руководители спецслужб – знают мертвую хватку разведчика Батюшина, масштабность и последовательность его действий. «Кипучую деятельность» Батюшина признает Ронге. «Ни себе, ни им он не дает возможности расслабиться ни на один день».

Вот фрагменты из книги Ронге (речь идет о делах накануне войны). «Дом полковника

Батюшина на Саксонской площади в Варшаве, где капитан Терехов и капитан Лебедев выработались в прекрасных помощников, сильно беспокоивших нас во время мировой войны, давал в своих стенах приют предприятию, работавшему с массой руководителей – начальников групп, вербовщиков агентов, разведывательных инспекторов и женщин. Эти последние особенно охотно использовались в качестве посредниц и вербовщиков... Вербовщики и посредники Батюшина нередко имели целые бюро... Так как у русских количество играло большую роль, то Батюшин имел большую армию доверенных лиц, хозяев явочных квартир, старших дворников и подручных... Чересчур одинаковое снаряжение агентов Батюшина также, несомненно, вредило образцовой в остальном отношении разведывательной службе». В книге Ронге – калейдоскоп событий, имен, многие из которых имели отнюдь не дружеские отношения с Батюшиным и его коллегами, в том числе и по судебной части. Быть верным часовым на самом передовом форпосте Родины – к выполнению такого долга он подготовлен был всей своей жизнью и исполнял свой долг в высшей степени достойно.

Первая мировая война – он ее упорно именует Великой войной – застала сорокалетнего Николая Степановича Батюшина в период зрелости его как специалиста: разведку и контрразведку он знал досконально и к войне был готов. С первых ее дней он начальник разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, а с 29-го августа – начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба этого же фронта (причем последняя должность утверждена «высочайшим приказом», то есть Ставкой Верховного главнокомандования). Уже упоминавшийся нами В. Г. Орлов в звании младшего офицера находился в его подчинении на скромной должности переводчика, однако с обязанностью участвовать в работе контрразведывательного отделения фронта.

Насколько лично к войне был подготовлен Н. С. Батюшин, настолько к ней не была готова ни русская контрразведка вообще, ни фронтовая в частности. Гибель в районе Мазурских озер (Восточная Пруссия) в августе 1914 года 2-й армии Северо-Западного фронта стала свидетельством, что германские спецслужбы (в первую голову радиоконтрразведка) оказались в данном случае на высоте и нужно признать, что они вчистую переиграли наших. А были ли вообще контрразведывательные подразделения в 1-й и 2-й армиях? Если бы оказался в окружении командующих этих армий хоть один толковый контрразведчик, разве он мог бы позволить общаться между собой командованием и подчиненными напрямую, открытой радиосвязью? Или в то время сохранение военных секретов на всех уровнях не было функцией контрразведки, и контрразведчики не смели требовать этого от старших воинских начальников? А как сами военачальники относились к тайной, все еще не легализованной службе, скрывшейся в штабах под крылышком генерал-квартирмейстеров? Знали ли эти военачальники о существовании такой службы вообще? Прямых ответов на эти и возможно еще более жесткие вопросы мы не всегда можем дать. Однако есть косвенные данные, с помощью которых можно увидеть более или менее реальную ситуацию, сложившуюся в те дни в этой военной сфере. Действительно начавшиеся суровые военные будни очень скоро заставили убедиться, что круг функциональных обязанностей этих двух служб совсем иной по сравнению с мирным временем. Нетрудно представить, например, насколько расширился диапазон секретных сведений, которые следовало беречь как зеницу ока. Новейшие технические средства (радиоперехватчики, усовершенствованные воздушные шары, самолеты) сделали привычную работу шпионов, лазутчиков (и с той, и с другой стороны) мало эффективной.

Технический прогресс в разведке и контрразведке говорил сам за себя, и в этой области как оказалось, немцы особенно преуспели. С сожалением отметим, что не только на начальном этапе, но и за весь период войны российская контрразведка так и не смогла обеспечить защиту совершенно секретной информации, распространяемой с помощью радиотелеграфных средств. Войсковое командование в силу новизны этого дела, а иногда по самонадеянности и глупости не могло и подумать, чтобы к защите этого вида коммуникаций надо своевременно подключить контрразведку. Вместе с тем не нужно снимать

определенную меру ответственности и с ведущих контрразведчиков мирного времени, в том числе и Батюшина, которые ни разу прежде не поднимали проблему защиты радиотелеграфной информации специальными техническими средствами. В соответствующих Положениях по контрразведке есть рекомендации о том, как противодействовать шпионажу противника с помощью голубей, воздушных шаров и т.п., но нет и намека на контрразведывательное обслуживание всего комплекса новейших средств ведения войны – радио, телеграфа, шифров, а также целого круга специалистов, причастных к этому делу.

Итак, контрразведка нуждалась в основательной перестройке. Требовалось срочно искать новые пути и средства для решения задач, теперь уже в боевых условиях. Но как ни парадоксально, как ни горько признавать, но не это было главной заботой лиц, ответственных за специальные службы в русской армии. Сначала нужно было их создать! Ибо случилось привычное российское: опоздали, не подготовились, война началась также неожиданно как неожиданно в наши края, по мнению острословов, приходит холодная зима.

Процесс создания и становления органов контрразведки в Действующей армии растянулся на несколько первых месяцев войны. Иначе и не могло быть, поскольку реальных и детально разработанных мобилизационных планов по линии КРО не существовало. Исторической точности ради надо признать, что штабы Варшавского, Виленского и Киевского военных округов по заданию Главного управления Генерального штаба еще в начале 1913 года подготовили свои предложения по созданию новых КРО на случай войны. Руководители Виленского и Варшавского округов, например, рекомендовали ГУГШ задолго до объявления мобилизации увеличить штат существовавших КРО либо прикомандировать к ним необходимое число сотрудников для заблаговременного изучения ими обстановки на территории предстоящих военных действий. Эта мера позволила бы быстро создать костяк новых контрразведывательных аппаратов – армейского и окружного звена. Однако указанные предложения остались на бумаге и никакого влияния на процесс организационного строительства контрразведки не оказали. Много пришлось делать на пустом месте и наспех в боевых условиях.

Будет конечно несправедливо возлагать на кого-либо особую вину за недостатки и неразбериху первых военных месяцев в сфере спецслужб. Тем более говорить о «преступном бездействии высшего командования» как привычно фиксировалось в исторических трудах недавнего прошлого. По нашему мнению, речь должна идти не только и даже не столько о том, как понимали в военном ведомстве роль и место поистине юных органов контрразведки в масштабной современной войне, а о том, какие направления разведывательно-подрывной деятельности противника им прогнозировались.

По взглядам тех, кто разрабатывал стратегию ведения войны, она предполагалась достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе нескольких крупных сражений уже в 1914 году, в крайнем случае – к весне 1915 года. Поэтому роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных мобилизационных планов, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий, особенно на начальном, решающем этапе войны, и сбережение сведений о новых образцах военной техники. Проблема обеспечения безопасности в войсках, тем более силами контрразведывательных органов, вообще не ставилась в расчете на чувство патриотизма солдат и офицеров, на их высокий морально-боевой дух в условиях ведения наступательных операций. Естественно никто не учитывал возможное массовое дезертирство, пацифистскую, националистическую и революционную пропаганду в войсках как противником, так и антиправительственными силами внутри страны.

Недооценка со стороны командования Действующей армии, а также руководства Главного управления Генштаба роли контрразведки в боевых условиях наглядно проявлялась во многом: в статусе КРО в штабной иерархии (второ-, третьестепенные роли), в тайном от своих граждан и военнотружущих их существовании, в нежелании вывести их из подчинения (хотя и номинального) начальнику разведывательного отделения и

предоставлении права на прямой доклад начальнику соответствующего штаба. Много лет спустя Батюшин с горечью скажет: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался, и она, поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава». По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, ее сотрудники работали по собственному усмотрению, без общего руководства и поддержки (эти и другие свидетельства подобного рода читатель найдет в публикуемой книге).

Волевой руководитель фронтовой разведки и контрразведки Н.С.Батюшин, поддерживаемый во всех своих начинаниях генерал-квартирмейстером штаба фронта генералом Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, который в свою очередь пользовался безграничным служебным и личным доверием со стороны главнокомандующего армиями фронта генерал-адъютанта Н. В. Рузского, сравнительно легко преодолел неурядицы начального периода войны. Действующий на протяжении двух с лишним лет (с некоторыми перерывами) тандем Батюшин – Бонч-Бруевич оказался исключительно плодотворным для контрразведки.

В кадровом отношении фронтовые и армейские КРО с самого начала не испытывали особых недостатков. М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Произведенный в генералы Батюшин оказался хорошим помощником, и вместе с ним мы подобрали для контрразведывательного отделения штаба фронта толковых офицеров, а также опытных судебных работников из учреждений, ликвидируемых в Западном крае в связи с продвижением неприятеля в глубь Империи». «Энергичным и знающим свое дело» называл Батюшин, например, начальника контрразведывательного отделения фронта жандармского ротмистра Сосновского.

Велика была территория обслуживания фронтовых и армейских КРО: Прибалтика, Финляндия, побережье Балтийского моря, Петроградский военный округ.

По мере накопления опыта становилось очевиднее, что функции контрразведки гораздо шире непосредственного противодействия усилиям вражеских разведок: «сама жизнь заставляла все более и более раздвигать рамки понятия о контрразведке» (Батюшин). Контрразведчики учились оценивать любую складывающуюся ситуацию с точки зрения оказания помощи боевым действиям на фронтах войны. Поэтому контрразведчики не могли игнорировать в своей работе многие моменты, не предусмотренные в инструкциях и наставлениях. В Петрограде, где имела масса заводов, работающих на оборону, – рабочий вопрос, в Финляндии – проявления «центробежных стремлений финнов и шведов», в Прибалтике – столкновения немецких баронов с латышами – представителями коренного населения. В роли куратора фронтовых спецслужб Батюшину приходилось иметь постоянно дела с высшими правительственными чиновниками. Нельзя ему не верить, когда он говорит: «Кажется, не было министерства, с которым мне не приходилось иметь дело, за исключением лишь Святейшего Правительствующего Синода».

Скоро пришли и первые результаты, о которых Батюшин рассказывает совсем скупое. Более щедрым в этом смысле оказался М. Д. Бонч-Бруевич, хотя его новеллы требуют серьезной проверки. Здесь уместно сказать, что изучение деятельности контрразведчиков времен Первой мировой войны пока не началась в тех масштабах и с той серьезностью, которой она заслуживает. Можно быть уверенным, что в этой области историков ждут ценные открытия и приобретения.

Среди важных по своим последствиям оперативных мероприятий, осуществленных под руководством Батюшина, нужно остановиться на пресловутом деле С. Н. Мясоедова. (В публикуемой книге дана ее оперативная версия, отличная кстати от версии, рассказанной М. Д. Бонч-Бруевичем, непосредственным вдохновителем этого дела. Об этом он и не скрывает, когда цитирует с удовольствием М. Лемке, автора книги «250 дней в царской Ставке»: «Дело Мясоедова поднято и ведено главным образом благодаря настойчивости Бонч-Бруевича, помогал Батюшин».

Скандално известный дуэлью с А. И. Гучковым (1912 г.), находящийся в отставке жандармский полковник, близкий человек военного министра Мясоедов с началом войны

подвизался в контрразведке 10-й армии Северо-Западного фронта на должности переводчика. Существуют различные версии как ему удалось занять эту должность, но в рассказах тех, кто убежден в его измене, неизменно присутствуют два момента: во-первых, неспроста, а с тем, чтобы с наибольшей пользой работать на Германию, ибо он давно являлся немецким агентом, во-вторых, способствовал этому ни кто иной, как старый друг его, легкомысленный военный министр В. А. Сухомлинов, за что вскоре сам и поплатился.

Мясоедов с большой группой поделщиков в результате оперативной комбинации будет схвачен с поличным, арестован и осужден. В марте 1915 года пятидесятилетний полковник позорно окончит свою жизнь – будет повешен. Это событие с помощью газет станет широко известно в стране. После случившегося – в июне этого же года – царь под определенным давлением принял отставку Сухомлинова в силу того, что тот оказался скомпрометирован делом Мясоедова. Военные неудачи России на фронтах таким образом списывались с помощью подсказываемой обывателем версии: все дело в нечистых и даже шпионских делах столь ответственных лиц Империи. Поднаторевшие в разгадывании дворцовых интриг и подспудных течениях лелеяли свою версию: Верховный главнокомандующий Николай Николаевич такой шахматной комбинацией убрал ненавистного ему Сухомлинова, угодничающего перед царем, заменил удобным для себя А. А. Поливановым, а заодно свои военные неудачи, как дымовой завесой, прикрыл шпионским скандалом – дутым делом Мясоедова. В самом деле, уже в ходе войны родственники осужденных вместе с родственниками казненного преступника будут ходатайствовать о их реабилитации. Активный участник этого дела следователь В. Г. Орлов, до конца дней оставаясь убежденным в измене Мясоедова, тем не менее, признавал, что в процессе разбирательства были допущены ошибки и настаивал на скорейшем освобождении невиновных. Современные нам историки благодаря изысканиям авторитетного специалиста по истории России времен Первой мировой войны К. Ф. Шацилло единодушны во мнении о фальсификаторском характере всего этого скандального дела. Но эти же историки как и наиболее серьезные очевидцы тех событий сошлись во мнении: с публичного скандала, связанного с именами Мясоедова и Сухомлинова (последний по обвинению в государственной измене будет арестован в 1916 году), начинается необратимый процесс крушения царизма. Дело Мясоедова стало лишь первым камнем этой гигантской лавины, под которой будет погребена вскоре вся Российская империя.

Оставим и в этом случае свидетелям прошлого очно и заочно спорить между собой, а историкам – право выносить свои авторитетные суждения. В этом сюжете для нас важно другое: контрразведка фронта и персонально ее руководитель полковник Н.С. Батюшин впервые оказались вовлеченными непосредственно в «большую политику». Ее персонажами являлись: царь Николай II и вся его дворцовая камарилья, Верховный командующий великий князь Николай Николаевич и Ставка, командование Северо-Западного фронта (Рузский, Бонч-Бруевич), Государственная Дума, правительство и военный министр Сухомлинов. Вот для них-то и таскали горячие каштаны из огня господ контрразведчики.

Словом, весной 1915 года фронтовая контрразведка, географически самая близкая к столице, а по ряду дел и столичная, впервые открыто вышла на политическую авансцену. Но она была на ней не самостоятельным игроком. Плодами, собранными этой жесткой, ловкой, скрытой от людских глаз организацией, умело воспользовались те, кто являлся истинными актерами на российской исторической сцене. Роль же, безукоризненно исполненная контрразведчиком Н. С. Батюшиным, запомнится многим ее участникам.

За эту «роль» Н.С. Батюшин в апреле 1915 года особо отмечен: «объявлено высочайшее благоволение за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий». Порадуемся вместе с Батюшиным за очередное поощрение, но здесь же вынесем за скобки один вопрос: все ли его коллеги и руководители, причастные к этой службе, разделяли с ним эту радость, не было ли среди них тех, кто увидел в его усердии карьеристские замашки – достичь успеха любой ценой, даже участием в неправом деле, только потому, что так нужно властителям России. Последующие события в его биографии,

а также исключительно трудная его белогвардейская и белоэмигрантская судьба убедят читателя, что поставленный вопрос не является неуместным. Политическая составляющая в его оперативной работе похоже начала слишком заметно давать знать о себе и ему же во вред. Понимал ли это сам Николай Степанович?

Через несколько дней после этого поощрения полковник Батюшин – признанный специалист в тайной войне – отправился... на строевую службу командовать кавалерийским полком в составе родной ему кавалерийской бригады. Строевая служба его длилась немногим более трех месяцев – с 21-го апреля по 30-е июля 1915 года.

Объяснение случившемуся – срыву руководителя фронтовой разведки и контрразведки на несколько месяцев со своего поста – имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают. Руководствуясь правилом: все правдиво о неизвестном, можно предполагать, что самого Батюшина, скажем, уже не устраивал масштаб нынешней служебной деятельности. Он перерос рамки руководителя рутинной работы своих подчиненных по засылке в тыл врага лазутчиков и по поиску во фронтовом окружении аналогичных персонажей противника. На его нынешнее место без особого ущерба для дела можно было бы посадить любого способного организатора и ответственного офицера. Но есть и возражение: такой масштабный руководитель, каким видится нам Батюшин, без подсказки со стороны был способен находить резервы в своей службе, которая была столь необходима именно в эти месяцы катастрофического отступления русской армии на восток.

Бескомпромиссного и достаточно прямолинейного по складу характера полковника Батюшина, скажем, могло удручать и иное. На фоне той неразберихи и упущений, что происходили весной и летом 1915 года на фронте и в тылу (шпиономания, разгул распутинщины в стране уже набирали силу), деятельность контрразведчиков могла казаться ему совершенно бесперспективной. Образно говоря, у него мог наступить своеобразный «кризис жанра». А раз так, не испробовать ли себя в ратном деле? И опять возражение: не такова натура матерого разведчика и контрразведчика, который явно пасует перед обстоятельствами. Много хорошего уже сделано, что мешает делать еще больше, чтобы переломить в итоге неблагоприятную ситуацию. Вера в незыблемый имперский строй в душе Батюшина не была поколеблена ни на йоту тяжелыми военными обстоятельствами весны 1915 года, напротив, он был убежден, что в трудные для Родины дни надо еще энергичнее бороться с ее врагами.

Наиболее обоснованной видится следующая версия. 17 марта на смену главнокомандующему войсками Северо-Западного фронта Н. В. Рузскому пришел генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. «У него была манера, – недобро вспоминает М. Д. Бонч-Бруевич, – обязательно перетаскивать с собой на новое место особо полюбившихся ему штабных офицеров. Перебравшись в штаб Северо-Западного фронта, Алексеев перетащил туда и генерал-майора Пустовойтенко. Я остался без должности...». Сломался тандем Рузский – Бонч-Бруевич и как следствие – тандем Бонч-Бруевич – Батюшин. Последнему при новом фронтовом руководстве также похоже не нашлось место. Читатель, знакомясь с книгой Батюшина, обязательно обратит внимание на отрицательные характеристики, которые он дает и Алексееву, и Пустовойтенко. Последнего он прямо именует покровителем «шпиона» Лемке, журналиста, якобы пробравшегося в Ставку Верховного главнокомандования с нечистыми намерениями. Можно предполагать, что это отзвук застарелой обиды контрразведчика на двух генералов.

Вскоре все вернулось на круги своя. 12 августа 1915 года (за несколько дней до этого Северо-Западный фронт был разделен на два фронта – Северный и Западный) дежурный генерал штаба 5-й армии телеграфировал фронтовому командованию: «Вследствие согласия начальника штаба Верховного главнокомандующего на назначение на должность генерала для поручений при генерал-адъютанте Рузском полковник Батюшин откомандирован в г. Петроград по месту назначения». Последняя запись в сохранившемся послужном списке Николая Степановича, составленном для представления его к генеральскому званию в сентябре 1915 года, выглядит так: «Прибыл и вступил в должность, приказ армиям

Северного фронта №1» и дата 15 августа 1915 года. Как видим, лично для Батюшина генералом Рузским, который вернулся командовать Северным фронтом, и с согласия второго человека в военной иерархии тех дней начальника штаба Ставки М. В. Алексеева найдено нестандартное для такого рода военного специалиста решение: он стал особо доверенным лицом, «генералом для поручений при командующем армиями Северного фронта» (генеральское звание он получит этой же осенью).

Судя по некоторым прямым и косвенным данным, задумка у командования ближайшего к столице фронта, поддерживаемого Ставкой, была с дальним прицелом. Начнем с того, что фронтовое командование добивалось и добилося в 1915 году получения всей полноты власти не только в обширном районе дислокации армий фронта, а это иначе не может быть, но и на территории столичного военного округа и в самом Петрограде. Новый генерал по долгу службы и по поручению командования объезжает с инспекционной целью контрразведывательные отделения в Финляндии, Петрограде, армиях. Наставляет, подтягивает, учит.

В расцвете лет, крепкий физически, по заслугам оцененный фронтовым командованием, известный в верхах, в том числе императору Николаю II, уже не разведчик и контрразведчик в чистом виде, а особо доверенное лицо, куратор этих служб 42-летний генерал Батюшин в середине 1916 года будет определен на выполнение крупных задач, напрямую связанных не с воюющим врагом, а с противником, находящимся внутри самой Империи. Причем военная элита определила таковыми не революционеров, их партии и партийных лидеров, не радикальное крыло думцев и особо подозреваемых земцев, не руководителей многочисленных общественных организаций и комитетов, облепивших Действующую армию, а как им представлялось, откровенных разрушителей российской экономики в лице финансовых дельцов, биржевых маклеров и иных воротил большого бизнеса, имеющих прямой выход на границу. Политической полиции, Особому отделу эта публика была явно не по зубам, в том числе и по причине их коррумпированности, что не было большим секретом в высших кругах Империи.

Похоже была и еще одна причина, которую непосредственные участники тщательно скрывают. Есть ряд прямых и опосредованных свидетельств о том, что исключительно узкий круг генералитета предполагал силами контрразведки нейтрализовать антигосударственную деятельность явно зловредного, но «дьявольски» неуязвимого Распутина, плотно окруженного с целью охраны отдельными высшими чинами Департамента полиции. Задача эта представлялась военному руководству особо деликатной: здесь легко было неосторожному сломать себе шею, как уже случалось до этого не раз. Пример блистательного в царском окружении генерала МВД В. Ф. Джунковского был у всех на глазах. Он поплатился своей должностью второго человека в органах госбезопасности, потому что позволил себе высказать свое мотивированное нелицеприятное мнение о Распутине самому царю. 15 августа 1915 года с ним расстались без каких-либо объяснений.

Для выполнения комплекса этих задач, далеко отстоящих от «чистой» контрразведки, и была создана особая команда, которая вошла в историю под названием «комиссия Батюшина». На деле это означало не что иное, как первый опыт ввода контрразведки (пусть и локальной по масштабу – фронтовой) в самую сердцевину политических интриг, участниками которых являлись все без исключения главные действующие лица режима, приближающегося с большой скоростью к гибели.

Сам Н. С. Батюшин позже об обстоятельствах, связанных с именем Распутина, будет неубедительно говорить лишь как о «революционной пропаганде» неких сил, поставивших целью сокрушить царизм путем компрометирования царя и его семейства. Не исключено, что он, активно работавший против Распутина и его окружения, таким способом старался не дать причислить себя к виновникам гибели самодержавия. Но за него, спустя десятилетия, рассказал один из «посвященных» – генерал Бонч-Бруевич. Батюшина, похоже, привлекли к делу, руководствуясь простой логикой, которую его начальник изложил много лет спустя: «Я наивно полагал, что если убрать с политической арены Распутина, то накренившийся до

предела государственный корабль сможет выправиться». А вот какие аргументы могли пойти в ход. «Контрразведке было известно, что Распутин является сторонником сепаратного мира с Германией и если и не занимается прямым шпионажем в пользу Германии, то делает очень много в интересах германского Генерального штаба. Влияние, которое Распутин имел на императрицу и через нее на безвольного и ограниченного царя, (читателю легко определить, когда эта книга впервые увидела свет: в середине 50-х годов. – Авт.) делало его особенно опасным. Понятен поэтому интерес, с которым контрразведка занялась „святым старцем“ и его окружением». И далее очень тонкое замечание: «Генерал Батюшин, взявшийся за расследование темной деятельности Распутина, старался не касаться его отношений с царской семьей, Врубовой и другими придворными, но это было трудно сделать – настолько разгульный мужик вошел в жизнь царскосельского дворца». Обратим внимание читателя на два момента. Во-первых, мемуарист почему-то не говорит о том, кто и когда поручил контрразведке начать оперативную работу по Распутину. Решиться действовать самостоятельно по такому «объекту» она не могла – не тот уровень. И Бонч-Бруевич – не тот уровень! Н. В. Рузский? М. В. Алексеев? Сговор двух генерал-адъютантов за спиной своего Верховного главнокомандующего? Такое предположение имеет некоторые основания. Во-вторых, Батюшин бесспорно осознанно принял участие в этом деле, видимо оговорив при этом лишь право не касаться личной жизни обожаемого им государя, его семьи и всего близкого его окружения. Сакральный характер монархической власти остался для него непререкаемым на всю жизнь.

Патриот– контрразведчик, но не царедворец и не политик, дав втянуть себя в крупнейшую политическую игру, не сравнимую по масштабам с делом Мясоедова, не смог разглядеть грозившей ему опасности. Она стала для него роковой и в служебном, и в личном плане. Крах задуманного другими игроками стал в итоге, его, батюшинским «Ватерлоо».

Карьера, но не жизнь Батюшина близка к завершению. Впереди отдельный подробный рассказ о перипетиях его теперь генеральской биографии, хронологически очерченной второй половиной 1916 года и двумя месяцами 1917 года. При назначении он мог думать, что наступил его звездный час. И на пике карьерного взлета, как сказал поэт, «на разливе души», неожиданная потеря всего: доброго имени, Великой Императорской России и даже любимой Родины вообще, для благополучия которой он отдал свои лучшие годы. Удар судьбы непереносимо трудный, так как в числе первых пострадавших был он и члены его небольшой команды, а не те высшие военные верхи, кто задумал саму акцию по спасению страны от ее внутренних врагов силами... мизерной группы специалистов, знающих толк в применении особого оружия – агентуры, и кто дал добро руководителю этой группы.

С имени Николая Степановича Батюшина открывается в российской истории XX века уникальный скорбный список первых лиц специальных служб, отданных на заклятие политиками в угоду политике.

Цели, поставленные комиссией военной верхушкой, свидетельствовали о потрясающем политическом инфантилизме ее участников, граничащим с примитивизмом, что вообще-то было присуще огромному числу представителей российского генералитета. Среди них оказался и дважды генерал Н. С. Батюшин: и «генерал для поручений», и генерал по званию. Крайний монархист по политическим убеждениям, сторонник сильной руки, а потому – враг демократии и парламентаризма, мало разбиравшийся в вопросах права (этой сфере государственной жизни он нигде не учился), Батюшин в дни своего взлета на оперативный Олимп и сам мог поверить, что силовыми методами, включая сюда и те специфические, которыми он владел мастерски, можно спасти от гибели Империю, особенно если у тебя за спиной стоит генералитет всей страны во главе с Верховным главнокомандующим.

До конца дней своих он так и не осознает, что революционные волны снесли с лица земли императорскую Россию, а вместе с ними не одну тысячу таких и еще более мощных фигур, чем он сам. Это была трагедия всей страны, общая беда народа и разовых усилий для ее предотвращения оказалось совсем недостаточно. Батюшин, не желая того, попал в расставленные им самим силки. Оперативные силки.

Предваряя рассказ о крушении карьеры генерала-разведчика, нельзя проигнорировать еще одну составляющую проблемы – национальную, а точнее, еврейскую. Ее невозможно ни обойти, ни объехать, так как комиссия, предназначавшаяся для наведения порядка в тылу, в экономической сфере, по внутренней логике вещей должна была столкнуться с проблемой еврейской. Чтобы понять ее сложность именно в годы Первой мировой войны, отсылаем читателя к книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе (1795 -1995)», а именно к главе 12-й «В войну (1914-1916)». Здесь же воспользуемся необходимыми для нашего изложения фактам, взятыми из его книги.

В трех сопредельных европейских империях (России, Австро-Венгрии, Германии) «жило три четверти евреев всего мира и 90 процентов евреев Европы, причем сосредоточены они были в театре назревающих военных действий, от Ковенской губернии (затем и Лифляндии) до австрийской Галиции (затем и Румынии)». У оперативных работников, сформировавшихся на западных рубежах страны, а именно таким был Батюшин, отношение к евреям как к народу было, скажем прямо утилитарное, имперски высокомерное, подчас даже с неким налетом черносотенства, как сказали бы сейчас. Тут как говорится ни убавить, ни прибавить. Это российская историческая данность, ее роковое наследие.

С большой примесью юдофобии – так уж повелось на Руси – формировались в ней жандармы, охранники различных мастей, а позже и контрразведчики. Мало кто знает, например, что в «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений» (1911 г.) содержалось двадцать пунктов с перечислением лиц, на которых контрразведчики должны были обращать «особое внимание». Среди различных категорий иностранцев, русских подданных, военных и классных чинов, инородцев, упоминались «комиссионеры (особенно евреи)», а также «лица, втирающиеся в военную среду (особенно еврейского происхождения)». Агентский корпус спецслужб всех трех государств до войны во многом формировался из числа лиц еврейской национальности.

В условиях войны проблема обострилась стократно. Доктор Д. Пасманник, бывший всю войну на фронте врачом, свидетельствует, что к новому 1915 году «вдруг по всему фронту и во всех правительственных кругах заговорили о еврейском шпионаже».

В экономической области много нареканий было в адрес евреев-поставщиков. Например, в день своего вступления в должность Верховного главнокомандующего государь подписал в Ставке приказ, в котором говорилось, что поставщики-евреи злоупотребляют доставками перевязочных средств, лошадей и хлеба для армии; получают от войсковых частей удостоверения, «что им поручена покупка для надобностей войск..., но без указания количества покупаемого и района» покупки. Затем «евреи снимают с них в разных городах значительное число нотариальных копий, раздают их своим единомышленникам» и таким образом получают возможность производить закупки в любом районе Империи. «Благодаря еврейской сплоченности и значительным денежным средствам, ими захватываются обширные районы для скупки главным образом лошадей и хлеба», а это искусственно повышает цены и затрудняет деятельность правительственных заготовителей.

Добавим к сказанному о том, что на протяжении нескольких месяцев 1916 года в стенах Государственной Думы шли открытые дебаты по различным аспектам еврейского вопроса, то есть общественность страны практически без перерыва два военных года была вовлечена в публичную полемику по одной из самых острых проблем российской жизни.

Все сказанное по данному вопросу, на наш взгляд, является дополнительным аргументом для ответа на вопрос, почему верховное командование именно контрразведчика Батюшина привлекло к делу, еврейский аспект постоянно присутствовал в оперативных делах его, начиная с первых дней службы в «органах» в Варшавском военном округе.

А теперь обо всем по порядку.

В конце мая 1916 года на основе сведений, регулярно поступающих из Департамента полиции, а также докладов военной контрразведки о подозрительных в пользу Германии банковских операциях Дмитрия Рубенштейна и некоторых других финансовых воротил (среди них сахарозаводчики Абрам Добрый, Израиль Бабушкин, Иовель Гопнер) начальник

штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев добился разрешения Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии в рамках Северного фронта. Выбор пал на Генеральный штаб генерал-майора Батюшина. Тандем «состоящих при штабе фронта» Бонч-Бруевича и Батюшина, поддерживаемый Рузским, вновь заработал безотказно.

В состав комиссии вошли избранные самим Батюшиным квалифицированные офицеры контрразведки. Среди них поднаторевший за военные годы в делах по борьбе со шпионажем В. Г. Орлов, в то время официально числившийся на должности военного следователя по особо важным делам при штабе Верховного главнокомандующего. Он на протяжении четырех месяцев 1915 года в составе специально созданной комиссии вел следствие по делу бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, а ранее – жандармского полковника С. Н. Мясоедова. В слепом угождении начальству замечен не был, мог с достоинством отстаивать свое мнение. Так будучи членом комиссии по делу Сухомлинова Орлов установил, что около военного министра длительное время крутился некий делец А. О. Альтшиллер, который по оперативным данным политической полиции и контрразведки, являлся австрийским шпионом. Однако эти данные следственным путем не подтвердились, что весьма разочаровало высокое начальство. Об его особом мнении по делу Мясоедова точнее, некоторых участников этого процесса, уже ранее шла речь.

В комиссию были включены контрразведчики из петроградского КРО прапорщики Барт и Логвинский. На заключительном этапе комиссия пользовалась также услугами юристов, служивших до войны в Варшавском военном округе и поэтому хорошо знакомых Батюшину. Ими были: соратник Батюшина по Варшавскому округу, а ныне помощник военного прокурора столичного военно-окружного суда, автор книги «Немецкое шпионство», написанной на материалах судебных процессов над шпионами в России, полковник Александр Семенович Резанов, товарищ прокурора варшавской Судебной палаты Василий Дмитриевич Жижин, судебный следователь по особо важным делам также из Варшавы Петр Николаевич Матвеев и некоторые другие.

А. И. Солженицын, признав комиссию Батюшина «важной», тем не менее огорчается, что «не сумели составить ее достойно, добротню», излагая при этом, к сожалению, часть измышлений, высыпающихся как из рога изобилия на каждого из ее членов в те дни, когда комиссия была повержена: «картежник и любитель ресторанной жизни с возлияниями» Резанов, «другие подозрительные лица». Об Орлове им сказано как об «оборотне», но применительно не ко времени работы комиссии, а к последующим годам жизни и деятельности человека с исключительно сложной судьбой. Так можно утверждать, совсем не зная характера Батюшина, его безгранично ответственного подхода к любому делу, тем более к делу особой государственной важности. Мы знаем, каким щепетильным и бескомпромиссным был он в оценке людей, особенно тех, с кем нужно было разделить ответственное поручение. Конечно не исключается, что в отдельных случаях при общем дефиците специалистов в спешке Батюшин мог опрометчиво воспользоваться каким-либо рекомендованным ему офицером с сомнительными в нравственном отношении качествами (прапорщик Логвинекий, например), но костяк комиссии был представлен не этими случайными людьми. Роковая ошибка руководителя комиссии как мы узнаем была в сотрудничестве с другими лицами.

Эта полемика с Александром Исаевичем не должна помешать нашей абсолютной убежденности в том, что именно ему, Солженицыну, на сегодняшний день принадлежит наиболее корректное в анализе и емкое, исторически достоверное изложение так называемого еврейского вопроса в России в период Первой мировой войны. И в контексте этой острейшей на то время в стране социальной проблемы следует рассматривать очень многое из того, что произошло с комиссией генерала Батюшина и последующими судьбами ее членов.

В июне 1916 года в Петрограде на дверях дома № 90 на Фонтанке появилась написанная на белом листе бумаги вывеска: «Комиссия генерала Батюшина». Как зачастую бывает и сейчас, денег на оборудование помещения не дали. Вот как описывает

«апартаменты» оперативников и следователей один из приходивших на допрос свидетелей: «С большим трудом поднялся я по грязной лестнице, пахнувшей кошками, на третий этаж, нашел нужную дверь... Открыв дверь, вошел в приемную (полутемную переднюю). Единственным предметом мебели тут был грязный топчан, служивший лежанкой для находившегося здесь жандарма... За простым столом, заменявшим письменный, сидел генерал Батюшин». Примерно так же, как с помещением, обстояло дело с транспортом, связью, командировочными расходами. Но несмотря на некомфортные условия бытия, комиссия взялась за дело.

А. И. Солженицын, используя неизвестный нам ученый труд 20-х годов (в архивах нами не обнаружены дела оперативных разработок комиссии, хотя они в марте 1917 года самим генералом были предусмотрительно в полном объеме направлены в Ставку), пишет, что первой мишенью ее стал банкир Д. Л. Рубенштейн, подозреваемый в «спекулятивных операциях с немецким капиталом», финансовых операциях в пользу неприятеля, дискредитировании рубля, переплате заграничным агентам при заказах интендантства и в спекуляции хлебом на Волге. Рубенштейн был арестован распоряжением министра юстиции А. А. Макарова 10 июля 1916 года с обвинением в государственной измене. Последнее – на счет министра Макарова – вызывает сомнение, ибо случись такое, комиссия Батюшина могла бы спать спокойно. В том-то и дело, что министр юстиции здесь не при чем: банкир был действительно арестован в начале июля в результате дознания, проведенного самими контрразведчиками (по существующему положению, необходимые права для этого у них были). Здесь-то и начались настоящие сложности. Чтобы дознание перевести в стадию предварительного следствия (Рубинштейн уже несколько месяцев сидел в псковской тюрьме, куда переведен был после ареста в Петрограде), тем самым оправдать состоявшийся арест и в последующем осудить арестованного, для этого необходимо было получить согласие Петроградской судебной палаты. Прокурором последней был один из самых авторитетных юристов России Сергей Владиславович Завадский. Приведем фрагменты из воспоминаний С. В. Завадского, уверяя читателя, что опубликованные в 1923 году воспоминания его отличаются большой точностью и редко требуют от историков какой-либо особой корректировки. Батюшин же считал Завадского юристом, зараженным революционными идеями и потому пристрастным.

«Теперь я подошел к пресловутому делу о государственной измене банкира Д. Л. Рубенштейна. Дознание по этому делу производили военные власти: особая комиссия, из состава которой я видел и знал только председателя ее генерала Н. С. Батюшина и еще полковника Рязанова (на самом деле Резанова. – А.З.), носившего чисто русскую фамилию и говорившего по-русски безупречно, но оказавшегося почему-то лютеранином. Мое отношение к делу выражается лучшего всего старым присловьем: с боку припека. Я уже знал, что Рубенштейн содержится в псковской тюрьме по обвинению в измене, когда ко мне явился генерал Батюшин за консультацией. Все вопросы его в это посещение, а затем и в следующие, сводились к одному: есть ли состав преступления в том-то и в том-то. Менялись только приводимые генералом факты, потому что обвинений было множество» (пропустим конкретные факты из этих «обвинений», подаваемых автором несколько в шаржированном виде. – А.З.) И далее: «Многое я в настоящее время уже забыл, да подробностей и передавать незачем. Достаточно отметить, что протоколов дознания генерал мне не показывал (да и обязан не был), а довольствовался или передачей копий своих донесений по начальству или словесными утверждениями, будто дознанием уже установлено то-то и то-то... Кое-что в словах генерала было для меня странно; однако не верить ему, что дознание вполне изобличило Рубенштейна, я не имел ни повода, ни права, да и спрашивал меня генерал только о составе преступления. Я отвечал, что состав преступления есть, исходя конечно из предположения, что установлены соответствующие факты». Вдохновленный пониманием ситуации со стороны первоклассного юриста, Батюшин в очередной приход к С. В. Завадскому (вместе с Резановым) «оставил мне все дознание на несколько дней, и я до сих пор не могу забыть того чувства подавленности, которое овладело мною по прочтении этого

детского лепета: все слухи, все сплетни, все обрывки без начала и конца. Рассказы генерала были только смелой попыткой реконструкции целого здания из жалких обломков и отдельных кирпичей». Завадский, спасая ситуацию, пишет для генерала отдельную памятку («шпаргалку»), что дополнительно надо установить дознанием, чтобы начать следственные действия, иначе все усилия контрразведчиков обернутся против них и Рубенштейна придется освобождать из тюрьмы. «Батюшин на меня вознегодовал ужасно: против освобождения Рубенштейна он восставал с жаром, говоря, что военное командование этого не потерпит, а дознание, в котором запутался, хотел отпихнуть от себя во что бы то ни стало. Я понимал положение генерала: продолжать дознание без надежды закончить его удовлетворительно, значило бы еще больше отягчать свою ответственность за длительное содержание человека под стражей без достаточных улик, а идти на немедленное освобождение обвиняемого в порядке следственных действий было бы все равно, что разом подчеркнуть неправильность принятой комиссией меры пресечения. Более того, я отдавал себе отчет в своем положении: каких только собак не повесит на меня командование, да и оно ли одно (намеком прозрачный: сам царь Николай II. Значит в беседах с прокурором Батюшин ясно дал понять, кто стоит за его спиной. – Авт.), когда следователь освободит такую крупную дичь среди отысканных военными властями изменников. Но помочь ни генералу, ни себе я ничем не мог, а должен был подчиняться тому, что мне говорили закон и человеческая совесть.

Генерал Батюшин ушел от меня врагом, и более я с ним не видался».

Заключительную часть поучительнейшего эпизода из истории русской военной контрразведки военной поры, одно из ведущих подразделений которой оказалось вовлеченным в качестве активного участника в крупную политическую игру, расскажем своими словами (первоисточником останутся те же воспоминания С. В. Завадского). Министр юстиции и одновременно по должности генерал-прокурор А. А. Макаров, которому после случившегося Батюшин пожаловался на прокурора, предложил Завадскому высказать свое мнение по существу дела. Завадский и министру сообщил то, что сказал Батюшину, получив при этом от самого министра одобрение своей позиции. Несмотря на это Макаров, руководствуясь состоявшимся на этот счет Высочайшим повелением, вынужден был пойти навстречу настойчивым усилиям Батюшина и разрешил передать дело на рассмотрение прокурору Варшавской судебной палаты. Хотя из-за такого решения в ложном положении оказалось высшее звено российской юстиции в лице ее министра и столичного прокурора, но с этим считаться не приходилось, так как нужно было выполнять волю императора. Завадский печально констатировал: «Я еще был прокурором судебной палаты, когда в Петроград приехали следователь Матвеев и товарищ прокурора Жижин для производства следственных действий о Рубенштейне... Со мною повидаться они... признали излишним».

Шестого декабря (ст. ст.) по прямому настоянию императрицы, на которую в свою очередь воздействовал «свят той старец», Рубенштейн был условно освобожден из-под ареста под поручительство. Прямое участие при этом принимал и услужливый министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Но следствие не было закрыто, и он вскоре (после смерти Распутина) был арестован теперь уже по постановлению варшавских юристов. Перед февралем Рубенштейн по законам военного времени как нежелательный элемент административным распоряжением был определен на высылку в двадцать четыре часа в Сибирь под конвоем. Много лет спустя один из современников будет вспоминать: «Надо было видеть, как взбесились все его поклонники, его огромная шайка дельцов, прислужников, маклеров, адвокатов и все „общество“, его окружавшее и кутившее на его широкий счет первоклассного мошенника, обиравшего и морившего голодом русский народ. От этой всей своры некуда было деваться, так как наседали они с приставами о различных хлопотах. Конечно в Петрограде стон стонал (так в тексте. – Авт.) об ужасном „антисемитизме“, проявленном к этому мученику воровского бизнеса, к этому несчастному Рубенштейну, которому не позволили выехать из Петрограда в собственном автомобиле, а предложили вместе с другими спекулянтами прокатиться до Новосибирска (в те годы – Новониколаевск. – А.З.) в арестантском вагоне за решеткой под конвоем». На самом деле

«поездка» в арестантском вагоне не состоялась. Рубенштейн оказался на свободе 28 февраля – был освобожден из тюрьмы «восставшим народом» как писали в то время.

Мы процитировали фрагмент записок Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, твердокаменного большевика из ленинской обоймы, родного брата известного нашему читателю генерала. Вот какую через годы давал он оценку ситуаций, сложившейся в стране в этой сфере. «К сожалению среди самых наглых спекулянтов продуктами первой необходимости было очень много евреев, которые вели себя отвратительно и нагло... В Петрограде возникли спекулянтские еврейские банки, например, банк Рубенштейна, которые выделялись своей черной спекуляцией даже среди других таких же банков, принадлежавших русским, английским, французским трестам... Вот именно эти гады еврейской национальности, делавшие то же самое, что и русские, французы, англичане, армяне и другие, выделяясь своей наглостью, безжалостностью, кровавой жадной наживы, порождали антисемитизм, который в данном случае проявлялся как ненависть к спекулянтам». Заноса на бумагу в 30-е годы такие несвойственные для ортодоксального коммуниста резкие оценки российского еврейства в годы войны, В. Д. Бонч-Бруевич мог и не знать, что послеоктябрьские правители России не один год пользовались услугами этого вездесущего Рубенштейна.

Приведенные суждения Владимира Дмитриевича, не предназначавшиеся для печати, несомненно, явились результатом его бесед с братом-генералом. Но последний как ни странно в своих воспоминаниях на этот счет не был столь категоричен. Он не чурался разделить с контрразведкой фронта и 6-й армией, где короткий срок был начальником штаба, и лично с генералом Батюшиным почетную ответственность по многим успешно проведенным, на его взгляд, оперативным разработкам. Мало того, он с гордостью писал, что за одну из них заслужил гнев самой императрицы Александры Федоровны. Так как это были мемуары «красного» генерала, то последнее он с законной гордостью вписал в свой советский «послужной» лист. И в этом контексте тем более непонятно, почему дела Рубенштейна и сахарозаводчиков и вообще работа комиссии Батюшина остались проигнорированными им в его воспоминаниях. Информации типа: «контрразведке было известно», что «за назначение Добровольского министром юстиции Распутин получил от привлеченного за спекуляцию банкира Рубенштейна сто тысяч рублей» явно мало. Или: Батюшин «был для меня своим человеком, и я без всякой опаски посвятил его в свои далеко идущие намерения» (речь шла о Распутине). Наконец: «Русский командировал меня в Петроград для обследования деятельности контрразведки штаба округа, недавно выделенного из состава фронта, и ознакомления с работой комиссии генерала Батюшина» (это декабрь 1916 года). Практически этими строчками и ограничиваются свидетельства генерала по одному из крупнейших дел, имевших место накануне гибели самодержавия. Архивные документы, однако, подтверждают, что Бонч-Бруевич в названном деле играл одну из заглавных ролей.

Авторитетный правовед и внимательный наблюдатель всего происходящего Михаил Павлович Чубинский записал в дневнике в январе 1917 года: «...говорят о предполагаемом уходе из прокуроров палаты С. В. Завадского и это будет очень печально. С. В. тонкий и умный юрист, который достойно и энергично вел себя в таких сложных и щекотливых делах как дело Рубенштейна, Манасевича-Мануйлова и других. Удивительно, что даже такой правый, сдержанный и типичный бюрократ как министр юстиции Макаров, ушел, не выдержав прекращения дела Мануйлова» (О Манасевиче-Мануйлове речь еще впереди).

Тут же в дневнике характерная приписка, весьма ценная для нас: «Д. Л. Рубенштейн – видный финансист, биржевик и банковский деятель, является одной из колоритнейших фигур нашего времени. Почти гениальный в спекуляциях, чуждый морали, смело оперирующий на границе гражданского и уголовного права он завоевал себе очень влиятельное положение и в то же время являлся неисчерпаемой темой для рассказов и анекдотов, сделавших его имя чрезвычайно популярным».

Аргументирование, в спокойных деловых тонах сам Н. С. Батюшин излагает эпизоды,

связанные с делами Рубенштейна, сахарозаводчиков и иными объектами оперативной разработки. Тем самым приобщаешься к новому историческому первоисточнику, о котором наверняка не знали братья Бончи и, возможно, не знает Солженицын. Вот один фрагмент. «Устанавливать за ним (Рубенштейном. – Авт.) наружное наблюдение было бесполезно, настолько он был ловок. При обыске, например, у него был найден дневник установленного за ним Департаментом полиции наружного наблюдения. Он был в хороших отношениях с директором этого Департамента Климовичем. Да вообще у него были хорошие знакомства в высших сферах. Накануне, например, обыска у него обедал министр внутренних дел Протопопов. Его очень хорошо знала А. А. Вырубова. Про Распутина, которому он доставал любимую им мадеру, и говорить нечего. Ввиду этого разработка дела Рубенштейна представляла огромные трудности не в техническом отношении, а главным образом благодаря его колоссальным связям в Петрограде.

При обыске у него, между прочим, был найден секретный документ штаба 3-й армии. Вероятно, у него было бы найдено несравненно большее количество секретных документов, если бы он не был предупрежден о готовившемся у него обыске человеком, близко стоявшим к председателю Совета министров Штюрмеру, что выяснилось лишь впоследствии». Этим человеком, возможно, был главный агент данной разработки И. Ф. Манасевич-Мануйлов. Как видим, в этом изложении упор сделан на оперативную, а не на политико-юридическую сторону всего того, что именуется «делом Рубенштейна».

И последний штрих из исторического, хотя и кратковременного «сотрудничества-противостояния» контрразведки и юстиции. Снова Завадский: «Дело кончилось ничем, но как именно это произошло, я не знаю. Рубенштейна впервые я увидел в Зимнем дворце, в столовой, где завтракали члены и следователи верховной комиссии(!), исследовавшие злоупотребления старого режима. Зачем он туда пришел, меня никто не осведомил, но тогда я собственными глазами удостоверился, что он уже выпущен на свободу. А затем я был вызван в качестве свидетеля сенатором В. А. Бальцем, стоявшим во главе комиссии, в задачу которой входило расследование злоупотреблений специально военного ведомства. Оказалось, что под стражею находится уже генерал Батюшин: ему, если не ошибаюсь, вменялось в вину включение ложных сведений о ходе дознания по делу Рубенштейна в письменные доклады начальству».

На наш взгляд, острейшая коллизия Завадский (Макаров) – Батюшин (Ставка) – это лишь видимая часть айсберга. Нет сомнения, что истинное противостояние имело другой, общеимперский масштаб. На самом деле, на одной чаше весов – вся головка российской империи: Верховный главнокомандующий царь Николай II, Ставка, ближайший к столице фронт во главе с умным и проницательным главнокомандующим Н. В. Рузским. Их боевой, ударной силой был особый отряд – комиссия во главе с опытным и надежным контрразведчиком Н. С. Батюшиным. На другой – небольшая кучка взлелеянных войной наглых финансовых и биржевых воротил, дельцов и попросту проходимцев (тот же Распутин чего стоил!), для которых воюющее российское государство и его народ – неисчерпаемый источник для их паразитирования, обогащения, достигаемого с помощью всех мыслимых и немыслимых средств. Их сила – в капитале, с помощью которого можно было привлечь на свою сторону и привлекались деятели любого уровня разлагающегося отечественного государственного аппарата. Великая Россия для них стала своеобразным ломберным столиком, на котором эти игроки делали свои, к сожалению, беспроигрышные ставки. В этом своем качестве они, по мнению защитников России и патриотов вообще, являлись подлинными ее врагами. А о том, что болезнь существующего режима зашла глубоко и в определенной мере уже не поддавалась лечению вопреки мнению ее «врачевателей», знало не так уж много лиц.

Итог этого по своему историческому противостоянию таков: победителем оказалась клика корыстных антигосударственников, больше похожих на врагов отечества, а вовсе не императорская Россия с ее могучей армией и военной контрразведкой, органами правосудия. Это страшная гримаса истории, а никакой не закономерный результат для всех иных держав,

кроме России! Особую ответственность за поражения такого рода делят между собой все его участники, начиная с самого царя. Затем следует генералитет, за ним – в очередь – жандармерия, политическая полиция, контрразведчики и юристы всех рангов. Конечно и его величество Капитал. Но каждому на весах истории отмерено свое. В первую очередь, царю – за «самодовольное и бездарное правление, при котором сама судьба России уплывала из рук правителей» (Солженицын). Вот почему контрразведка так и не смогла реализовать свои возможности.

Все сказанное здесь относится к «большой истории», к «большой политике». Но совсем не безразлично осмыслить такой частный вопрос: почему вместо сотрудничества с органами правосудия контрразведка оказалась в состоянии конфликта, противоборства с ней? Какой здесь скрыт урок? Глубоко не правыми будут те, кто в конфликте юриста и контрразведчика увидят лишь субъективный момент. Будто одна из сторон попыталась «поставить на место» другую. Наше мнение иное. Случившееся – сотрудничество, вылившееся в противостояние, – стало возможным в силу ряда объективных причин.

Во– первых, в воюющей России, как ни покажется странным, не было единого правового пространства. По «Положению о полевом управлении войск в военное время», утвержденном за несколько дней до начала войны, страна искусственно расчленялась на две «отдельные части» -фронт и тыл. Характер взаимоотношений между гражданской администрацией и военным командованием сразу же приобрел особую остроту. Вся полнота власти на обширных территориях театра военных действий (ТВД) перешла к военным. Ставка Верховного главнокомандования стала фактически вторым правительством Империи. Механизма взаимодействия ее с Советом министров, законодательными органами создано не было. Попытки же в течение войны найти некий консенсус в действиях двух властных центров не удалось. Это привело в конце войны к кризису государственного управления. В такой ситуации сильно страдала юриспруденция. В тылу она функционировала в традиционном формате, а на ТВД – бездействовала; так как полный набор репрессивных средств и возможностей был у армейского командования. Рассматриваемая коллизия есть ни что иное, как частный случай проявления такого объективно существующего в стране противоречия.

Во– вторых, юриспруденция и контрразведка это разноплановые государственные функции. Их представители по-разному смотрят на пути и средства достижения своих целей, ибо природа их различна, несхожа. Коллеги-юристы (Завадский, Чубинский) по роду своей деятельности не обязаны стараться узнать заранее о том, где и как некое лицо или группа лиц осуществляют преступления против государства. Для них зло только тогда считается таковым, когда оно будет доказано судом. Оперативный же работник в отличие от них способен получать информацию о преступлении в момент его совершения. Он способен видеть изнанку этого преступления, знать многое об его участниках, определить истинные масштабы содеянного. Для него то же самое зло -нечто осязаемое почти каждодневно, и он считает необходимым как можно скорее положить этому конец. Поэтому не мудрено, что оперативные начала до поры до времени могут просто не стыковаться с существующим правовым регламентом. Это особенно понятно, ибо речь идет о молодой отечественной контрразведывательной службе, которая еще не успела органически вписаться в российское правовое поле.

Гражданские и военные юристы в большинстве своем не накопили опыта по работе со шпионскими делами, в основе которых лежали оперативные материалы – агентурные донесения, сведения, полученные от добровольных осведомителей, сводки наружного наблюдения, корреспонденция, полученная путем перлюстрации, и т. п. Добавим к этому, что они практически ничего не знали об иностранных разведках, их структуре, организации, методах работы. Вот почему юриста Завадского буквально шокировали «слухи, сплетни, обрывки без начала и конца», то есть то, что в контрразведке называется оперативными материалами, видимо не сведенными Батюшиным в систему, и он отвергает их. Хотя как гражданин, а тем более как законник, он отлично понимает, с какого рода преступными

делами, страшными по своим отрицательным последствиям для Отечества, он столкнулся. Закон превыше всего, и пусть весь мир летит в тартарары, если закон не соблюдается – вот безупречное кредо Прокурора с большой буквы С. В. Завадского.

Оперативные работники в свою очередь должны были иметь хотя бы минимум знаний юриспруденции, чтобы грамотно с точки зрения права вести оперативные дела. Но для этого нужны были элементарные знания основ права, навыки и умение пользоваться ими на всех стадиях оперативной разработки. Вот что знал и чему мог научить опытный контрразведчик Батюшин: «Ликвидация дела (то есть обыски, аресты, выемки. – Авт.) должна быть произведена в один день, а буде возможно и в один час, дабы помешать преждевременному разглашению этого факта... Быстрый просмотр отобранных по ликвидации материалов сразу же дает картину состава преступления и его квалификацию, почему и дальнейшее расследование должно вестись в рамках тех статей Уголовного уложения, под которые подходит это преступление. По ходу дела должны быть посвящены в него тот следователь по особо важным делам, который будет вести это дело, и прокурор судебной палаты, как наблюдающий за следствием орган... Должен сказать, что за мою почти десятилетнюю практику перед Великой войной у меня никогда не было расхождений в оценке этих улик с высшими чинами варшавской Судебной палаты».

Все приходит с опытом, но при обязательном условии, что сама контрразведывательная система должна быть вписана в правовой режим страны. Однако и законов, и опыта в России тех лет было явно недостаточно. Все находилось еще в стадии приобретения, накопления...

Но в природе самой оперативной деятельности есть то, что постоянно создает коллизию, которую назовем условно: «Завадский – Батюшин», или юрист-оперативник. У контрразведчика свое собственное видение ситуации. Он может искренне не понимать Завадского как законника, «удивляться» его буквоедству, из-за этого даже «сердиться» на него. Он убежден: при «ликвидации дела», то есть при проведении выемок, арестов, обысков «надобно пользоваться пока сравнительной свободой действий контрразведки в административном порядке, так как все действия судебных властей скованы буквой закона». Это опять Батюшин.

Вот она реальная коллизия. Контрразведчики, пользуясь оперативными средствами, насквозь видели преступную, антигосударственную сущность в махинациях финансовых и экономических оборотней типа Рубенштейна и К^о, для которых любовь к Отечеству – пустой звук. Можно легко представить душевное состояние контрразведчиков при оперативной работе с таким «контингентом», их естественный порыв вырвать с корнем зло, и чем скорее, тем лучше для истекающей кровью Родины. Но на их пути вставал его величество Закон, пусть не совсем приспособленный для условий войны, но пока единственно действовавший. И с этим нельзя не считаться. Сам Батюшин отлично понимал ситуацию: неслучайны его неоднократные консультации с прокурором. Вместе с тем генерал был совершенно искренне убежден и в другом: «... очень часто могут быть трения в лучшем случае из-за слишком формального отношения прокурорского надзора в столь тонком деле как шпионство, главной базой коего являются косвенные улики и убеждение судей, а не прямые улики».

Безусловен исторический факт: разведчики и контрразведчики всех стран мира на протяжении минувшего века особенно в условиях чрезвычайных – военных всегда находились под воздействием некоей «магии» результатов, полученных оперативным путем. Подавляющее большинство контрразведчиков всех рангов всегда отдают предпочтение этим данным особенно в делах по шпионажу и измене родине. В таких случаях часто происходит определенная психологическая абберация: законность видится ненужной формалистикой, а истина кроется в добытых с таким трудом и с такими ухищрениями фактах. Очень медленно будет пробивать себе дорогу понимание того, что главное для контрразведчика – преодолеть свои эмоции, обуздать собственные пристрастия и предпочтения. Но это всегда дается с трудом. А подчас и сами руководители не были заинтересованы в таком «оперативном аскетизме». Это особенно характерно для времени становления специальных служб. Ушедший век, к сожалению, изобиловал бесчисленными фактами подобного рода. Век

начавшийся едва ли станет исключением.

Острота коллизии, имеющей под собой объективные основания, со временем снимается в любом государстве и быстрее всего там, где сильны правовые начала и традиции. Юристы всегда могут понять контрразведчиков, а последние – первых, не доводя дело до разрыва отношений. В России же было все не так. В последний год существования империи, уже охваченной кризисными явлениями, конфликты и недоразумения, носящие локальный характер, превращались в такие, что их трудно было разумно разрешить. А если в конфликте участвовали сильные мира сего, то он сразу приобретал взрывоопасный, общероссийский характер. Пример тому – судьба самой комиссии Батюшина и ее руководителя.

При всей очевидной значимости объективных моментов, тем не менее, в оперативной деятельности человеческий фактор имеет решающее значение. Генерал Н. С. Батюшин, досконально зная природу контрразведки, в этом был твердо убежден. В его отношении к самому себе и к своим подчиненным он руководствовался принципом, чтобы оперативные работники всегда ставили государственные интересы выше личных.

По Батюшину, руководитель разведки и контрразведки должен быть по образованности «с веком наравне», по интеллекту – «обладать особым синтетическим умом, дабы в мелочах улавливать общую картину, то есть обладать некоторым даром прозрения», по своей природе – быть «вполне застрахованным от разного рода увлечений, свойственных его возрасту, быть своего рода аскетом, находя выход своей энергии в азарте работы по тайной разведке. Но самое главное – он при огромном хладнокровии должен быть абсолютно честным человеком...» В анналы мировой истории спецслужб можно смело включить такое его изречение: «Если вам, Ваше превосходительство, даже во сне приснится, что ваш начальник разведывательного отделения нечистоплотен в денежном отношении, то вы его, проснувшись, смените, так как контролировать его нет возможности».

Так называемый человеческий фактор оказался в конечном счете определяющими в судьбе самой комиссии. Роль пресловутой арбузной корки, наступив на которую сломали себе шею такие опытейшие генералы – контрразведчики как Бонч-Бруевич, Батюшин, сыграл ключевой агент этой разработки Иван Федорович Манасевич-Мануйлов.

С точки зрения оперативника выбор Манасевича в этом качестве был безупречным. По должности он являлся в то время личным секретарем председателя Совета министров Б. В. Штюрмера и одновременно одним из фаворитов Распутина. Есть сведения, что Распутин специально приставил его к главе правительства.

Будучи сам высоконравственной личностью, Батюшин, привлекая к сотрудничеству Манасевича, человека сомнительной репутации, видимо полагал, что у того, кому лично доверял глава правительства (добавим еще: благодаря долголетней выучке в системе МВД, Манасевич хорошо знал эту систему изнутри), существует хоть малая толика порядочности, столь необходимая в делах особой государственной важности. Но здесь и случился просчет, загубивший дело. Оказалось, человеческая подлость, негодяйство не имеют нижнего предела как геройство – верхнего. Это должны были знать матерый контрразведчик Батюшин, а вместе с ним и Бонч-Бруевич.

Ловкий и беззастенчивый делец не брезговал частными сомнительными аферами, биржевой игрой, шантажом в отношении финансистов, полагая, что он надежно защищен со всех сторон: Распутина, правительства, контрразведки. Прозрение к контрразведчикам пришло слишком поздно, когда нужно было из-за Манасевича спасать всю комиссию. Дадим запоздалое слово Бонч-Бруевичу: «Оказалось, что русский Рокамболь, снабжая комиссию ложными сведениями, отводил меч правосудия от таких прохвостов как арестованный, но уже освобожденный банкир Рубенштейн, и обдeldывал свои темные и прибыльные делишки. Комбинации Манасевича обратили на него внимание Департамента полиции. Спасаясь от полиции, Манасевич запутывал факты и ставил комиссию Батюшина в такое положение, при котором она невольно начинала защищать его от уголовного преследования за излюбленный им шантаж».

Манасевич был взят с поличным в августе 1916 года. Дело авантюриста сразу

приобрело громкое общественное звучание. В ходе следствия было установлено и вменялись ему в вину шантаж Соединенного банка и вымогательство у его руководителей 26 тысяч рублей, шантаж и запугивание немца Утемана, директора и совладельца фабрики «Треугольник», незаконное получение крупных сумм денег от Русско-Французского банка и многие другие преступления. Слушание дела было назначено на 15 декабря. Но Распутин и императрица Александра Федоровна добились от Николая II Высочайшего повеления о прекращении дела. Российская Фемида смогла исполнить свой долг лишь 13-18 февраля 1917 года. По приговору суда Манасевич-Мануйлов был лишен всех прав и состояния, приговорен к полутора годам исправительных арестантских рот.

Роль Батюшина, наверняка желавшего спасти лицо своей комиссии, оказалась исключительно двусмысленной: заведомый преступник конечно должен получить по заслугам, но он – основной источник тайной информации по главному делу комиссии. Признать это значило бы подписать смертный приговор самой комиссии, дискредитировать все то стоящее, чего она достигла. Генерал предпринимает какие-то шаги, может быть и не совсем удачные. Об этом можно судить по письму царицы Александры Федоровны к Николаю II еще в декабре 1916 года: «На деле Мануйлова прошу написать „прекратить дело“ и переслать его министру юстиции. Батюшин, в руках которого находилось все это дело, теперь сам явился к Вырубовой и просил о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему другу». Расследование и особенно суд над ставшим знаменитым на всю страну проходивцем прозвучали реквиемом для комиссии Батюшина и его карьеры.

Есть мнение, что сам судебный процесс над Манасевичем был организован, чтобы скомпрометировать комиссию Батюшина. Общественное сознание легко было убедить в том, что имевшие дело с Манасевичем-Мануйловым сами были шантажистами, прохвостами, людьми, нечистыми на руку, прихвостнями свергнутого режима. Мнение о провокационном характере судебного процесса над Манасевичем генерал высказал публично в печати, спустя пять лет после случившегося. Он, признавая, что Манасевич-Мануйлов был «осведомителем комиссии, таким же как банкиры братья Животовские, Лесин и др.», писал: «Сфабрикованное директором Соединенного банка в Москве графом Татищевым при содействии высших чинов нашей администрации дело Манасевича-Мануйлова преследовало двоякую цель: с одной стороны, очернить вверенную мне комиссию, дабы тем ослабить улики против графа Татищева, обвинявшегося на основании данных вверенной мне комиссии по тем же статьям Уголовного уложения, что и Дм. Рубенштейн, с другой стороны, для левых кругов, подготовлявших „великую и бескровную“, процесс этот являлся пробным камнем для определения устойчивости власти, в достаточной уже степени расшатанной г.г. Протопоповыми, Добровольскими и другими». Хотя такое утверждение было полемически заостренным ответом на непрекращающиеся злобные нападки «обиженных» комиссией, кстати, также эмигрантов, на ее бывшего руководителя, данное мнение Батюшина сбрасывать со счета не следует.

Батюшин допрашивался на суде первым из свидетелей. После допроса он был убежден, что ему удалось отвести от комиссии и от себя лично клеветнические наветы со стороны обвинения и адвокатуры пострадавшей стороны. Однако иллюзия длилась недолго. Через несколько дней погребло самодержавие и к власти пришли демократические временщики.

Вчерашние враги государства, благодаря своей дьявольской изворотливости, в одночасье преобразились в «жертвы» царизма. С этой позиции им оказалось наиболее просто взять реванш у контрразведчиков. Но готовилась не банальная месть своим недавним обидчикам. Под личиной демократов они пытались сохранить и максимально расширить свои возможности продолжать безнаказанно грабить российское государство. Такая игра стоила свеч.

К делу были привлечены профессионалы высокой пробы. Удар наносился расчетливо и хладнокровно. Спустя годы, не зная многих деталей, поражаешься, как тонко был сработан и реализован на практике сценарий по абсолютной компрометации всей комиссии во главе с

Батюшиным. В финале предполагалось, что генерал и контрразведчики не только будут арестованы, но что им будут предъявлены именно те статьи обвинения, которые совсем недавно фигурировали в оперативных досье на сегодняшних «мстителей».

Начнем с оценки выбора времени и места для нанесения удара.

Новоявленные демократы очень торопились, видимо руководствуясь русской пословицей «куй железо, пока горячо». «Операция» стартовала уже 18 и 20 марта 1917 года. В газете «Русская воля» за подписью некоего Вл. Самойлова появились одна за другой две статьи под заголовком «Генерал Батюшин и К°». Всего вторую неделю в Царском Селе под надзором находятся отрেকшийся Николай II с семьей. Бывшие царские министры и сановники арестовываются и направляются в Петропавловскую крепость. По мнению «сценаристов», под шумок произвольных арестов самое время открыть камеры Петропавловки также и для приспешников этой царской камарильи, их «всесильных охранников» – «генерала Батюшина и К°».

Далее о мести. Газета «Русская воля», либеральнейшая из самых либеральных органов печати, основанная в конце 1916 года министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, действительно собрала у себя под крышей плеяду видных литераторов и профессоров таких как А. В. Амфитеатров, Леонид Андреев, В. И. Немирович-Данченко, Н. А. Гредескул, Э. Д. Гримм, А. И. Зилоти, упоминавшийся уже нами М. П. Чубинский и многих других интеллектуалов, чьи имена находились на слуху у всей России. Блеск имен мешал многим увидеть подспудное: газета издавалась на средства банков и потому естественно она была проводником интересов крупного капитала и в первую очередь того хищнического, который необыкновенно возрос в условиях военного времени. Как мы знаем, одна из «первых скрипок» здесь принадлежала Д. Л. Рубинштейну и К°.

А теперь о самом ударе – о содержании двух статей, тональность которых была строго выдержана в духе торжествующей демократии и проклятий недавнему «ненавистному прошлому». От этого эффект воздействия на читателя приобретал особую привлекательность.

Читатель, знакомясь с этими статьями, должен был усвоить главное. С одной стороны, есть «запуганные и беспомощные» жертвы, «плутократы (!), пострадавшие от комиссии»: миллионер Животовский, 23 калашниковца (?), Утеман, киевские сахарозаводчики (из них названа только фамилия Доброго), фабрикант Лурье, член правления Русско-Азиатского банка Н. А. Гордон и брат его председатель табачного синдиката Б. А. Гордон, «приезжий богач» Шриро, бывший член частного Коммерческого банка Шкаф, банкир Рубенштейн, члены правления Соединенного банка и его «маклеры» – М. Д. Шкаф, Н. А. Шаскольский, М. В. Гущин и Алексей Рубенштейн, а также граф Татищев. У большинства этих людей лишь один «недостаток»: «они настолько проникнуты рабьей психологией старого режима, что им еще не верится в то, что над Россией уже высоко возшло солнце правды и нелицеприятного суда». Автор надеялся, что наконец-то они перестанут молчать и заговорят, расскажут, как это было.

А с другой стороны, «шакалы», «шантажная шайка», «всесильные и неприкосновенные провокаторы и шантажисты». Назовем их также поименно как в статье: полковник Резанов, прапорщик Логвинский, товарищ прокурора Варшавской судебной палаты Жижин, Матвеев, Манасевич-Мануйлов и особняком стоит «тогдашний глава царского правительства» Штюмер. Все они члены... «Торгового дома Батюшина», предназначенного под видом борьбы «с германскими шпионами и русскими предателями» обделывать свои грязные делишки. И на голову читателей обрушилась целая куча фактов, имеющих особую убедительность, так как они были поданы в виде цифр, обозначающих размеры взяток. Назовем вслед за газетой несколько из них. Освобождение из тюрьмы Животовскому обошлось в 800 тыс. руб., братьям Гордонам удалось «доказать свою политическую благонадежность» за 1 млн. 300 тыс. руб. У прапорщика Логвинского, который приобрел квартиры в Москве, Пскове, обнаружены: капитал в 600 тыс. руб. и купчая на дом в 350 тыс. руб. «На нужды батюшинского правосудия» ушло 238 тыс. руб. в виде взяток от трех

финансистов. Этот факт преподносился следующим образом: «Боязнь предстать пред светлые очи всесильного ген. Батюшина, который беспристрастно ради арестовывал попутно с обвиняемыми и всех свидетелей, была так велика, что запуганные маклеры предпочли отделаться относительно незначительным „пожертвованием“ и внесли на нужды батюшинского правосудия 238000 рублей (Шаскольский – 100000, Шкаф – 90000 и Алексей Рубенштейн – 48000)». А вот банкиру Рубенштейну комиссией было «выставлено требование» откупиться с помощью 1 млн. руб., причем половина этой суммы предназначалась Штюмеру. Обратим внимание: собственно Н. С. Батюшину получение каких-либо взяток газета не инкриминировала. Она, как видим, распространила этот вид преступления на весь «Торговый Дом», хозяином которого был генерал. Для последнего пуля была отлита из более надежного материала – политического. Вот этот газетный пассаж: «Достойна внимания также и политическая физиономия сотрудников генерала Батюшина. Товарищ прокурора Варшавской судебной палаты Жижин – свойственник генерала Батюшина – известен тем, что через его руки прошли на виселицу около 300 борцов за польскую свободу. Этот ретивый слуга старого режима и царский холоп совместно с генералом Батюшиным устроили в знаменитом 10-м павильоне Александровской цитадели в Варшаве такой политический застенок, с ужасами которого трудно что-либо сравнить».

Итоговая фраза, завершавшая обе публикации, была ключевой: «В распоряжение А. Ф. Керенского представлены документы, подтверждающие справедливость этого заявления». О каком «заявлении» идет речь читатель ничего не знает (можно допустить, что обе статьи – это одно «заявление»), но зато он должен был быть уверен: материалы и документы настолько основательны по содержанию и безупречны в своей истинности, что уместно их представить на рассмотрение самому министру юстиции А. Ф. Керенскому. Кто и когда представил министру юстиции эти материалы (и было ли это сделано на самом деле), насколько правомочно до решения суда публиковать порочащие группу лиц сведения – все это мелочи, над которыми сейчас никто и не должен задумываться, поскольку речь шла ни много, ни мало о преступлениях охранителей старого режима.

Несмотря на то, что в обеих статьях правильно только написание фамилий персонажей и занимаемые ими должности, а все остальное – клевета и ложь, дело было сделано. Отравленная стрела попала точно в цель. Об этом можно судить по следующему факту. В личном деле Н. С. Батюшина есть обе эти газетные статьи, наклеенные на плотную бумагу, с карандашными пометками по тексту и с автографом прочитавшего. Им был начальник штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал Юрий Никифорович Данилов, по должности прямой начальник Батюшина. Обращают на себя внимание две его пометы. Данилов двумя вертикальными чертами на полях отметил пассаж о взятке в 238 тыс. руб. в пользу батюшинской комиссии, а также подчеркнул и расписался под двумя заключительными строчками о представлении документов в распоряжение Керенского. Умный генерал, вместе с Рузским и С. С. Савичем находившийся 1 марта в вагоне Николая II и первым услышавший из уст самого царя о решении отречься от российской короны, отчетливо понял, кто будет в новой демократической России решать судьбу «комиссии Батюшина».

Уничтоженный политически и морально в глазах своих коллег и всей России, Н. С. Батюшин, тем не менее, был на свободе и исполнял обязанности по делам комиссии, готовясь к худшему. Свою задачу теперь он видел в том, чтобы надежнее (а где как не в Ставке) сохранить от уничтожения материалы своих оперативных разработок. И это ему удалось сделать. Но и злейшие враги его были начеку. Эстафету по завершению уничтожения комиссии и ее главы взяли на себя «Биржевые ведомости» – главный финансовый рупор России. Однако подключилась она к этой кампании несколько неуклюже.

15(28) марта 1917 года. Вечерний выпуск «Биржевых ведомостей» (то есть за 3-5 дней до названных статей в «Русской воле»). Анонс публикации: «Немецкий шпионаж в России». Сначала обращение военного министра А. И. Гучкова на этот счет. Далее интервью корреспондента с «известным знатоком контрразведывательного дела в России

полковником» А. С. Резановым. Содержание интервью соответствует знаниям и должностному положению полковника. Оно нам особенно интересно, потому что у товарищей по оружию надо полагать были во многом схожими взгляды на проблему борьбы со шпионажем врагов.

В интервью обращает на себя внимание то обстоятельство, что нет конъюнктурных «проклятий» в адрес свергнутого режима. Это свидетельствует о политической корректности контрразведчика. О ситуации на текущий момент им сказано так: «Немцы со свойственной им системностью (в газете „систематичностью“) не замедлили использовать то ослабление надзора, которое было вызвано последними событиями, и усилили свою шпионскую деятельность в России». О недавнем прошлом (наверняка здесь содержится и какая-то часть суждений Батюшина): «... при прежнем режиме борьба с немецким шпионажем была довольно затруднена и потому, что тогдашнее высшее военное начальство недоверчиво относилось ко всем указаниям относительно необходимости усиления борьбы с немецким шпионажем. Я сам много раз составлял подробную докладную записку и ни одна из них не получила практического осуществления, а я нажил массу неприятностей по службе и прослыл шпиономаном». О перспективах борьбы со шпионажем: «Вы спрашиваете, возможна ли борьба с германским шпионажем в России во время войны? (Видимо надо было сказать – во время революции? – Авт.). Отвечу утвердительно. Военное министерство может вести с немецким шпионажем успешную борьбу. Ведь этот шпионаж ничего особенного не представляет – он основан исключительно на системности (в газете: „систематичности“) и добросовестном исполнении немецкими шпионами своих обязанностей. Этими способами можем бороться и мы». По иным суждениям, высказанным автором интервью, приводимым им примерам, прогнозам на будущее можно утверждать, что уровень контрразведывательного мышления одного из близких соратников Батюшина был достаточно высок.

27 марта, то есть спустя неделю после публикации второй статьи в «Русской воле». Вечерний выпуск «Биржевых ведомостей». Сенсационный заголовок: «Розыски и арест генерала Батюшина» и детективное ее содержание. «С первых же дней революции скрылся неизвестно куда пресловутый генерал Батюшин, который стоял во главе комиссии, расследовавшей действия банков и т.п... Сподвижник генерала Батюшина полковник Резанов сначала скрылся, потом местонахождение его было обнаружено, и Резанов был арестован (о недавнем интервью с ним молчок. – Авт.). И далее: „О генерале Батюшине существовало предположение, что он скрылся за границу. До сведения властей дошло, что Батюшин имеет удостоверение, что он стоит во главе контрразведки. (?) Благодаря этому он имеет возможность переходить русскую границу и отбыть в Стокгольм. Тщательные розыски генерала Батюшина дали, однако, свой результат. Батюшин был обнаружен в Пскове, где он скрылся недалеко за городом. В ближайшее время Батюшин будет перевезен в Петроград“. Все написанное не что иное, как провокация, потому что Батюшин находится на свободе, и никто не охотится за ним. Похоже „Биржевка“ подсказывает демократическим властям, где надо искать генерала и что надо с ним делать. С аналогичными публикациями выступают еще несколько газет.

Провокация сработала. Восьмого апреля в свой очередной приезд по делам службы в Петроград Н. С. Батюшин будет задержан и отправлен в дом предварительного заключения, где будет находиться до ноября 1917 года. За все время пребывания в качестве задержанного он ни разу не был вызван каким-либо следователем на допрос.

«Биржевка» еще несколько раз возвращалась к Батюшину. В мае она пугала своих читателей о возможном освобождении генерала и членов его комиссии, так как у них обнаружили ходатаи перед министром юстиции. Напоминала лишний раз, что это за злодеи Батюшин и К^о: они «совершали налеты на банки и банкиров». В июле месяце еще порция: «под давлением извне» из-под ареста освобожден Резанов. Это предлог, чтобы припугнуть: «В настоящее время некоторые безответственные личности ведут усиленные хлопоты об освобождении из тюрьмы и самого доблестного генерала Батюшина, и

прапорщика Логвинского. Существует у иных тенденция во что бы то ни стало сорвать дело Батюшина и не довести его до конца. Ведет это дело сенатор Балыц». Чтобы читатели не забыли, вскоре еще одно напоминание: «Батюшин самовольно возбудил и вел дело киевских сахарозаводчиков».

Это рассказ об одной лишь газете. А их было много. О Батюшине и комиссии писали, не жалея черных красок, и в этом смысле однообразно. Отрабатывали плату. После июльских событий «Биржевке» было не до низкой мести и мелкотравчатой клеветы в отношении Батюшина надвигался и на нее девятый вал.

Нашелся лишь единственный человек, кто публично с помощью печати пошел в бой за доброе имя Батюшина. Им оказался всеми признанный «охотник за провокаторами» журналист Владимир Львович Бурцев, общероссийская знаменитость тех дней. А коллегам-генералам из Ставки, из Генерального штаба, из штаба фронта было не до Николая Степановича. Не до жиру, быть бы самим живую. Для коллег-контрразведчиков и бывших соратников, лишь небольшая часть которых в весенние и летние месяцы 1917 года была привлечена к реформированию военной контрразведки в сугубо демократическом духе, имя генерала, давшего вовлечь себя в политические игры и вышедшего из них с запятнанной репутацией, стало явно одиозным. Дыма без огня не бывает! – опасливо мог рассудить каждый из них. В то переломное и судьбоносное время для России имя и сама жизнь любого ее гражданина, какими бы достоинствами он не обладал, являлись ничтожно малой величиной, которыми можно было пренебречь. Похоже, это закон всех революций. Батюшин попал под этот закон как зазевавшийся путник под колеса бешено мчащейся кареты.

Карьера Николая Степановича Батюшина – второго по счету генерала от спецслужб России (после Н. А. Монкевица) завершилась на 44 году его жизни. Впереди еще сорок трудных лет существования без Родины, без доброго имени. Об этой половине его жизни мы практически ничего не знаем. Обозначим то немного, что известно в виде кратких заметок.

Освобождение из заключения, когда уже были советские охранники (пригодились навыки хитроумного контрразведчика), бегство из большевистского Петрограда на юг к Алексею, третьестепенные роли в Добровольческой армии, в эмиграции (Белград). Имя его так и осталось одиозным и для друзей, и для бывших коллег. «Проклятье Рубенштейна» (его выражение) висело над ним всю оставшуюся жизнь. В самые трудные годы его надежным товарищем оставался лишь В. Л. Бурцев.

По скудным материалам, проливающим свет на жизнь этой неординарной личности в условиях эмиграции, можно судить, что жизненные невзгоды не раздавили его. Он был в курсе всей мемуарной и научной литературы, посвященной России двадцатого столетия. Имел свой твердый взгляд по ключевым вопросам довоенной и послевоенной отечественной истории. Как и все мыслящие эмигранты мучался в раздумьях о главном – что и почему случилось с горячо любимой им Родиной. С особым тщанием следил за публикациями на тему разведки и контрразведки в годы Первой мировой войны. Известно также, что в 1930 году он по собственной инициативе встретился с Вальтером Николаи и Максимилианом Ронге. Достойные вчерашние противники остались при своих: никто из них не поведал друг другу о своих сокровенных профессиональных тайнах. Батюшину-изгнаннику это делало особую честь.

Нами выявлены пока лишь две публикуемые в настоящем сборнике работы. Каково реальное творческое наследие Н. С. Батюшина неизвестно.

Неизвестна и судьба прямых потомков генерала. Женат он был на потомственной дворянке Агриппине Владимировне Депрейс, уроженке Казанской губернии. У них было четверо детей: дочери Ольга (1901 г. рожд.), Татьяна (1905 г. рожд.), Елена (1907 г. рожд.) и сын Михаил (1903 г. рожд.).

Долгая жизнь русского генерала Николая Дмитриевича Батюшина завершилась в 1957 году в Бельгии. Об этом пережившие его соотечественники и мы, историки, смогли узнать из некролога.

БАТЮШИН Николай Степанович (26 февраля 1874 – до 10 марта 1957,

Брен-ле-Конт, Бельгия). Ген.-майор Ген. штаба. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Академию ГШ. Участник русско-японской войны. В 1917 г. возглавил комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. В гражданскую войну состоял при штабе Крымско-Азовской армии ген. Пархомова, затем находился в штабе армий Вооруженных Сил Юга России. Эмигрировал в Югославию. Преподавал в Белграде на отделении Высших военных научных курсов ген. Н. Н. Головина. Автор книги «Тайна военная разведка и борьба с ней» (София, 1939). Умер в доме для престарелых в г. Брен-ле-Конт (Бельгия).

Скупое сообщение о его кончине первоначально сообщило «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1957, 10 марта, № 15961). Приведенный некролог за подписью «В. П.» появится в ж-ле «Часовой», Париж-Брюссель, 1957, № 376.

Васильев И. И., Зданович А. А.

Вступление

Изданием своих лекций я преследую следующие цели:

1. Обратить особенное внимание на огромное значение военной тайной разведки на войне, так как и после Великой войны она не занимает еще у нас подобающего ей места. Между тем наши полууспехи в течение прошлой войны есть результат пренебрежения этой существенной отрасли военного дела.

2. Отвести в период подготовки к войне должное место политической тайной разведке и ее оружию – политической пропаганде как главному средству воспитания народа и постоянной поддержки на должной высоте нравственного его элемента, – главного фактора победы на войне.

3. Уяснить значение экономической разведки, являющейся важным козырем в деле победы над врагом.

Отдать должную дань уважения скромным, но честным работникам на тяжелой ниве тайной разведки, упорным и систематическим трудом коих мы обязаны тем, что в Великую войну вышли настолько подготовленными в военно-разведывательном отношении, как ни в одну из прошлых. Некоторые из них как полковник Вицнуда (Виленский военный округ), генерал Ростковский (Одесский военный округ), полковник Духонин (Киевский военный округ) – своими жизнями заплатили за исполнение долга перед Родиной или же умерли в изгнании; другие же как генерал Ефимов (Виленский военный округ) и генерал Свечин (Петербургский военный округ) здравствуют вне пределов своего отечества. Это тем более необходимо сделать, что не в интересах большевиков говорить о плюсах Императорской России. Сведений о других моих коллегах и об их работе, особенно на азиатских фронтах, у меня нет, почему и в своих лекциях у меня в этом отношении большой, но не по моей вине, пробел.

Издание этих лекций явится моим скромным ответом на сетования бывшего начальника разведывательного отделения штаба австро-венгерского Верховного главнокомандующего генерала Ронге в его последнем труде «Der Meister der Spionage» на упорное молчание русских сотрудников по тайной разведке. Главная причина тому – отсутствие материальных средств на издание подобного рода трудов, невзирая на упорные о том просьбы моих слушателей. Появлением в свете моих лекций я обязан содействию моих товарищей по мундиру, за что и приношу им глубокую благодарность.

Н. Батюшин

31 декабря 1938 года

Значение тайной разведки вообще и военной в частности

Тайная военная разведка – мощное средство победы в руках Наполеона, графа Мольтке и Гинденбурга. Значение политической разведки во время Великой войны. Скудость литературы по тайной военной разведке. Труды генерала Ронге, контр-адмирала Консетт, полковника Николаи и др. Увеличившееся значение тайной разведки при скоротечности будущих войн.

«Gouverner c'est prévoir» (управлять, значит предвидеть), говорят французы. Даром предвидения, или глазомером как выражался наш великий полководец фельдмаршал Суворов обладает однако чрезвычайно ограниченное количество выдающихся людей. Управлять же той или иной областью государственной деятельности приходится многим, подчас заурядным даже лицам. Мудрейший русский царь Иоанн Грозный со свойственной ему резкой ясностью в выражениях приводит в разговоре с мудрым правителем Борисом Годуновым следующую грань между этими двумя разрядами людей:

Не на день я, не на год устрою
Престол Руси, но в долготу веков;
И что вдали провижу я, того
Не видеть вам куриным вашим оком
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю,
А в том и вся твоя заслуга.

(«Смерть Иоанна Грозного», гр. А. Толстой)

Тайная разведка, или скрытное проникновение в планы противника путем систематической работы людей даже средних дарований, заменяет правителям недостаток государственного провидения или чутья, а потому и является необходимым политическим фактором в каждом государстве. Даже такой великий полководец как Наполеон отводил очень важное место тайной разведке не только в разработке планов войны, но даже и при выполнении стратегических операций. Ульмская, например, операция, приводимая в учебниках стратегии как классический образец вождения войск, в значительной степени обязана работе выдающегося шпиона Шульмейстера из баденских контрабандистов, достигшего за свои услуги Наполеону поста начальника венской полиции и умершего однако в нищете.

Нацеленные в 1870 году на Париж германские армии на основании донесения верного германского агента в Париже о выступлении маршала Маг-Магона из Ша-лонского лагеря для нанесения удара в правый фланг немцев, в направлении на Мец, сворачиваются графом Моль-тке с этого пути для захождения левым плечом, что и приводит к разгрому французов и надлому всей кампании.

Огромные успехи немцев на русском фронте в начале войны 1914-17 гг. при действии против 2-й армии генерала Самсонова под Варшавой и Лодзью объясняются точным знанием ими не только сил, но и намерений противника, о чем подробно будет говориться в отделе радиотелеграфной разведки. Для подтверждения этого достаточно привести следующие выдержки из книги командира 1-го германского корпуса генерала фон Франсуа «Сражение на Марне и Танненберге». На странице 201-й он говорит, что в 8 часов утра 12/25 августа 1914 года в Монтово генерал Людендорф сообщил следующие сведения о противнике:

«6– й русский армейский корпус (генерала Благоевещенского) как фланговое прикрытие Наревской армии (то есть 2-й) наступает через Ортельсбург на Бишофсбург.

13– й русский армейский корпус (генерала Ключева) наступает от Нейденбурга на Алленштейн. Передовые его части -на линии Гидендорф – Куркен.

23– й русский корпус (генерала Кондратовича) -на линии Надрау – Паульсгут.

15– й русский корпус (генерала Мартоса) ведет бои на линии Гардинен -Мишалкен против 20-го немецкого корпуса.

1–й русский корпус (генерала Артамонова), левый фланг Наревской армии, движется от Млавы через Сольдау, Уздау на Гильгенбург. Русские кавалерийские дивизии стоят у Ляутенбурга и Страссбурга».

Это является директивой 2-й русской армии на несколько дней вперед, и на подобном в высшей степени ценном и незабываемом основании не так уже было трудно разработать операцию окружения 2-й русской армии по тем трафаретным образцам и на том же почти месте, как то систематически проводилось немцами на их военных играх. В этом отношении особенный интерес представляет веденная под руководством графа Шлиффена военная игра 1905 года как провозвестник поражения генерала Самсонова и русской 2-й армии, и помещенная 15 сентября и 1 октября 1928 года в «La Revue de Paris» статья французского майора Koeltz «La Geneze de Tannenberg».

Наши противники настолько были избалованы точным знанием расположения и намерений своего неприятеля, что отсутствие данных ставило их в тупик. Так начальник разведывательного отделения штаба австро-венгерского Верховного главнокомандующего генерал Ронге пишет в своей книге «Военный и промышленный шпионаж» о моменте перемены шифра русскими под Лодзью: «У нас было катастрофическое положение. Как раз в тот именно момент, когда сильное сжатие, казалось, достигло высшего напряжения, и капитуляция 2-й и 5-й русских армий, окруженных под Лодзью, должна была совершиться, отказалось действовать наше лучшее разведывательное средство. Наша и немецкая службы подслушивания по радио набросились совместно на вновь полученные шифрованные радиogramмы... И общими усилиями новый ключ был разгадан к 22-му ноября».

Должным образом оценивая значение тайной разведки на войне, генерал Людендорф так говорит в своих воспоминаниях о ней: «Наше разведывательное отделение очень хорошо работало по распространению ложных сведений, и ни русским, ни державам Согласия не удалось проникнуть в наши намерения. Получать точные сведения о неприятеле вообще очень трудно; иначе ведение войны, особенно с неприятелем, обладающим меньшим количеством сил, было бы совсем легко».

Не менее велико значение тайной разведки и в области политической, вернее говоря, дипломатической, что особенно рельефно выступает из расшифровки межсоюзническим центральным морским бюро по разведке держав Согласия в Фолькстоне в январе 1917 года телеграммы германского министра иностранных дел Циммермана германскому посланнику в Мексике с предложением последней вступить в войну на стороне держав Союза, оттянув для этого из Согласия и Японию. В случае успеха Мексике предлагалось обратное возвращение территорий Техаса, Новой Мексики и Аризоны, уступленных Мексикой С.А.С. Штатам после войны 1846 года. Эта телеграмма имела колоссальное значение при решении президента Вильсона стать на стороне держав Согласия, объявив войну Германии.

Вообще значение тайной разведки настолько велико, что живший в IV веке до Рождества Христова китайский мудрец У. Цзе сказал: «Разведанный противник наполовину побежден». Невзирая однако на столь огромное значение тайной разведки, научная литература о ней чрезвычайно бедна. Главная причина тому – нежелание государств делиться результатами этой деликатной, дорогой и чрезвычайно трудной работы и компрометировать лиц, оказавших им ценные услуги.

Отсутствие научных трудов по тайной разведке заполняется на книжном рынке многочисленными произведениями лиц, никакого отношения к шпионству не имеющих, про которых поистине можно сказать, что они «к былям небылиц без счета прилагали». То же надо сказать и про фильмы на шпионские темы с переодеваниями, гримировками и прочим. В действительности все в области шпионства делается настолько просто, что едва ли нашелся бы предприниматель, который согласился бы взять все это за сюжет для своего фильма.

Этим стремлением к фантастическим прикрасам руководителей шпионской работы и самих шпионов заражаются нередко и профессиональные шпионы. Так бывший в 1915-1916 гг. в Ставке нашего Верховного главнокомандующего шпион Михаил Лемке говорит обо мне

в своих воспоминаниях «250 дней в Царской Ставке (25-го сентября 1915 года – 2-го июля 1916 года)»: «Этот полковник (Батюшин) – очень ловкий человек: так до войны во время маневров у нас в присутствии императора Вильгельма Батюшин сумел достать на час его записную книжку, которую и сфотографировал» (стр. 468). Все это не соответствует истине, хотя бы потому, что ни на каких маневрах в присутствии императора Вильгельма я не был. Увидев же меня 25-го мая 1916 года в Ставке, Михаил Лемке настолько разочаровался во мне, что пишет: «Сегодня был вызван по делам службы из Северного фронта г.-м. Батюшин. Наружность обыкновенная, совсем не разведывательная» (стр. 833). Да и сам Лемке ничего из себя «разведывательного» не представлял.

Автор сочинения «Шпионство и контршпионство во время Великой войны (по данным военных архивов Рейха)» австрийский полковник Зеелигер так говорит о шпионской литературе: «90 процентов шпионских историй являются из области сказок и фантазий» (см. «L'espionnage pendant la grande Guerre», par Albert Pingand, Revue des deux Mondes 1.7.1934.). Вместе с тем в этой же статье автор ее Альберт Пенго приводит рассказ о спуске 14/27 августа 1914 года в районе 2-й армии генерала Самсонова аэроплана с летчиком, капитаном бароном Келлером с пакетом из Ставки, в коем от имени Великого Князя Николая Николаевича говорилось о необходимости дальнейшего энергичного наступления генерала Самсонова, не взирая ни на какие препятствия. Через 24 часа после этого 2-я армия была пленена, что не помешало однако ей соединиться по телефону с Варшавой, откуда было сообщено, что никакого летчика генералу Самсонову не было послано. Я как бывший в то время начальник разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта, в состав коего входила 2-я армия генерала Самсонова, могу утверждать, что эта история относится также к тем 90 процентам, о которых говорит полковник Зеелигер. Я полагаю, что серьезные научные сочинения по шпионству не составляют и 10 процентов общего количества по этому предмету книг. Мне известны как таковые: труд о тайной разведке генерала Клембовского, изданный задолго еще до Великой войны, и вышедшие уже после нее труды начальников разведывательных отделений штабов германского и австро-венгерского верховных главнокомандующих полк. Николаи и генерал-майора Ронге – «Geheime Machte» («Тайные силы») и «Kriegs und Industrie Spionage» («Военный и промышленный шпионаж»), на которые я буду часто ссылаться. Следует упомянуть еще о капитальном труде английского контр-адмирала Консетт «The Triumph of the unarmed Forces» («Торжество невооруженных сил»), относящемуся к области экономической разведки за время Великой войны.

Надлежит указать еще на труды по тайной разведке, касающиеся Англии:

Bywater and Ferraby – Intelligence Service;

Fitch – Scotland Yard contre l'espionnage;

Mac Kenna – Souvenirs d'une espionne;

Silber – Les armes invisibles;

Basil Thomson – La Chasse aux espions;

Robert Boucard – Les Dessous de l'espionnage anglais;

С.А.С. Штатов – Johnson – L'Intelligence service americain.

Судить о ценности этих трудов я, не бывший на фронтах наших союзников, не берусь.

Вышеупомянутые мною труды являются историческими главным образом исследованиями, свою же скромную работу я постараюсь посвятить технике этого сложного и чрезвычайно ответственного дела, широко иллюстрируя ее примерами из своей долголетней службы разведывательному делу, начиная с 1901 года, прерванной лишь участием в Русско-японской войне и командованием полком в Великую войну. Особенную пользу принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главнейшего военного округа – Варшавского (1905-14 гг.), на долю которого приходилось по две трети границы с Германией и Австро-Венгрией. Весьма лестные отзывы об этой моей работе моих бывших противников, вышеупоминавшихся – германской службы полковника Николаи и австро-венгерской –

генерал-майора Ронге, дают мне смелость поделиться своими скромными знаниями по тайной разведке с будущими офицерами Генерального штаба, дав им надежную базу для их стратегической работы.

Я далек от мысли считать этот первый опыт научного изложения основ тайной разведки совершенным, и если я взялся за него, то отчасти и потому, чтобы установить ту печку, от которой должны танцевать, более при том умело, будущие разведчики, тем более что значение тайной разведки при скоротечности будущих войн и распространении их буквально на все области деятельности народов, не исключая и психической, должно еще более возрасти.

Руководителям государственной жизни народов настоятельно необходимо точно и наперед притом знать, что ожидает их с открытием военных действий, так как даже на импровизации в смысле парирования, например, неприязненных действий противника из воздуха – времени не будет. Можно иметь прекрасно обученную, снаряженную и хорошо руководимую армию и не иметь успеха на войне, раз не будет главного фактора при выполнении операции – неожиданности. Примером тому – наши полууспехи в Великую войну, невзирая часто на численное наше превосходство над противником, который благодаря знанию наших планов успевал к решительному пункту сосредоточивать превосходные силы, оставив, например, против нашей 1-й армии генерала Ренненкампа две кавалерийские бригады и ландверные формирования, как то имело место в период окружения немцами нашей 2-й армии под Танненбергом.

Обращаясь к послевоенному времени, мы видим небывалый успех Италии в Абиссинской войне, смело бросившей вызов повелительнице морей Англии; политические победы над ней Японии на Дальнем Востоке; успехи германской дипломатии в Европе при молчаливом одобрении той же Англии. Все это результаты не только блестящего состояния вооруженных сил этих государств, но не менее блестяще поставленной тайной разведки, правильно оценившей беспомощность в данный момент владычиц морей Англии и С.А.С. Штатов. Достаточно сказать, что если тоннаж боевого флота каждой* из этих держав обозначить единицей, то тоннаж Германии и Японии составят лишь по три пятых каждого из этих государств. То есть соотношение будет 2:6/5.

Изю всего вышесказанного ясно видно, что горько заплачут в будущем те государства, которые недооценивают значения тайной разведки в период мира!

Понятие о тайной разведке и виды ее

Определение понятия о тайной разведке. Виды тайной разведки: а) политическая; б) военная и морская; в) экономическая; г) научная и техническая. Политическая тайная разведка. Центр ее – Министерство иностранных дел и его официальные представители за границей. Расшифровка донесений иностранных миссий – важный фактор политической разведки. Мнение об этом первого лорда английского адмиралтейства Фишера (1904 -10 гг.) и генерала Ронге. Пример удачной постановки политической разведки у нас в период разделов Польши. Отрицательные примеры постановки ее у нас в Русско-японскую войну, Великую войну и в Добровольческую кампанию, а у германцев – перед самой Великой войной и в период насаждения у нас большевизма. Пропаганда – главное оружие политики, как армия и флот – в стратегии. Двоякая цель пропаганды. Примеры удачной постановки политической пропаганды: англичан – в Германии и революционеров – у нас. Процесс Манасевича-Мануйлова – пробный шар революционеров перед Великой войной. Средства политической пропаганды – печать, кино, радио, варьете, различного рода общества, преследующие пацифистские цели, то есть насаждения Царства Божия на земле. Использование большевиками и национал-социалистами Германии политической пропаганды как могучего средства перевоспитания народов.

Тайная разведка есть систематический сбор сведений о вероятном противнике. Так как

война является экзаменом народов на дальнейшее их существование, захватывающее все стороны их материальной и духовной деятельности, поэтому тайная разведка делится на а) политическую; б) военную и морскую; в) экономическую; г) научную и техническую.

А. Политическая тайная разведка.

Центром политической тайной разведки является Министерство иностранных дел с его аккредитованными в иностранные государства представителями: послами, посланниками, консулами и пр. Находясь в иноземных государствах, чины посольства естественно чувствуют пульс их народной жизни, а вращаясь в обществе, особенно в чиновном, они невольно подмечают те неуловимые поначалу сдвиги их внешней и внутренней политики, которые потом могут превратиться в акты огромной важности. Заблаговременное, точное знание этих политических перемен и использование их в пользу своего государства и является главными задачами чинов посольства. Для этого им нужны особые осведомители – люди, поддерживающие связь со стоящими у кормила власти лицами, то есть нужна тайная агентура. Так как обнять чинам миссии всю многогранность современной жизни затруднительно, то им придаются специалисты в лице военных, военно-морских, торговых, а иногда и финансовых агентов. Подчиняясь главе миссии в общем порядке службы, они вместе с тем непосредственно зависят от соответствующих министерств: военного, морского, торговли и промышленности, финансов, работая по своей специальности и их указаниям. Разрешение сложной задачи, выпадающей на долю политической разведки, в значительной степени облегчается, если будет умело организовано дешифрирование получаемых агентурным конечно путем телеграмм разных миссий и местных учреждений.

Первый лорд английского адмиралтейства, то есть морской министр Фишер (1905-1910 гг.) так пишет об этом вопросе в своих воспоминаниях: «Жаль, что не только в последней войне, но также особенно в Бурской, наши шпионы и наши разведывательные пункты были не на высоте. То, что мне сказал султан, произвело на меня такое впечатление, что я сам взялся за это дело, и благодаря патриотизму некоторых англичан, занимавших высокое положение в торговле на Средиземном побережье, я смог создать в Швейцарии частное тайное центральное разведывательное бюро, а Провидение так устроило, что благодаря счастливому стечению обстоятельств я был в состоянии получать все зашифрованные донесения из разных иностранных посольств и консульств, а также и ключи к шифрам» («Geheime Mächte», Oberst W, Nicolai, стр. 13). Не менее определенно говорит генерал Ронге о расшифровке сербских телеграмм. «Благодаря богатому опыту Балканской войны 1912-1913 гг. и перед Великой войной, – в своей книге „Kriegs und Industrie Spionage“ он пишет, – расшифровка сербских телеграмм уже не представляла никаких затруднений». Не расшифровкой ли австрийцами сербских телеграмм, особенно посылаемых в Петербург, следует объяснить несговорчивость Австро-Венгрии в период натянутых перед Великой войной дипломатических отношений с Россией?

Во всяком случае, в будущем научно поставленная работа по расшифровке телеграмм явится самым верным и быстрым средством освещения в руках политической разведки, главные старания которой должны быть направлены или на привлечение специалистов по разгадке шифров, или же агентов для покупки таковых какою угодно ценой, памятуя, что все для этого расходы окупятся сторицею. Само же получение зашифрованных телеграмм из иностранных миссий или из местных почтово-телеграфных контор особого труда не представит.

Расцветом политической разведки надо считать эпоху Людовика XIV, а у нас – Екатерины Великой, когда в Польше, например, мы распоряжались как у себя дома.

Печально работала наша политическая разведка перед Русско-японской войной, в которую мы вступили, не спросившись броду. Если бы мы отдавали себе отчет в недружелюбном к себе отношении и Англии, и С.А.С. Штатов, то вероятно нашли бы способ мирным путем ликвидировать политические несогласия с Японией. Также неудовлетворительно работала

наша политическая разведка перед Великой войной. Если бы мы знали наперед, что в результате Великой войны будет крушение трех срединных империй, в том числе и нашей, к чему приложили руки и наши союзники, то едва ли мы начали бы эту войну, какими бы гуманными лозунгами они нас ни манили. Еще печальнее результаты политической разведки в Добровольческой армии. Для каждого участника Белого движения священны лозунги борьбы с большевиками, запечатленной кровью ее бесчисленных павших и замученных героев за дело освобождения поруганной Родины. Но совершенно с другой, чисто меркантильной, точки зрения смотрели на нашу эпическую борьбу якобы идейно помогавшие нам союзники. В июле 1919 года на сделанный в английском парламенте запрос правительству по поводу английской политики по отношению к большевикам военный министр Черчилль дал нижеследующие разъяснения: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина, когда первый министр (Ллойд Джордж) придерживается мнения, что наше вооруженное вмешательство было бы актом величайшей глупости. Я отвечу парламенту с полной откровенностью. Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом постыдном договоре и они восстали против правительства, его подписавшего.

Позвольте мне сказать вам, что они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду. Они получили бы доступ к хлебным запасам Дона, к минеральным богатствам Урала, нефти Кавказа. Они снабдили бы себя всем тем, чего в течение почти четырех лет наша блокада их лишала. Таким образом, восточный фронт нами был восстановлен не на Висле, а там, где германцы искали продовольствия. Что же случилось затем? Большевизм хотел силой оружия принудить к послушанию восставшие против него окраины, сопротивлявшиеся ему по-нашему наущению.

Если после того, как восставшие окраины, подвергаясь риску, оказали нам помощь, мы сказали бы им: «Благодарствуйте, мы очень благодарны вам, вы послужили нашим целям, но теперь вы нам больше не нужны и пусть большевики режут вас», – тем самым мы высказали бы зложелательность с того момента, как мы их просили и обещали помощь? и в особенности после того, как они предприняли этот шаг и способствовали тем столь много победе союзников. Наша обязанность оказывать им помощь» («Times», 30 июля 1919 года).

На выраженное некоторыми членами английского парламента опасение, не слишком ли дорого будет стоить англичанам оказываемая адмиралу Колчаку помощь, тот же военный министр Черчилль прибавил: «Эти посылаемые снаряды являются избытком запаса английской армии; продать этот избыток на рынке нельзя, если же хранить снаряды в Англии, то парламенту придется ассигновать деньги на постройку сараев и нанимать присмотрщиков за хранением, а потому такая посылка снарядов не может считаться убыточной для английской нации».

То же почти говорит английский лорд Мильнер в своем письме от декабря 1918 года к одному английскому корреспонденту: «Вы спрашиваете, какое право имеем мы посылать наши войска для вмешательства во внутренние дела России и сколько времени это будет продолжаться после заключения перемирия? Ваш вопрос показывает, что вы ошибочно понимаете факт и деятельность английского правительства. Мы хотели как нельзя дольше воздержаться от вмешательства в дела России. Но мы имели нравственную обязанность спасти чехословаков*, и была срочная военная необходимость помешать обширным провинциям России, боровшихся против большевиков, быть захваченными большевиками и тем устранить возможность передачи ресурсов Германии. Я не говорю уже об огромных военных запасах, нам принадлежащих и находившихся во Владивостоке и Архангельске, которые большевики хотели передать Германии. Наше вмешательство увенчалось успехом. Чехословаки были спасены от истребления. Ресурсы Сибири и Украины не попали в руки неприятеля, и мы помешали, чтобы южные порты России сделались базами германских

подводных лодок. Вот те наши результаты, которые помогли поражению Германии» (см. «Journal de Geneve», 20.12.1918 г., Лондон, 19.12.1918).

В 1920 году 2 августа при голосовании в английском парламенте кредита в 200000 фунтов стерлингов на расход по перевозке чехословацкого корпуса из Сибири в их отечество член английского парламента Малон указал, что этот корпус был употреблен в Сибирь на нелегальные работы (illegal work), каковое замечание было тотчас же остановлено председателем, предложившим г-ну Малину вопрос, не забыл ли г-н Малон своей присяги верности английскому королю (см. «Morning Post», 3.8.1920, стр.3)– Примеч. автора.

Были однако и правдивые англичане как автор книги «Правда об интервенции в России» («The truth of the intervention in Russia», Bern, Promachos House, 1918) Филипп Прайс, который между прочим говорит в ней: «Как человек, проживший эти четыре года в России и видевший страдания русского народа, я категорически заявляю, что анархия и голод, теперь (в 1919 году) царящие в России, суть последствия преднамеренной работы европейских правительств, и в этом отношении английское правительство, а равно и германское вели себя как коршуны одной и той же стаи, и то что Германия делала на Украине, Англия делала то же самое в Сибири и к востоку от Волги».

Вышеприведенные разъяснения руководителей английской политики министров Черчилля и Мильнера, делаемые не в тиши дипломатических кабинетов, а опубликованные в газетах и притом в период операций наших белых армий, ясно показывают, насколько убого была поставлена у нас политическая разведка.

Для уяснения истинных причин помощи противобольшевистским армиям со стороны наших союзников не надо было даже иметь дорогостоящей тайной агентуры, а лишь только систематически читать иностранные газеты. Уяснив же причины, можно было должным образом использовать выигрышность своего военно-политического положения. В самом деле, антибольшевистские армии нужнее были нашим союзникам, чем последние нам. В этой недооценке себя и заключается кардинальный недочет политической разведки антибольшевистских армий. Для суждения об удовлетворительной постановке в Германии тайной политической разведки в мирное время может служить секретный отчет о военной игре офицеров Генерального штаба 1905 года, веденной графом Шлиффеном. Политическая обстановка в ней очень близка к той, что имела место в Великую войну. Тогда уже считалось, что Италия как член Тройственного союза не выступит на его стороне, а будет соблюдать нейтралитет. Таковой же нейтралитет, но благожелательный по отношению к Германии будет блюсти и Бельгия. Англия не только будет на стороне России и Франции, но даже пошлет свои три корпуса на континент. Но чего не предвидела германская политическая разведка – это того, что английская пропаганда в Великую войну поднимет против Тройственного союза почти весь мир, и даже С.А.С. Штаты откажутся от своей формулы Монроэ – о невмешательстве в неамериканские дела. Не предвидела германская политическая разведка также и того, что затяжная война и физическое истощение германского народа как следствие блокады нашими союзниками приведут к революции в стране и к крушению трех срединных европейских монархий.

Еще менее того она была осведомлена о вреде большевизма для себя самой, направляя в Россию агентов с Лениным во главе, памятуя казалось бы мудрое правило, что на войне не все средства хороши. Будь германская политическая разведка накануне Великой войны на должной высоте и знай немцы приблизительные последствия ее, никогда они не начали бы ее с таким легким сердцем. Да и победительница – Англия, руководившая политической разведкой держав Согласия, результатом чего и было крушение срединных империй, никак тоже не предполагала, что через 20 лет после того она сама покатится в пропасть по наклонной плоскости, и ее политические деятели не раз упрекнули близорукость своей политики, особенно в период стояния у власти Ллойда Джорджа, разрушившей Императорскую Россию, – необходимейший фактор мира на азиатском континенте. И чем ближе будет закат английской мощи в Индии и Австралии, тем сильнее будет ее разочарование в дальновидности своих политиков времен Великой войны.

В этом отношении была права английская газета «Morning Post», еще 13 августа 1918 г. писавшая: «Наши политические деятели, которые поддерживали революцию и даже большевизм, нанесли английским интересам в России непоправимый ущерб» (Н. Е. Муров, «Плоды народовластия», Париж, 1923, стр. 65).

Также как армия и флот являются оружием стратегии, так слово или пропаганда вообще есть оружие политики, причем и стратегия, и политическая пропаганда должны работать рука об руку, имея лишь одну цель – победу над врагом.

Политическая пропаганда преследует двоякую цель – поднятие настроения среди собственного населения путем хотя бы раздутья своих успехов и преувеличения неудач противника и понижение духа своего противника непосредственным воздействием или же через нейтральные страны. Эта двоякая задача политической пропаганды видна из организации ее в Великую войну в Англии. Стоявший во главе всей политической пропаганды союзников лорд Бивербрук имел трех помощников. Одного для неприятельских стран – лорда Нордкифа, одного для нейтральных стран – лорда Розенмера и одного для пропаганды в собственной стране – лорда Киплинга («Мои военные воспоминания. 1914-1918 гг.» Эрих Людендорф, стр. 356). Методы политической пропаганды должны быть чрезвычайно деликатны, дабы лозунги ее не били в глаза своей резкостью, а как бы носились в воздухе, незаметно создавая настроение масс, то есть народное движение. Конечно такая тонкая работа по плечу лишь недюжинным натурам, которые за плату или в погоне за создаваемой им работодателями славой творят дело политической пропаганды, развращая народные массы. Достаточно сказать, что граф Лев Толстой как разрушитель существовавших до него религиозных и социальных устоев русского народа затмил собой талантливого писателя и художника, творца «Войны и мира», «Анны Карениной» и др. Еще задолго до революции яд злостной политической пропаганды разливался по всей России благодаря работе таких талантливых артистов как Орленев, создавший тип безвольного царя Феодора Иоанновича в бывшей до конца 90-х годов под запрещением трагедии гр. Алексея Толстого того же имени; талантливого артиста Шаляпина с его романсами «Как король шел на войну», «Блоха» и пр., художественным исполнением коих нельзя было не увлечься. А в воздухе между тем как бы сама собой носилась параллель между царем Феодором Иоанновичем и императором Николаем II; проводилась резкая грань между положением на войне царя и обыкновенного смертного и пр. А кто из нас не увлекался точно по шучьему велению идеализацией «Дна» Максима Горького и вообще отбросов человечества, песнями каторжан, сделавшимися излюбленными номерами наших увеселений! Все это делалось как-то само собой и не было никакой возможности найти главных заправил этой систематически ведомой разрушительной работы, неустанно подрывавшей главные устои, на которых жидилось государство Российское. Вывать к печати было бесполезно, ибо она то и являлась главной цитаделью этих разрушителей.

Выбор объектов пропаганды представляет собой тоже немало затруднений, так как желая разрушить моральные устои страны, надо принимать во внимание и психологию народа. В этом отношении работа английской пропаганды заслуживает большой похвалы. Желая надломить боевую мощь Германии, английская пропаганда никоим образом не решается развенчивать ее народного героя фельдмаршала Гинден-бурга, а все свои стрелы направляет на бывшего в тени фактического генералиссимуса ее армии генерала Людендорфа, беспощадно заливая его грязью клеветы.

То же самое делалось и у нас еще задолго до революции. Грубо колебать в глазах русского народа престиж монарха было бы нецелесообразно, а потому к этому адскому делу осторожно приступает революционная пропаганда сейчас же после неудачной Русско-японской войны и следовавшей за ней малой революции. Для этого она придвигает к ступеням императорского трона простого мужика, хлыста по своим религиозным убеждениям Распутина, снабдив его даже чудодейственной силой. В книге его секретаря еврея Арона Симоновича «Распутин и евреи» подробно описана встреча Распутина, возвращавшегося с богомолья в Иерусалиме к себе, в Тобольскую деревню, с приехавшими

помолиться в Киев Великими Княгинями Анастасией и Милицей Николаевными. Случайно якобы приходит к ним во двор Распутин, им заинтересовывается Великая Княгиня, приглашают даже его пить с ними чай и в разговоре узнают, что Распутин умеет лечить гемофилию, неизлечимую болезнь, которой страдал Наследник-Цесаревич. Благодаря этому, из чувства любви матери к ее единственному сыну, Распутин вводится ими не только в царский дворец, но даже полонит душу Императрицы. При содействии подкупленных лиц мистифицируются чудеса не только над А. А. Вырубовой, но и над самим Наследником-Цесаревичем. Достигнув этой главной своей победы, пропаганда приступает к ее эксплуатации путем распускания не столько в простом народе, сколько в кругах интеллигенции гнусных инсинуаций на Государыню и ее дочерей и достигает в конце концов своей цели – расшатывания доверия народа к монарху. Особенно знаменательна в этом отношении речь П. Н. Милюкова в Государственной Думе 2-го ноября 1916 года, договорившегося чуть ли не до государственной измены самой Императрицы.

Сила этой пропаганды была настолько велика, что даже такой казалось бы столп правого крыла Государственной Думы как Пуришкевич, идет в заговор с одним из лидеров кадетской партии в Государственной Думе Маклаковым для убийства Распутина, этого мавра, сделавшего уже свое дело, то есть в достаточной степени уже поколебавшего императорский трон в глазах почитавшего его русского народа. В интересах революционной пропаганды Распутин должен быть убран не руками создавших его левых партий, а правыми деятелями, для чего в заговор приглашается даже член императорской фамилии Великий Князь Дмитрий Павлович.

Убран был наконец с политической арены Распутин. Но Россия продолжала катиться в пропасть при дружном содействии своих союзников, в слепоте своей не желавших видеть, что они рубят тот сук, на котором покоится залог их победы и их будущего благополучия. Достаточно сказать, что оттяжка войны на полтора года вынудила союзников втянуть в нее С.А.С. Штаты, заплатить жизнями сотен тысяч людей и миллиарды денег для того, чтобы через 20 лет выполнять желания побежденного их злейшего врага – Германии.

Я воочию убедился в силе революционной пропаганды на бывшем в феврале 1917 года в Петербурге процессе против состоявшего при председателе Совета министров Штюрмере чиновника Манасевича-Мануйлова, бывшего вместе с тем и секретарем Распутина. Этот установленный расследованием по приказанию Главнокомандующего Северным фронтом генерала Рузского провокационный процесс нужен был революционной пропаганде лишь для того, чтобы убедиться в слабости правительства, а попутно через голову покойного Распутина забрызгать грязью императорский трон. Процесс этот был создан директором Департамента полиции генералом Климовичем при содействии директора Соединенного банка в Москве графа Татищева. На процессе фигурировали корифеи нашей адвокатуры Карабчевский, Аронсон и др. От пускавшейся лишь по билетам в зал суда публики ломились скамьи. Я был допрошен первым как свидетель со стороны защиты и смело, по совести высказал свой взгляд на это провокационное дело. Желание гражданского истца Карабчевского в свою очередь спровоцировать меня и тем аннулировать мои показания нашло горячую и резкую отповедь с моей стороны сначала ему, а затем и ставшему на его сторону председателю Петроградского окружного суда Рейнботу. Это заставило Карабчевского и его московского коллегу прекратить постановку дальнейших мне вопросов, а во время последовавшего затем перерыва заседания суда извиниться передо мной председателю суда Рейнботу за резкость его поведения.

Подошли ко мне адвокаты защиты с Аронсоном во главе благодарить за должную отповедь Карабчевскому, который принужден был перевернуть неиспользованными несколько страниц с намеченными мне вопросами, при помощи которых он меня «загонял бы», по словам Аронсона. Я ничего не понимал во всем происходившем, и только представившийся мне после этого капитан I ранга из Ревеля, фамилию коего я забыл, разъяснил, какой террор царил до моего показания в зале суда; лишь я поставил на место председателя его Рейнбота, а равно своими показаниями разъяснил сущность процесса, за

что он дважды меня благодарил. Судить о том, что было до меня в зале суда я не мог, так как был допрошен на четвертый, на сколько помню, день заседания, находясь до этого в особой комнате для свидетелей.

Из вышеизложенного видно, что даже представители нашей юстиции во главе с ее министром Добровольским, поставившим вопреки желанию Императрицы, как это видно из Ее писем Государю, на суд это провокационное дело Манасевича-Мануйлова, были также заражены революционной пропагандой.

Примером удачно поставленной нами политической пропаганды является многолетняя славянофильская пропаганда, центром коей являлось Славянское благотворительное общество в Петербурге, членами коего наряду с известными славянофилами как профессор Ламанский и др. являлись и военные: генерал граф Игнатьев, Паренсов и др. Моральный и материальный успех этого общества покоился на симпатичности русскому любвеобильному сердцу идеи защиты слабых, а особенно славян от насилия турок и австро-венгерских правительств, приведшей нас к ряду осложнений до Великой войны включительно.

Это общество располагало значительными средствами, часть коих шла на поддержание славянофильских идей между нашими заграничными братьями-славянами. Я достоверно знаю, что лидер словаков, писатель и поэт Гурбан Ваянский ездил в Петроград за субсидиями.

Эта пропаганда среди славян бывшей австро-венгерской монархии была чрезвычайно плодотворна и результаты ее сказались в сотнях тысяч пленных на Юго-Западном фронте. В самом начале войны меня однако удивляло сравнительно малое количество пленных чехов по сравнению с другими славянскими народностями, почему я и начал было разочаровываться в продуктивности славянофильской пропаганды в Чехии. Вскоре, впрочем, этот пробел был исправлен.

Генерал Ронге очень подробно описывает перипетии смелой борьбы лидеров славян как Крамарж, Клофач и другие с Австрийским правительством, которая в конечном результате привела к крушению австро-венгерской монархии. Немалую роль в этой борьбе сыграли сокольские общества, явившиеся тем славянофильским цементом, который связал воедино национальные стремления, главным образом, печать, а затем радио, кинематограф, театр, варьете и пр. В военное время вести пропаганду непосредственно в неприятельской стране весьма затруднительно, особенно если к этому не приняты меры еще в мирное время путем основания там своих органов печати, кино, театров и пр. Ввиду этого пропаганда должна вестись через прессу нейтральных стран, где помещение соответствующих статей сопряжено с затратой больших денежных средств. Но и эта работа должна вестись с большой осмотрительностью, дабы не возбуждать подозрения у противника. Надо и в этом отношении отдать должную дань английской пропаганде, которая кажется кроме Швеции держала в своих руках всю прессу нейтральных стран, не жалея на это денежных средств. Генерал Людендорф на 370-й странице своих воспоминаний говорит об этом так: «Лорд Нордкилф был прав, утверждая, что речь английского государственного лица стоила Англии 20 000 фунтов стерлингов, когда немцы ее перепечатывают, и 100 000 фунтов стерлингов, когда они на нее не отвечают».

Кроме денежных субсидий печать можно держать в руках и при помощи контроля отпуска бумаги, красок для печатания, аренды типографий и пр., что имело место в Добровольческой армии.

Пожалуй самым опасным средством политической пропаганды являются международные общества, преследующие якобы исключительно лишь гуманные цели, насаждение Царства Божия на земле, а не политическую работу, будут ли то масонские ложи — как смешанные по своему составу, французская, английская, американская и др., или находящиеся в той или иной зависимости от них бесчисленные пацифистские и другие общества, Общество Христианской Молодежи (так называемое ИМКА) и пр.

Документально обоснованными трудами профессора Сапешко, Винберга, Нечволодова, Петровского, Иванова, Маркова, Людендорфа, Свиткова и др. установлена причастность

масонских лож к разрушительной политической пропаганде, хотя и прикрытой гуманными лозунгами.

Разрушительные политические, религиозные и социальные цели масонства ярко, кратко и документально изображены в окружном послании Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей в 1932 году, перепечатанном в «Церковной Жизни» 1935 года № 2. На странице 353-й своих военных воспоминаний генерал Людендорф таким образом характеризует разрушительную политическую работу масонства в Великую войну: «Работали и ложи (масонские) всего мира, издавна руководимые Англией, работали с совсем жутким влиянием этого могущественного из тайных союзов, служа англо-саксонской и, следовательно, интернациональной политике».

Задачи и средства разного рода международных пацифистских обществ изложены в книге Анны Нильсон «ABC der Friedens bewegung», изданной в 1936 году в Вене и Ревеле. Целями этого пацифистского движения, то есть установления Царства Божьего на земле, служат не только бесчисленные международные общества взрослых и молодежи, но даже союзы инвалидов и религиозные общества (экуменическое движение).

О своей политической пропаганде в лагерях русских военнопленных в Австро-Венгрии открыто говорит секретарь Общества Христианской Молодежи (ИМКА) Ю.Ф. Геккер в книге «Христианский Союз Молодых Людей». Если даже не углубляться в область политической пропаганды, все же вред всех вышеупомянутых международных обществ виден из того, что центр управления ими находится вне пределов воюющих государств, обыкновенно в С.А.С. Штатах или же в Швейцарии, и контроль над их служебными сношениями почти невозможен. Между тем находясь в воюющих государствах, члены этих обществ невольно впитывают в себя настроения народных масс, что является особенно ценным в моменты надлома войны и, помимо даже своей злой воли легко могут поделиться впечатлениями с коллегами за границей, то есть нанести тем существенный вред интересам той страны, где они работают. Этим обстоятельством и следует объяснить закрытие во всех странах, где национальное чувство народов достигает надлежащей высоты, масонских лож, за которым логически должно следовать и воспреещение действий всякого рода международных пацифистских обществ как разрушающих воинственный дух народов. Ярким примером тому могут служить Германия, Италия и другие государства. Следует иметь в виду, что в Императорской России масонские ложи были закрыты еще в начале XIX столетия, а из международных общественных организаций было разрешено открыть незадолго до Великой войны под контролем правительства и духовенства Общество Христианской Молодежи под названием «Маяк», воспретив ему однако примыкать к международному комитету.

Более радикальным в этом отношении является национал-социалистическое правительство Германии, которое ведет энергичную борьбу с католической религией отчасти и потому, что высший центр духовного управления католической части германского народа находится не в самой стране, а за границей.

Результаты политической пропаганды союзников в Великую войну были настолько велики, что не только жители нейтральных стран, но и самой Германии все более и более убеждались в агрессивных ее стремлениях, совершенно забывая, что причиной войны являлась борьба между Англией и Германией за морскую гегемонию, остальные же союзники, не исключая и России, были лишь статистами.

Если победа на стороне Антанты, то это надо приписать главным образом искусно веденной ею политической пропаганде через тыл разложившей и фронт армии. Ллойд Джордж знал, что делал, говорит генерал Людендорф, когда благодарил лорда Нордклифа по окончании войны от лица Англии за веденную им пропаганду. Это был художник в деле влияния на массы («Мои военные воспоминания», стр. 354). Огромное значение политической пропаганды в деле крушения тыла срединных империй, приведшего к крушению и на фронте, учли и большевики, и немцы. Первые не жалеют средств, чтобы пропагандой держать в неведении истинно русские народные массы, делая из советского ада

недостижимый для всего остального буржуазного мира «земной рай», действуя по поговорке «клеветайте, клеветайте, что-нибудь останется». Политической грамоте ими отводится поэтому такое же место при обучении солдат как и строевым занятиям.

Не менее талантливо использовало печальные для себя результаты политической пропаганды во время Великой войны и германское национал-социалистическое правительство, упорно и систематически перевоспитывая свой народ под руководством талантливого министра пропаганды Геббельса. Только этой главным образом пропагандой и надлежит объяснить неслыханные до сих пор результаты народных голосований, дающие почти 100 процентов голосов за правительственные предложения. Это достигается трудом огромных кадров пропагандистов, для обучения коих, говорят, основана в Гамбурге особая академия с трехгодичным курсом на 15 000 слушателей. Этим единодушием германского народа вместе с блестящим состоянием вооруженных сил Германии надлежит объяснить небывалые успехи ее внешней политики в наши дни.

Из вышеизложенного вытекает, что Великая война наряду с огнестрельным оружием выдвинула в равное с ним положение и психическое (Правильно психологическое. – Прим. состав.) оружие – слово, явившееся могучим средством политической пропаганды, действующее на моральный элемент народов, – главный фактор, по словам Наполеона, победы над врагом.

Б. Военная и Морская тайные разведки.

Начало чистой военной тайной разведке кладет Наполеон I, а создает ее во Франции Наполеон III в виде специальной полиции. Отрицательный пример постановки ее у нас в Русско-японскую войну и положительный после нее. Краткий исторический очерк развития у нас военной тайной разведки. Войсковой и тыловой районы тайной разведки. Оценка результатов ее нашими противниками: генералами фон Франсуа, Ронге и полковником Николаи. Морская тайная разведка и отличие ее от сухопутной.

Раньше военная и морская тайные разведки соединялись с чисто политической разведкой, являясь ее пасынком со всеми присущими этому положению недостатками. Лишь Наполеон I отводит должное место тайной разведке, привлекая для этого трудного дела выдающихся агентов, не считаясь с денежными затратами на нее. Можно с уверенностью сказать, что блеск наполеоновских побед в значительной мере был обязан рациональному использованию результатов тайной разведки.

Франции же в лице Наполеона III принадлежит инициатива постановки разведывательного дела на твердые основания путем учреждения декретом от 22 февраля 1855 года специальной железнодорожной полиции – *Police speciale des chemins de fer*. Первоначальное назначение ее было: наблюдение за служащими частных железных дорог и выполнение паспортных формальностей на границах государства, а затем эта полиция все более и более входила в контакт со вторым отделением военного министерства, то есть с разведывательным отделением, особенно с 1875 года, когда Франция была накануне войны с Германией. В войне 1870-1871 гг. эта специальная полиция, разбросанная по всей Франции, явилась главной базой разведывательной службы французов. У нас начало рациональной постановки тайной разведки относится к периоду создания по примеру Германии самостоятельной должности начальника Генерального штаба, то есть ко времени после Русско-японской войны 1904-1905 гг. Ввиду этого честь организации у нас тайной разведки принадлежит первому начальнику Генерального штаба генералу Палицыну.

До этого времени разведывательное дело было каким-то пасынком в отчетных отделениях штабов военных округов, ведавших службой офицеров Генерального штаба. Ничтожность отпускавшихся на это дело средств указывала, что дело тайной разведки у нас было не в почете. На Варшавский, например, военный округ, на который приходилось по две трети границы с Германией и Австро-Венгрией отпускалось 2-3 тысячи рублей в год. Если к этому добавить полное отсутствие каких-либо разработанных для этого трудного дела

положений и сведующих лиц, то можно себе представить в каком печальном положении оказались мы во время Русско-японской войны.

Ни о какой сети постоянно живущих в Японии и Маньчжурии, ставших театром военных действий, постоянных резидентов не приходилось и думать, надобно было все импровизировать и притом в стране, языка и обычаев коей мы совсем не знали. Служа в 1904-1905 гг. помощником начальника оперативного отделения во 2-й Маньчжурской армии, я видел, как начальник ее разведывательного отделения подполковник Розанов и особенно его помощник капитан Рябиков бились, как рыбы об лед, стараясь наверстать не по их вине потерянное. Тяжесть положения усугублялась незнанием японского языка настолько, что в нашей, например, армии не было переводчика, умевшего читать японскую скоропись. Взамен его у нас был бурят-переводчик, знавший китайский язык и возивший с собой словари иероглифов, общие по китайскому, японскому и корейскому языкам. Переводчик, умевший читать японскую скоропись имелся лишь в штабе главнокомандующего. Можно себе представить, как задерживалось использование японских документов, которые бывали захвачены.

Этой нашей беспомощности собирался помочь богатый китайский купец русофил Тифонтай при посредстве своих многочисленных торговых контор, прося за это поистине благое дело миллион рублей. К великому сожалению генерал Куропаткин на это не согласился, находя подобную сумму чрезмерной. За эту не в меру скупость нам пришлось заплатить сотни миллионов рублей и тысячами жизней, ибо всю Русско-японскую войну мы вели вслепую. Главным источником осведомления у нас был опрос пленных, которых было не так-то много. Чтобы заполнить этот недостаток действительной тайной разведке пришлось обратиться к ее суррогатам в виде не ответственных за нее комиссаров трех провинций – наших офицеров Генерального штаба и отдельных офицеров-люби-телей. Получаемый из этих источников буквально сырой, непроверенный материал слался в штабы армии, загромождая их этим хламом.

Ведь главное достоинство донесений – их достоверность, что может определить лишь лицо, пославшее агента, а это как раз и не имело здесь места.

Печальный опыт постановки тайной разведки в Русско-японскую войну дал толчок на верхах к созданию ее на рациональных началах. На запрос начальника разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба полковника Адабаша штабы военных округов разработали подробные планы как казалось бы следовало организовать это новое буквально ни на верхах, ни на низах неведомое дело. Даже книги о тайной разведке Клембовского нельзя было достать, а потому все приходилось создавать по наитию свыше. За основание тайной разведки была принята сеть постоянных резидентов, поселенных в наиболее важных в стратегическом отношении пунктах неприятельской территории, связь между которыми и разведывательными отделениями штабов военных округов поддерживалась при помощи агентов для связи. Был принят приблизительный прожиточный минимум для резидентов и агентов связи, что определяло главные статьи расхода на тайную разведку. К этому пришлось прибавить некоторые ассигнования на приобретение документов, случайные расходы и пр., что сразу же подводило финансовый фундамент под рациональную постановку этого нового дела.

Бывший тогда начальник штаба Варшавского военного округа, герой Русско-японской войны генерал-лейтенант Самсонов одобрил разработанные мной на вышеизложенных основаниях предположения, и мы стали ожидать их утверждения начальником Генерального штаба. Взамен этого пришло оттуда указание составить такое же предположение и по организации контрразведки, то есть борьбы с неприятельскими шпионами. Это ставило и вторую, пассивную область тайной разведки – контрразведки на должное место, поручая это дело военному ведомству, а не жандармскому сыску как то имело место до сих пор, о чем подробнее будет упомянуто в отделе контрразведки.

Не ожидая утверждения Положения о тайной разведке, что имело место после съезда в Петербурге начальников разведывательных отделений пяти западно-европейских военных

округов: Петербургского Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского, Главное управление Генерального штаба одобрило в принципе предложенные штабами округов Положения и с каждым годом увеличивало отпуск денежных средств на тайную разведку. В частности, в Варшавском военном округе увеличение этих расходов на тайную разведку шло крупными шагами: 10 000, 15 000, 25 000, 35 000 и, наконец, 55 000 рублей – максимальное годовое ассигнование на тайную разведку (но без расходов на контрразведку) перед Великой войной. При этом было указано, что размер этих ассигнований может быть увеличен лишь по статье на приобретение секретных документов. Эту сумму в 55 000 рублей для важнейшего военного округа – Варшавского нельзя было почитать чрезмерной, но ее совершенно было достаточно для работы мирного времени, и штаб Варшавского военного округа ни разу не обращался за ее увеличением, невзирая на обилие приобретаемых им секретных документов.

На это обстоятельство надлежит обратить внимание, вопреки ходячему мнению, поддерживаемому и иностранными специалистами по тайной разведке, о колоссальных якобы у нас на нее ассигнованиях и нередко о расходовании их не по назначению. Полковник Николаи на странице 34-й своего труда «Тайные силы» («Geheime Machte») говорит, что в то время как Германия на тайную разведку расходовала в год 450,000 марок или 216000 рублей, Россия израсходовала на это дело в 1912 г. 13 миллионов рублей, а за одно полугодие 1914 года – 26 миллионов рублей. Если отпуска денежных средств на ведение тайной разведки в России были значительно больше, чем в Германии, то не надо забывать, что Императорская Россия, занимая одну шестую часть земного шара, раскинулась на двух материках, а потому и тайная ее разведка должна была вестись в мировом масштабе.

В то время, как максимальное ассигнование на тайную военную разведку Варшавскому военному округу было 55 000 рублей, таковое же для Виленского военного округа, на долю коего приходилась одна треть границы с Германией, было 35 000 рублей, для Киевского, на долю коего приходилась лишь одна треть границы с Австро-Венгрией, – 55 000 рублей. Объяснение последнего увеличенного ассигнования заключается в том, что по не понятным для меня причинам кроме официальной тайной разведки штаба Киевского военного округа, таковая велась там еще лично генералом Сухомлиновым по должности начальника штаба Киевского военного округа, помощника командующего войсками и, наконец, командующего войсками этого военного округа, а затем это перешло и на его преемника генерала Иванова.

Это ненормальное дублирование, вопреки мнению штаба Киевского военного округа, ведения тайной разведки принесло огромный вред и оказалось впоследствии провокацией, о чем подробнее будет сказано в отделе работы при помощи фиктивных документов.

Положением о тайной разведке были поделены районы ее между соответствующими военными округами, причем границы разведок ограничивались обыкновенно меридианами столиц соответствующих иностранных государств: Берлином, Веной и пр.; границы эти не соприкасались, а накладывались, то есть заходили одна на другую. Так в район разведки Варшавского военного округа входил и Львов, Киевскому военному округу надлежало разведывать крепость Перемышль, что объяснялось условиями выполнения первоначального плана войны. Что лежало за этими районами, то есть глубокий тыл неприятельской армии, это являлось объектом тайной разведки Главного управления Генерального штаба. Таким образом меридианы столиц разграничивали войсковой район тайной разведки, подлежавший ведению штабов военных округов, от тылового, подведомственного Главному управлению Генерального штаба.

Положение о тайной разведке, окончательно принятое на съезде начальников разведывательных отделений пяти западно-европейских округов, положило резкую грань между прежней бессистемной, анемичной тайной разведкой и поставленной после Русско-японской войны на прочные научные основания, причем ведение ее было обеспечено отпуском достаточных денежных средств – этого главного нерва надежной подготовки к войне.

Последующая блестящая работа нашей тайной разведки в мирное время вполне

оправдала возложенные на нее надежды и сопряженные с этим расходы, чем в первую очередь обязана она генералу Палицыну и полковникам Адабашу и Монкевицу как представителям Генерального штаба, и полковникам Свечину (Петербургский военный округ), Вицнуда и Ефимову (Виленский военный округ), Галкину, Духонину (Киевский военный округ) и Ростковскому (Одесский военный округ) как начальникам разведывательных отделений западных пограничных округов.

Следует при этом заметить, что дело тайной разведки создано исключительно русским умом и без всякого указания или давления нашей союзницы Франции. Никаких положений или инструкций в этом отношении мы от нее не получали, вопреки утверждениям германских и австро-венгерских специалистов этого дела, а своим тяжелым опытом, учась на своих собственных ошибках, мы творили это новое, далеко не легкое и очень деликатное дело. В Великую войну мы вступили вполне подготовленными в военно-разведывательном отношении, удачно разрешив все поставленные на период мирного времени тайной разведкой задачи, и повторяю, достигли этого своим собственным умом, нередко делясь даже результатами своих достижений со своей союзницей. От нее же разведывательное, например, отделение, во главе коего я стоял почти десять лет, ничего не получило. Несомненно то же самое имело место и у моих соседей.

В заключение я хочу привести мнение командира 1-го германского корпуса (Кенигсберг) генерала фон Франсуа о работе нашей тайной разведки в мирное время, не говоря уже о похвале ей моих бывших противников. На странице 128-129-й своей книги «Сражение на Марне и Танненберге» генерал фон Франсуа так характеризует работу нашей тайной разведки перед Великой войной:

«Шпионская деятельность русских с каждым годом усиливалась. Во всех пограничных гарнизонах Восточной Пруссии, а также в малых пограничных городах находились неприятельские тайные агенты, которые, часто прикрываясь личиной учителей и учительниц языков, так ловко действовали, что к ним трудно было придаться. Когда я осенью 1913 года прибыл в Кенигсберг, число шпионских дел в военных судах было очень велико. Самое скверное было то, что старшему писарю кавалерийской инспекции удалось сфотографировать почти все секретные бумаги несгораемого шкафа, между коими были „Указания охраны границы и распоряжения по стратегической разведке“, и продать все это неприятельским агентам. Также имелись данные о государственной измене бывшего полкового писаря Кирасирского (третьего) полка, который после военной службы работал чиновником в политической полиции».

Германской службы полковник Николаи на странице 36-й своей книги «Geheime Machte» пишет: «В 1912 году, когда русская разведка усилила свою деятельность против восточных немецких крепостей, в Торнскую крепость был поселен старший писарь в целях охраны секретных планов и документов в самом помещении штаба этой крепости. Немного времени спустя русские шпионы это установили. Разведывательное отделение штаба Варшавского военного округа под руководством особенно энергичного и успешно работавшего Генерального штаба полковника Батюшина заагентурило себе этого предназначенного для охраны писаря. Снабженный фотографическим аппаратом, писарь этот выдавал все, к чему имел доступ. Полковник Батюшин не боялся даже приезжать для личного инструктирования в Торн, а также в Бреславль, где он также имел у себя на службе писаря в крепости».

Должен сказать, что я никогда не ездил на свидания со своими агентами на неприятельскую территорию, но очень часто бывал там проездом и неизменно под своей фамилией и никогда со мной не было там никаких недоразумений.

Тот же генерал фон Франсуа на странице 229-й своей книги так характеризует результаты нашей тайной разведки после захвата немцами в Нейденбурге после поражения армии генерала Самсонова секретных документов, планов и карт, касающихся самих немцев: «Большое количество карт лежало среди захваченных документов, между ними находились копии наших секретных планов и карт всех восточных крепостей. Карты Кенигсберга были

точные во всех мельчайших подробностях. Только шпионским путем могли русские получить этот ценный материал».

На самом деле секретные карты всех восточных германских крепостей, в том числе и Кенигсберга, были получены и размножены в тысячах экземплярах разведывательным отделением штаба Варшавского военного округа как и план крепости Перемышль, оказавший неоценимые услуги при взятии этой крепости.

Что касается тылового района тайной разведки, то это было дело Главного управления Генерального штаба, которое и вело ее через военных агентов, входивших в состав наших зарубежных миссий, а также через своих секретных сотрудников.

Как правило военный агент изучал вопросы, касающиеся иностранных государств, только по опубликованным для всеобщего сведения источникам, тактично иногда запрашивая соответствующие учреждения по интересующим его вопросам. Но соблазна для военного агента в смысле предложения купить секретные документы бывает столько, что он отступает от этого мудрого правила и нередко за это платится уходом со своего поста. Так принуждены были покинуть свои посты военные агенты в Вене полковники Марченко и Занкевич, а в Берлине – полковник Базаров. Предварительное следствие по делу арестованного в 1902 году в Варшаве шпиона полковника Гримма установило его связь с австро-венгерским военным агентом в Петербурге Магером Эрвином Мюллером, которому тоже пришлось покинуть свой пост, чем, по словам генерала Ронге, был нанесен большой удар австро-венгерской тайной разведке в России.

Причиной подобных печальных явлений является незнание основ ведения тайной разведки, выражающееся в непосредственных сношениях военного агента с владельцем документов, а не через посредника, и притом на территории того государства, при котором аккредитован военный агент, то есть нарушение элементарных требований конспирации.

Морская тайная разведка ведется на тех основаниях, что и военная. Задача ее – сбор сведений военно-морского характера, то есть направлена она на выяснение существующего, а равно строящегося боевого флота вероятных противников, обучения его личного состава и его боевых задач. Ввиду этого главными пунктами ее наблюдения являются военно-морские базы и морские верфи. Прикованность флота к этим пунктам значительно облегчает ведение тайной разведки флота по сравнению с сухопутными войсками, всегда более разбросанными и обладающими большей свободой маневрирования. Невзирая на общность задач, ведение морской и военной тайных разведок обыкновенно возлагается на особые руководящие органы, друг другу не подчиненные, хотя и обменивающиеся получаемыми сведениями и документами.

У нас морская тайная разведка получила более рациональную организацию после создания Морского Генерального штаба.

Главной задачей морской тайной разведки в военное время является неустанное наблюдение за выходом неприятельского флота или части его в море. Ввиду быстроты передвижения флота и скоротечности морских сражений быстрота донесений приобретает здесь первенствующее значение, и нигде расшифровка неприятельских радиogramм с целью заблаговременного проникновения в боевые планы противника не будет иметь такого значения как в морской тайной разведке. Это дело рационально было поставлено у англичан под видом работы «Комнаты № 40», благодаря чему им заблаговременно удалось узнать о выходе германского флота в открытое море, результатом чего Ютландское морское сражение для них было не неожиданным.

Не менее успешно была организована морская радиотелеграфная служба и у нас в Балтийском и Черном морях, о чем более подробно будет говориться в отделе радиотелеграфной разведки.

В. Экономическая тайная разведка.

Цель экономической тайной разведки в мирное и военное время. Экономическое

содействие Англии и некоторых нейтральных стран блокированной Германии во время Великой войны по сведениям английского контр-адмирала Консетт. Подтверждение этого положения исследованием комиссии генерала Батюшина о вывозе во время войны 1914-1917 гг. сахара через Финляндию и Персию, жмыха и пр. Милитаризация в Германии всего хозяйства страны в мирное время.

Главное назначение экономической разведки в мирное время – изучение своих противников в торгово-промышленном отношении, дабы определить наиболее уязвимое место в этом отношении в случае закрытия границ для свободной торговли. Короче говоря, экономическая разведка противников должна определить, могут ли они жить без подвоза, то есть средствами страны, и сколько времени, дабы иметь возможность прекратить этот подвоз путем блокады или же скупкой необходимых предметов продовольствия в странах, их поставляющих.

Великая война установила, что Англия собственных запасов продовольствия имеет лишь на шесть недель, остальные же десять с половиной месяцев в году она должна жить подвозом. Ввиду этого посланник С.А.С. Штатов в Англии Пейдж телеграфировал президенту Вильсону после выхода России из рядов воюющих государств, что потери тоннажа английского торгового флота от беспощадной подводной войны Германии настолько велики, что если С.А.С. Штаты не поддержат оружием Англию, то ее продовольствия хватит лишь на шесть недель, после чего она принуждена будет капитулировать перед Германией. Это обстоятельство в связи с вышеупоминавшейся перехваченной радиотелеграммой германского министра иностранных дел Циммермана германскому посланнику в Мексике и принудило президента Вильсона объявить войну Германии.

Экономическая блокада Германии проводилась Англией не только путем морской блокады, но и при помощи контроля морской торговли граничащих с Германией нейтральных государств: Швеции, Норвегии, Дании и Голландии.

Бывший во время Великой войны английским военно-морским агентом в северных государствах Европы контр-адмирал Консетт издал в высшей степени интересную книгу «The Triumph of the unarmed Forces» («Торжество невооруженных сил»), в коей при помощи сравнительных таблиц ввоза предметов первой необходимости в вышеназванные страны в мирное время и за период Великой войны доказал огромное увеличение его за время и за период Великой войны. Естественный из этого вывод – этот излишек шел в Германию.

Тоже следует сказать и относительно недостававших в Германии металлов, которые в большом количестве везлись из Швеции. Генерал Людендорф на странице 341-й своих военных воспоминаний пишет так об экономической разрухе в Германии: «В 1917 году нас, Австро-Венгрию и Константинополь, спасла (в продовольственном отношении) одна Румыния... Нейтральные страны, особенно Дания, Голландия и Швейцария, доставляли нам многое». Для того чтобы лишить Германию недостающих ей предметов Англия принимала, например, такие меры, как скупку у Норвегии ее улова сельди, хлеба у Румынии и пр. Мало того, Англия не останавливалась, по словам ее министров Черчилля и Мильнера, перед денежными затратами для создания русских Добровольческих армий, дабы тем лишить Германию после заключения Брест-Литовского договора огромных запасов хлеба, скота, нефти, металлов и пр. на юге России, на Урале и в Сибири, а равно помешать передаче большевиками Германии больших запасов огнестрельных припасов, ставших им из-за прекращения военных действий ненужными.

Приблизительно в том же виде как и в Германии, представлялась экономическая разруха и в России в период Великой войны, как то установлено разведыванием учрежденной приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта Алексева 31 мая 1916 года моей комиссии для борьбы с военными, шпионами и мародерами тыла. В район этой комиссии входила не только территория Европейской России, но и оккупированная часть Персии.

Толчком для исследования причин царствования тогда у нас экономической разрухи

явилось исчезновение с рынка сначала сахара, а затем хлеба и других предметов первой необходимости, и это в такой земледельческой как Россия стране – бывшей житнице Европы. Правительство решило взять в свои руки контроль над распределением сахара и пр., учредив Бюро по продаже сахара – Центросахар, введя даже и хлебные карточки.

Невзирая на то, что во главе Центросахара стал энергичный, глубоко знающий свое дело Черныш, неподкупной притом честности, утечка сахара была все-таки огромная. Всего Россия производила около 90 миллионов пудов рафинада в год, причем значительная часть его вывозилась за границу, между прочим, в Персию – 5 000 000 пудов, в Финляндию – 2 000 000 пудов и пр. С началом войны вывоз сахара в воюющие страны прекратился, и тем не менее войскам пришлось давать вместо сахара-рафинада сахарный песок, да и того было ограниченное количество, поэтому было сокращено потребление его и населением.

Расследованием моей комиссии и отобранными у наших сахарных королей Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и Иовеля Гопнера – председателей правлений Александровско-Корюковского, Тульско-Черкасского и Могиланско-го сахарных товариществ было документально установлено, что около 30 000 000 пудов рафинада, или одна треть годового его производства, была сосредоточена на нашей границе с Персией, на Кавказе и в Средней Азии. Согласно показаниям Иовеля Гепнера, сахар этот даже почтовыми посылками отправлялся в эти районы из мест его производства.

Вместе с тем произошла метаморфоза и с вывозом сахара в Персию, размер коего был повышен на 2 миллиона 500 тысяч пудов, то есть на 50 процентов, якобы ввиду увеличившегося его потребления персами. Кроме того, вместо мягкого, так называемого марсельского рафинада, официально разрешенного к вывозу в Персию, употребляемого персами для холодных напитков, стал якобы ими требоваться наш русский, то есть крепкий рафинад. Так как головы мягкого рафинада были небольшие, 10-фунто-вые, то для введения наших правительственных агентов в заблуждение большие головы рафинада приходилось спекулянтам распиливать, подгоняя их под 10-фунтовый вес. Бакинский уполномоченный сахарозаводчиков при этом цинично заявлял, что в настоящее время персы стали настолько цивилизованы, что уже не довольствуются мягким рафинадом, а требуют себе наш русский рафинад.

Дальнейшим однако расследованием было установлено, что этот сахар-рафинад переправлялся нелегальным путем через границу, а затем караванами шел на Багдад для снабжения наших противников. То же приблизительно было установлено и с отправкой во время войны за границу жмыха для корма скота.

Значение экономической разведки, вернее говоря, установление экономической мощи страны настолько серьезно оценено Германией после проигранной ею не в очень честном бою войны, что она решила еще в мирное время учредить экономический штаб страны, входящий в состав военного министерства и объединяющий в себе руководство всем милитаризованным хозяйством Германии: добывающей и обрабатывающей промышленности, ремеслами и торговлей. Начальник этого штаба полковник Томас в статье «Германское милитаризованное хозяйство» («Die deutsche Wirtschaft») так определяет его назначение: «Раз такое государство, как Германия, выигравшее все свои сражения, затем из-за недостатка продовольственных средств и сырья должно было рушиться, то является настоятельная необходимость сделать все в этой области, дабы снова не поставить безопасность его в рискованное положение. („Illustrierte Zeitung“, 26 ноября 1936 года). Ввиду этого главной задачей объявленного 6 сентября 1936 года четырехлетнего плана Германии является возможная независимость страны от заграницы на случай будущей войны.

Г. Научная и техническая тайные разведки.

Важность научной и технической тайных разведок. Щедрость Димитрия Рубинштейна во время Великой войны на всякие военные открытия. Значение новинок в области

воздухоплавания, применение химического оружия, герцевских волн к управлению судами, торпедами, аэропланами. Принимаемые Германией меры для охраны своих научных и технических секретов.

Вышеупомянутый полковник Томас в той же своей статье говорит: «Весь мир знает, что будущая война будет не только войной оружия, но что также и весь народ со всей его народной мощью, его хозяйством, его возможностями и знанием и его духовными и материальными ценностями должен будет принять участие в ней». Значение новинок в военном деле настолько велико, что распространяться об этом излишне. Только этим обстоятельством и можно объяснить как лихорадочно следят народы за научными открытиями и как стараются они их скрыть от пытливых взоров своих будущих противников. Даже наше законодательство оберегало всякого рода научные открытия, раз они могли быть использованы на благо обороны государства.

Особенное рвение в охране научных и технических секретов проявляет в настоящее время Германия. Отдел, например, вооружений военного ее министерства, являющийся как бы техническим штабом не только для сухопутной, морской и воздушной армий, но и для милитаризованного хозяйства страны, помещается в отдельном, вновь построенном здании, снабженном не только всеми техническими приспособлениями до типографии, фотографии и радиостанции включительно, но и всевозможным комфортом как клуб, парикмахерская, массажисты и пр. в целях возможной изоляции служащих от внешнего мира. Бетонированные подвалы с несгораемыми шкапами за железными решетками, по коим проходит ток высокого напряжения, хранят плоды изысканий корифеев германского ума.

При посещении здания посторонними лицами, снабженных удостоверениями с фотографическими карточками их владельцев, контролируется даже время входа в здание и до входа в соответствующее бюро. Внутри здания, где занимается около 2000 человек, действует особая полиция с огромными полномочиями. И невзирая на все эти строгости, в 1935 году две служащие этого отдела были осуждены на смерть за продажу полякам чертежей мотора, работающего на древесном бензине (*essence de bois*).

В этом отделе проектируются образцы дальнобойных по преимуществу орудий; была спроектирована управляемая подводная мина, испытанная в 1935 году в Северном море; разработана стратосферная ракета, управляемая с земли, теоретически могущая достигнуть высоты в 15-20 тысяч метров и сбросить свой заряд в любом пункте; ведутся опыты над размагничиванием магнето радиоволнами с целью снижения аэропланов; ведутся опыты над «лучами смерти», зажигающими на расстоянии деревянные постройки; производятся опыты над разработкой суррогатов сырья и пр.

Об этой интенсивной работе германского ума в области хотя бы технологии так говорит в вышеупомянутой статье полковник Томас: «Если в настоящее время открыты где-нибудь новые пути для обеспечения питания Германии или для производства немецкого сырья, и если инженеры и химики пытаются разрешить эти задачи, то это не есть маневр взаимной конкуренции, но проявление нового хозяйственного духа». Можно себе представить, какой переворот в авиации может произойти после применения, например, высокопробного бензина, который при той же конструкции аппарата значительно увеличит скорость его полета и тем даст ему огромное преимущество над противником.

Изобретение в государстве нового отравляющего газа даст большое ему преимущество над врагом в силу хотя бы того, что не будет заготовлено против него соответствующих масок.

В Великой войне у нас в сухопутной армии совершенно неудовлетворительно было поставлено радиотелеграфное дело как в смысле излишней болтливости радиостанций, так и в незамысловатости наших шифров, что и было удачно использовано нашими противниками. Так генерал фон Франсуа говорит в своей книге «Сражение на Марне и Танненберге» («*Marne Schlacht und Tannenberg*») на 274-276-й страницах: «Русские кавалерийские начальники не проявляли инициативы, но выказывали наивную ревность в пользовании радиотелеграфом, который они называли „радиоболтуном“. В главной квартире находился

профессор математики, который умел расшифровывать все русские шифрованные телеграммы. Благодаря этому мы получали сведения о предполагаемых передвижениях русских войск и могли принимать контрмеры».

В этом отношении наша довоенная тайная и научная, и техническая разведки не смогли проникнуть в тайны расшифровки неприятельских радиogramм, что сильно сыграло на руку нашим врагам. Не помогли нам в этом отношении и наши бывшие союзники, что служит еще новым доказательством полной независимости тайной сухопутной разведки от союзников.

Какими новинками одарит в будущей войне Германия своих противников – трудно сказать, но, несомненно, не одними лишь чисто военными достижениями.

Эта погоня за новинками военного дела приобретает особенное значение при затяжных, как прошлая, войнах. Этим и надлежит объяснить афишировавшуюся Дмитрием Рубинштейном щедрость на всякие военные открытия. В начале войны он предложил военному министру 2000000 рублей на военно-технические опыты, поставив лишь одно условие, – приглашать его на первые испытания новых военных изобретений. Кроме того, он обещал и в будущем субсидировать эти опыты в случае истощения внесенной суммы. Так, по крайней мере, он показывал, будучи арестован. Что случилось с этими деньгами, мне не известно.

Тайная военная разведка

А. В мирное время.

Конечная цель тайной военной разведки, установление состава вооруженных сил противника в мирное и военное время, а равно его первоначального плана войны. Личная и документальная военные разведки. Органы личной тайной разведки: военные агенты и тайные агенты-резиденты. Требования, предъявляемые в смысле внутренних качеств, знания военного дела и конспирации. Трудность поддержания с ними связи. Фиктивные почтовые адреса. Очередные и срочные донесения тайных агентов-резидентов. Командировка специалистов для проверки сведений тайных агентов-резидентов.

Конечной целью тайной военной разведки в мирное время является установление и постоянное освещение данных, касающихся 1) вооруженных сил противника в мирное и военное время, 2) данных для разработки за противника первоначального плана войны или даже проверки и освежения его, если он был получен документальной разведкой.

Изучение организации вооруженных сил противника требует очень продолжительной, систематической работы, ибо обнимает собой не только их устройство в узком смысле слова, но и вооружение, снаряжение и снабжение как в мирное, так и в военное время.

Изучение организации вооруженных сил во время войны затрагивает весьма обширный, держащийся в глубокой тайне вопрос о переходе армии на военное положение, то есть ее мобилизацию и второочередные и третьеочередные формирования. Насколько труден для разрешения последний вопрос, можно судить хотя бы по тому, что существование германских резервных и ландверных (Местные, типа народного ополчения части. – Прим. состав.) корпусов в военное время французской тайной разведкой установлено не было, хотя резервные корпуса фигурировали на секретных германских военных играх. Не совсем удачно разбирались противники и в вопросе формирования наших второочередных дивизий.

Если определение боевого состава армии противника, то есть установление числа дивизий, является трудным делом для тайной разведки, то не менее надобно затратить энергии и средств для определения сроков готовности армий в пунктах их мобилизации – их мобилизационной готовности. Подобные же почти затруднения встречаются и в вопросах вооружения, столь ревниво охраняемых от пытливых глаз противника. Наличие в Германии 42-сантиметровых пушек и 12-сантиметровых мортир у Австро-Венгрии в прошлую войну было не особенно приятным сюрпризом для их противников.

Мобилизованные в районах мирного своего расположения войсковые соединения должны быть перевезены в исходные пункты для боевых действий, то есть в районы сосредоточения, определение коих является самой трудной задачей тайной разведки. Для разрешения этого вопроса сначала теоретически намечаются районы сосредоточения, а затем тщательно изучаются в дорожном (железные дороги, автострады, водные пути) отношении и в смысле подготовки их для артиллерийского, интендантского, военно-инженерного и санитарного снабжения перевозимых сюда войсковых масс. Подробное изучение путей должно быть завершено установлением их суточной пропускной способности, что и определит сроки боевой готовности армий в их районах сосредоточения.

В прежнее время все железнодорожные линии, ведущие из районов мирного расположения корпусов в район сосредоточения, рекогносцировались со специалистами железнодорожного дела в целях определения на основании длины наибольшего по времени перегона пропускной способности железных дорог как базы для определения скорости перевозки войск в районы сосредоточения. В настоящее же время железные дороги считаются уже недостаточно обеспеченными от нападения с воздуха, почему в Германии, например, лихорадочно выполняется план постройки сети асфальтированных шоссе дорог высокого сопротивления воздушным бомбам, так называемых автострад, на основании специального закона – Автомобильный дорожный проект Адольфа Гитлера (Adolf Hitler Autobahnprojekt).

Согласно ему ежегодно будет строиться 5000 километров автострад шириной в 16 метров для движения в обе стороны.

Таким образом изучение организации вооруженных сил вероятных противников особенно в военное время, их обучения, мобилизации и боевого развертывания сопряжены с затратой колоссальной энергии и упорного систематического труда, не говоря уже о расходовании на это немалых денежных средств. Завершением этой важнейшей работы тайной военной разведки мирного времени является постановка первоначальных целей войны для сосредоточенных таким образом вооруженных сил противника. Это и ставит грань, отделяющую работу мирной тайной разведки от тайной разведки военного времени.

Удовлетворить вышеприведенным многообразным требованиям можно или путем личной, или же документальной разведки. Личная тайная разведка производится самим тайным агентом или его помощником и заключается в фиксировании в памяти или же при помощи фотографического аппарата того интересного в военном отношении, что они сами видели, – будут ли то фортификационные постройки, технические сооружения (мосты, виадуки, водокачки, склады горючего и пр.), обучение войск, маневры и пр. Документальная же разведка заключается в добывании секретных неприятельских документов, трактующих не только об этом, но и о намерениях противника в случае войны.

Органами личной тайной военной разведки являются военные и гражданские представители государств в составе их заграничных миссий и тайные агенты. Военный агент может выполнять функции личной разведки лишь на тех маневрах и упражнениях войск, на которые его изредка приглашает военное министерство, свобода же наблюдения тайного агента ничем в этом отношении не стесняется. Ввиду этого сеть тайных агентов, раскинутая на важнейшей в военном отношении части территории противника, и является главной основой личной разведки.

Предоставленный самому себе тайный агент сам ставит себе задачи в пределах назначенного ему района, сам проверяет сведения и только тогда посылает их своему руководителю в назначенные сроки или же срочно в случае их важности. Все это требует от агента большого напряжения ума и нервов, не говоря уже о знании основ военного дела, конспирации и приемов по поддержанию связи со своим руководителем, что вызывает необходимость обучения тайных агентов в мирное время по возможности поодиночке, а в военное – очень небольшими группами в целях той же конспирации. Обучение агентов, помимо усвоения теоретических военных знаний, должно изоощрять зрительную память обучающихся, заставляя фиксировать лишь главное, научить их замечать свои следы в

запрещенных для посещения публики районах и другим приемам конспирации, а главное – умению держать язык за зубами. Это ставит повышенные требования и к личным качествам тайных агентов в смысле воздержания от увлечения картами, женщинами и пр., дабы обеспечить продолжительность и продуктивность работы от тех сетей, которые умелой рукой контрразведки расставляются для поимки столь опасных для государства врагов.

Местами поселения тайных агентов должны быть наиболее интересные в военном, торгово-промышленном, дорожном и других отношениях пункты неприятельской территории с указанием каждому из них подлежащих наблюдению районов, в коих ничто вновь появляющееся в области деятельности ума человека не должно ускользать от их наблюдения. Агенты соседних районов не должны друг друга знать, дабы арест одного из них не мог повлечь за собой ликвидацию части или даже всей шпионской сети. В этих же целях руководитель шпионской сети никоим образом не может жить на неприятельской территории, а должен находиться в своем государстве, то есть в пределах недосягаемости неприятельской контрразведки.

При подобных условиях поддержание связи агентов с руководителем тайной разведки представляет немалые трудности в мирное время, которые во сто крат увеличиваются с объявлением войны, то есть с закрытием государственной границы для свободных сношений. В мирное время связь с агентами поддерживается по фиктивным адресам, причем каждый агент должен иметь свой фиктивный адрес, как правило меняемый ежемесячно. Делается это для того, чтобы арест одного агента не мог повлечь за собой изъятие и других его коллег, пользующихся тем же почтовым адресом. Можно себе представить, какое получается обилие адресов, часто при том меняемых.

Ключ к этим адресам естественно является секретом преогромной важности, а потому вносится в особую секретную книгу, где имеются все данные, касающиеся тайных агентов: их фиктивные имена и фамилии, адреса личные, приметы, краткие личные сведения, наблюдаемые ими районы, специальные задачи, сорт почтовой бумаги, условия вознаграждения, шифр и прочее. Книга эта должна храниться в особом отделении несгораемого шкафа, ключ от коего имеется только у руководителя тайной разведки, ибо всякая небрежность в деле хранения этой книги может разрушить все дело тайной разведки, уничтожить плоды долготлетних трудов, не говоря уже о могущем быть лишении свободы невинных тайных агентов.

Вообще надо иметь в виду, что в деле тайной разведки нет мелочей, а все главное. Для иллюстрации я приведу случай, имевший место со мной в Варшаве вскоре после Русско-японской войны. Долго учившийся у меня шпионскому делу тайный агент был командирован в Торн. Некоторое время спустя он завел тайную переписку с одним из моих военных писарей, предложив ему за плату указать фамилии тех тайных агентов, которые ежемесячно у меня бывают сообщить названия тех секретных германских планов, которые перечерчиваются у меня «инженерами с голубыми кантами на воротниках», то есть офицерами-топографами; откуда эти планы получены и пр. Возмущенный подобным дерзким предложением писарь доложил обо всем этом мне, что дало мне возможность войти в сношение через него с руководителем германской тайной разведки в целях выяснения ее нитей в Варшаве, в первую очередь отправителя вышеупомянутого письма из Торна писарю.

Каково же было мое удивление, когда через несколько дней я лично получил письмо от этого же агента из Лондона, в коем он сообщал, что был арестован немцами, но бежал в Англию; он давал свой лондонский адрес, прося поставить ему новые задачи по Германии, так как ему все же удалось установить там связи. Это письмо, написанное почерком моего агента, меня смутило, и я начинал уже верить версии его бегства и вынужденной, под угрозой, переписки его из Торна с моим писарем. Рассмотрев однако рубашки обоих конвертов, я убедился, что конверты писем из Лондона и Торна одни и те же, то есть здесь имела место провокация.

Начальник штаба Варшавского военного округа генерал Самсонов посоветовал мне прекратить переписку, что я по своей неопытности и исполнил, не выяснив варшавских

нитей германской тайной разведки. Мой писарь послал этому провокатору письмо с указанием тех «негодяев, которые предают германские интересы», написав несколько фамилий этого агента-провокатора, под которыми он проживал в Варшаве и уехал в Торн. В ответ пришло его письмо, полное ругательств и угроз выдать мне писаря с головой за его якобы прежнюю работу с немецкими шпионами. С той поры я завел для каждого агента особый сорт почтовой бумаги и конвертов и если делал в этом отношении отступления, то только для агентов, живущих в разных государствах.

В целях скрытия от служащих в почтовом ведомстве своих фиктивных адресов я использовал одного пожилого почтальона в Варшаве с ведома и по указанию его высшего начальства, доверив ему все свои фиктивные адреса, приуроченные к улицам того района, где он разносил письма. Таким образом адресованные мне агентами письма попадали в общую кучу, рассортировывались по районам, на общих основаниях передавались соответствующим почтальонам, а затем уже попадали ко мне. Работа эта производилась за сравнительно небольшое ежемесячное вознаграждение (не свыше 25 рублей), была укрыта от пытливых глаз низших служащих, а главное – никаких перебоев и отказов не давала.

Для отправки писем своим агентам я широко использовал услуги начальников шести пограничных железнодорожно-полицейских отделений – в Граево, Млаве, Александрове, Калишае, Сосновицах и Границах, которые лично или через доверенных лиц опускали мои письма в соответствующих государствах, для чего у меня имелся запас их почтовых марок. Этим же способом я отправлял притом в простых письмах из разных заграничных городов деньги своим агентам – исключительно в валюте той страны, где они проживали. Мне всегда была не по душе корреспонденция «до востребования» с денежными к тому же в нее вложениями, так как и она сама своими адресами и ее получателями невольно мозолила глаза почтовым чиновникам.

Генерал Ронге в своей книге «Военный и промышленный шпионаж» очень подробно описывает, как такой первоклассный агент австро-венгерской службы полковник Редль попался только потому, что сношения с ним велись письмами «до востребования» с денежными вложениями в русской валюте. Долго лежавшее на почте письмо дало повод не только обратить на него внимание, но даже и вскрыть его, что в связи с деньгами в русской валюте повело к установлению наблюдения за его получателем и раскрытию полковника Редля.

Каждый поселенный в известном районе агент-резидент обязуется найти себе подходящее занятие, которое узаконило бы присутствие его в городе и давало бы ему достаточно досуга для выполнения лежавших на нем обязанностей. Дело это нелегкое, особенно в западно-европейских государствах, где предложения труда превышают спрос на него. Вторая трудность для агента будет заключаться в том, чтобы не показать себя расточительным в денежном отношении в глазах его окружающих и не навести тем на себя подозрения.

Как правило, каждый агент-резидент обязан посылать не чаще двух раз в месяц донесения о важных, по его мнению, событиях в своем районе. Если даже таковых нет, то все-таки получение письма агента в срок может указывать на пребывание его на свободе, что для руководителя тайной разведки весьма существенно. Так как война захватывает ныне все области проявления человеческого ума, то в донесениях могут быть сведения о таких явлениях, мимо которых обыкновенный человек ежедневно проходит, не придавая им особенного значения: постройка или исправление дороги, моста, железнодорожной платформы, аэродрома, военного магазина и пр., не говоря уже о предметах, имеющих непосредственное отношение к военному делу, как постройка укрепления, казарм, подземных складов и пр.

Получаемые таким путем сведения проверяются руководителем тайной разведки при помощи других средств тайной разведки как печать, данные документальной разведки и пр., классифицируются, а затем по мере накопления их они явятся основой для командирования специалистов с целью их проверки на месте.

Этим путем были подробно изучены нами укрепления Восточного фронта Германии – в Кенигсберге, на Мазурских озерах, в Данциге, Кульме, Грауденце, Торне, Познани и Бреславле, а также и австро-венгерские крепости Краков и Перемышль и укрепления у Ярослава, Львова и др.

К области личной тайной разведки должна быть отнесена работа чинов вышеупомянутых пограничных железнодорожно-полицейских отделений, а также и частей пограничной стражи, которые лично посещая пограничные зоны неприятельской территории, могут собрать очень ценные о них сведения, а равно и найти среди населения по обе стороны границы подходящих агентов как для личной, так и для документальной разведки.

Б. В военное время.

Мобилизация сети тайных агентов. Поддержание связи с тайными агентами по опыту Великой войны. Торговые конторы как наиболее надежное средство тайной разведки во время войны. Допрос пленных – переходная ступень к документальной разведке. Переводчики и разного рода пособия для допроса пленных. Использование материалов, находимых у убитых, раненых, пленных, а равно взятых в виде военной добычи. Перебежчики.

Выше очерченная сеть агентов тайной разведки на территории противника является базой для работы в военное время, служа как бы ее мобрезервом. Мобилизация резервов путем уплотнения сети вербовкой новых агентов, снабжение их на продолжительное время инструкциями, деньгами, если нужно паспортами нейтральных государств, и прочим производится в период натянутых дипломатических отношений между государствами. В этот же период должна быть организована новая система связи с руководителем тайной разведки на случай закрытия границ. Таким образом этот предмобилизационный для войск период является для тайной разведки ее мобилизационным периодом, периодом чрезвычайно интенсивной ее работы.

В этот и последующие затем периоды ведется неустанное наблюдение в районах их сосредоточения войск в исходное для начала боевых действий положение. Теперь задача агентов-резидентов облегчается простотой постановки заданий, но бесконечно зато усложняется по невероятной трудности доставка донесений, в большинстве случаев кружным путем. Между тем своевременность и достоверность этих донесений имеют огромное значение, так как точное определение начала скрытой мобилизации противника означает ускорение мобилизации своих войск, что не безразлично для дипломатических переговоров, предшествующих объявлению войны. Если граф Мольтке говорил, что с объявлением мобилизации у него наступало самое спокойное время, то в деле тайной разведки этого сказать нельзя, ибо воля противника играет здесь первенствующее значение, а потому арест звена сети может смешать все карты и свести на нет долголетнюю упорную работу мирного времени и притом в любой момент, будь то в мирное или в военное время. Ввиду этого война тайных сил разведки ведется непрерывно, и войсковая мобилизация лишь количественно усиливает эту борьбу, но никоим образом не качественно, а потому переход от мирного положения на военное менее чувствуется в штабах руководителей тайной разведки чем в штабах крупных войсковых соединений. Нигде так остро не стоит требование к офицеру Генерального штаба быть всегда готовым поддержать на должной высоте в смысле выполнимости план операции не зависимо от изменения боевой обстановки – как в тайной разведке, где обстановка зачастую принимает самые причудливые формы, чаще всего неблагоприятные.

Как выше было сказано, на войне поддержание связи со своими агентами является первостепенной задачей, ибо этим обеспечивается своевременность получения от них донесений. Для иллюстрации я приведу организацию этого дела нашими союзниками в Великую войну согласно книги полковника Николаи «Тайные силы» (стр. 103-109).

В Великую войну для относительно свободных сношений воюющих сторон оставались следующие окна – нейтральные страны Дания, Голландия и Швейцария, через которые и шел

поток шпионов и их донесений. Путь этот был не только кружен, но и не безопасен со стороны неприятельской контрразведки, особенно при переходе государственных границ. Приходилось поэтому прибегать к техническим средствам для преодоления стены штыков и укреплений в виде аэропланов, воздушных шаров, парашютов, почтовых голубей, радио – для поддержания связи со своими агентами.

В мае 1915 года впервые немцами была установлена высадка спустившихся в этапном районе армии военных шпионов, снабженных почтовыми голубями для посылки донесений. Это были старшие французские офицеры, под штатским платьем носившие французский и немецкий мундиры. Первый – для того, чтобы сойти за военнопленного, а второй – для введения в заблуждение немцев. В 1915 году в руки немцев попало таким образом девять воздушных шпионов, из коих четверо было в форме, и пять аэропланов, а в 1917 году – семь воздушных шпионов и один аэроплан. Обычно каждый такой шпион был снабжен шестью почтовыми голубями.

Столь значительные потери при спуске принудили наших союзников более целесообразно разрешить этот вопрос: англичан – путем пуска небольших воздушных шаров для свободного полета, а французов – спуском с аэроплана при помощи парашютов. Употребляемые англичанами воздушные шары обладали при диаметре в восемь с половиной метра вместимостью в 310 кубических метров, поднимали одного человека и имели дальность полета до 50 километров. Назначением этих шпионов было не столько посылка донесений, сколько организация разведывательного пункта в тылу германской армии с посылкой донесений в Голландию.

Французы с 1917 года практиковали спуск шпионов с аэроплана при помощи парашюта. Уже в 1917 году немцы насчитали три случая спуска таких шпионов. Об использовании парашютов в бою много говорится в книге германского майора Schuttel, изданной в 1935 году, «Fallschirmtruppen und Luftinfanterie» («Парашютные войска и воздушная пехота»).

В 1917 году, когда политическая пропаганда союзников в Германии давала уже должные плоды, стали применять четвертый способ сношения с тылами германских армий – в виде спуска с аэроплана в небольших корзинах при помощи парашюта почтовых голубей и воздушных шаров для донесений. Кроме наставлений, как надо поступать с голубями, и пищи для них, там находились: вопросный лист, образец донесений, французские деньги и следующее обращение: «Сопротивление бошей наступлению союзников приходит к концу. Союзники уже очистили часть французской территории. Для продолжения наступления нужно, чтобы союзники хорошо были осведомлены о расположении противника и о его намерениях... Посылкой донесений Вы окажете своей стране ценную услугу и приблизите конец войны».

В декабре 1917 года в необитаемых местах тыла германских армий было найдено таких корзин с голубями 63, в январе 1918 года – 41, в конце мая 1918 года в одной только армии – 45. На фронте наблюдались постоянно летящие голуби, несшие, по словам полковника Николаи, важные военные донесения. Попадать в них было очень трудно и только 11 голубей было подстрелено. Эта система, по-видимому дававшая нашим союзникам хорошие результаты, была введена ими с 1918 года, причем корзины с голубями перебрасывались при помощи небольшого в пять метров в диаметре воздушного шара с надписью: «Немецкий воздушный шар, может быть уничтожен». Впоследствии этот шар сжигался автоматически сам после того, как корзина с голубями достигала земли. Опасение за жизнь почтовых голубей, спускаемых в необитаемых местах, заставила союзников перебрасывать через фронт при помощи небольших воздушных шаров небесного цвета пакеты с одним – двумя сложенными воздушными шарами, наставлением для их наполнения, иногда и химическими препаратами для добывания газа.

Этим же путем союзники сбрасывали и отправительные (Имеются в виду передающие. – Прим. состав.) радиостанции с 4-мя аккумуляторами по сто вольтовых сухих батарей каждая и 30-метровую антенну. Дальность действия такой станции – пятьдесят

километров. Немцы часто находили в тылу своих армий подобным образом переброшенные радиостанции, но ни разу не удалось открыть подобную радиостанцию в действии.

Из вышеприведенной исторической справки видно, насколько труден для удовлетворительного разрешения вопрос о поддержании связи с агентами в военное время. Наиболее надежным и простым средством является переброска почтовых голубей при помощи аэропланов и парашютов, так как полет воздушных шаров зависит всецело от попутного ветра, которого в нужный момент может и не быть.

Несомненно лишь одно, что в будущем бесшумные и невидимые аэропланы, в связи с успехами техники в смысле портативности передающих радиостанций, значительно продвинут разрешение трудного вопроса о поддержании связи с тайными агентами в военное время.

Попутно надо хоть несколько слов сказать об использовании нашими союзниками вышеупомянутых средств связи со своими агентами и для целей политической пропаганды путем сбрасывания с аэропланов газет и листовок на французском и немецком языках. Однако в 1916 году высшее германское командование объявило, что впредь это будет считать актом шпионства, и тогда союзники стали применять для этой цели воздушные шары, которые могли поднять до 400 газет каждый и летать при этом на расстояние до 600 километров. С этих воздушных шаров, начиная с 1917 года, стали сбрасываться не только листовки, но политические брошюры и книги, доказывающие виновность в войне Германии и видевшие ее спасение в революции. Чтобы судить о количестве сбрасывавшихся летучек, достаточно сказать, что в июле 1918 года таковых было найдено в одной только армии 300 000 экземпляров.

Трудность поддержания связи с звеньями сети тайных агентов заставляет прибегать к разведке глубокого тыла противника при помощи торговых предприятий нейтральных стран, служащие которых, свободно путешествуя по своим делам по неприятельской территории, могут одновременно собирать и чрезвычайно ценные в военном отношении сведения. Мысль эта не нова, ее лелеял еще в 1904 году китайский купец русофил Тифонтай; ее, судя по воспоминаниям, широко использовал Первый лорд английского адмиралтейства Фишер; ее, наконец, разнообразно применяли наши союзники в Голландии и отчасти в Швейцарии. Голландия во время Великой войны кишела подобного рода псевдоторговцами и купалась в разбрасываемых ими деньгах.

Успех подобного рода предприятий отчасти покоился и на том расчете, что Германии нужны были сырье и продовольствие, которые она могла получить только через нейтральные страны. Благодаря этому получался заколдованный круг – союзники через торговые конторы нейтральных стран облегчали себе ведение тайной разведки в глубоком тылу противника, помогая вместе с тем перенесению Германией голода в результате их блокады.

Невзирая на все принимаемые меры, результаты тайной разведки в военное время были весьма ограничены. Это общее мнение как наших союзников, так и противников; вот почему личная тайная разведка является на войне подсобным средством, главным же ее орудием является совокупность (У автора – разновидность. – Прим. состав.) личной и документальной тайных разведок – допрос пленных и изучение найденных у них, а также у убитых и раненых, а равно захваченных в виде военной добычи материалов как официального, так и личного характера. Таким образом допрос пленных является переходной ступенью к чисто документальной разведке, то есть к получению секретных документов противника.

Для опроса пленных нужны прежде всего переводчики, знающие их язык, затем различного рода пособия в виде квартирного расписания войск с указанием фамилий начальствующих лиц, описания форм обмундирования для того, чтобы создать у спрашиваемого впечатление, что мы все уже знаем и нет потому смысла ему что-либо скрывать.

Если у нас было достаточное количество офицеров, знающих немецкий язык, зато совершенно не было лиц, знакомых с венгерским языком. Ввиду этого вскоре после

аннексии Боснии и Герцеговины я решил организовать при штабе Варшавского военного округа курсы венгерского языка для офицеров Варшавского гарнизона, поручив ведение занятий словаку Гурбану Ваянскому, сносно владеющему русским языком. Курсы были двухлетние, и занятия на них велись лишь зимой, ранней же весной производились слушателям экзамены. Главное внимание на курсах было обращено на ведение разговора на этом совершенно неизвестном русскому человеку языке. Успешно окончившие курсы могли ехать за свой счет в отпуск в Венгрию, лучшие же по баллам слушатели получали на это премию по 300 рублей.

Главное однако затруднение при ведении занятий на курсах встретилось в полном отсутствии у нас в России не только учебников на русском (По смыслу – венгерском. – Прим. состав.) языке, но даже и словарей. Обращение за помощью к нашей Академии наук делу не помогло. Пришлось и учебник, и словарь составлять Гурбану Ваянскому и мне. Таким образом честь издания первого в России венгерского учебника и словаря принадлежит штабу Варшавского военного округа.

Таким нелегким путем, без специальных отпусков средств от казны был создан у нас отдел в сто приблизительно офицеров-переводчиков венгерского языка, который явился единственным источником, из коего черпали своих переводчиков сначала формировавшиеся в Варшавском военном округе 4-я и 5-я армии, а затем и остальные армии Юго-Западного фронта, действовавшие против Австро-Венгрии.

В Германии вопрос о переводчиках был разрешен иначе. Там это дело – изучение языка – предоставлялось инициативе каждого офицера. Выдержав экзамен, он получалграничную командировку, а кроме того добавочное жалование за знание соответствующего языка.

Ведение допроса пленных, особенно офицеров, требует известного навыка и знания психологии человека, попавшего в столь тяжелое положение. Откровенность показаний зависит в значительной степени и от учета основных черт национального характера, поэтому мерами устрашения здесь делу не поможешь. Более ценных пленных должны допрашивать высшие чины разведывательного отделения.

Особенный интерес при опросе пленных представляют имеющиеся у них документы и знаки отличия, скрытно ими носимые и указывающие на принадлежность их к известной части. Это важно не только для проверки показаний допрашиваемых, но и для документального установления войсковой части, не существовавшей в мирное время. На основании подобных неоспоримых данных, а равно и данных документальной разведки составляются подробные боевые расписания войсковых частей противника, находящихся на фронте, с целью дальнейшего неукоснительного наблюдения за ними, что будет иметь особенное значение при ведении войны противником по внутренним операционным линиям, то есть при переброске войсковых его масс с одного фронта на другой, как то имело место у немцев в Великую войну. В 1916 году помощник английского военного агента майор Тернхилль вручил мне в штабе Северного фронта в Пскове составленную таким образом книгу с указанием не только всех войсковых частей германской армии, но и против какого союзнического фронта они находятся.

На основании показаний массы австро-венгерских пленных, взятых после нашей первой галицийской победы 1914 года, штабом Юго-Западного фронта был подробно разработан вопрос о расположении против него частей противника, чем были внесены весьма существенные коррективы к имевшимся у нас документальным данным о плане развертывания австро-венгерских войск в первоначальный период войны.

Особенный интерес представляют материалы, взятые у пленных, убитых и раненых офицеров высших чинов и офицеров Генерального штаба. По утверждению наших противников подобными материалами было установлено ими наше наступление в Силезию в ноябре 1914 года, переброска сибирских корпусов на европейский театр войны и пр.

Из вышеизложенного видно, что умело веденный допрос пленных, особенно взятых на широком фронте, является одним из надежнейших средств тайной разведки, так как

показания одних пленных перекрестной и очной ставкой могут быть проверены показаниями других пленных, а главное – подтверждены захваченными материалами, то есть средствами уже документальной разведки. Существенный однако недостаток этого средства разведки заключается в том, что оно не дает возможности заблаговременно проникнуть в намерения противника. Это, впрочем, можно отчасти достигнуть умелым опросом пленных и перебежчиков, особенно перед намечающимися противником операциями большого размера.

Полковник Николаи в своей книге «Тайные силы» приводит два таких случая показаний – француза и англичанина перед большим сражением 1918 года: «Таким образом незадолго до общего сражения взятый в плен француз выдал весь план наступления в таких подробностях и с такой точностью, что ему не поверили. То же самое сделал английский сержант весной 1918 года, дав настолько обширные и для своего положения невероятные показания, что они остались под сомнением, и только впоследствии была установлена их достоверность» (стр. 126).

А. Керсновский, описывая эрзинджанскую операцию 1916 г., имевшую целью отобрать у нас Эрзерум и Трапезунд, говорит, что «благодаря счастливой случайности нам удалось заблаговременно узнать этот план через перебежавшего к нам майора турецкого Генерального штаба, черкеса по происхождению, оскорбленного несправедливым к нему отношением германо-турок и отомстившего сообщением всех их (турок) планов» («История Русской армии», ч. IV, стр. 863).

Как сказано было выше, опрос пленных является переходной ступенью от личной тайной разведки к документальной.

Документальная тайная разведка

А. В мирное время.

Назначение документальной разведки. Использование секретных документов противника. Перечень главнейших документов, приобретенных нами до Великой войны. Определение достоверности секретных документов противника. Фиктивные документы. Гелиотропический фиктивный документ Главного управления Генерального штаба. Фиктивные документы Киевского военного округа. Проект использования фиктивных документов для введения в заблуждение противника. Журнал «Военное дело за границей» как заслуживающий подражания способ использования строевых офицеров для целей разведки. Болтливость наших и немецких газет во время войны.

Назначение документальной тайной разведки – получение секретных документов, касающихся вообще ведения войны, но в первую голову тех материалов, которые подвели бы базу, притом достоверную, под разработку противником планов ведения войны. Таким образом личная тайная разведка во всем ее объеме проверяется данными документальной разведки, материалы же последней должны согласоваться со сведениями личной разведки или же служить основанием для постановки ей дополнительных задач. Только подобной перекрестной проверкой и может быть установлен действительный план развертывания вооруженных сил противника в исходном для первоначальных боевых действий положении.

Как правило, агенты-резиденты шпионской сети не принимают в целях их безопасности участия в документальной разведке, служа в крайнем случае, лишь первоначальным посредником между владельцем секретного документа и руководителем тайной разведки.

Передача документа не должна совершаться на территории того государства, которого он касается. Если в крайности и может быть сделано это исключение для военного агента, то обязательно передача должна быть произведена через посредников.

Если нарушение правил конспирации недопустимо в сношениях с агентами личной разведки, то тем более это является преступлением в отношении агента, работающего по

документальной разведке. Посылка письма «до востребования» с вложением в него еще русских денег погубила такого ценного для нас агента как полковника Редля.

Получаемые документальной разведкой материалы, написанные от руки или на машинке, разного рода наставления, брошюры, уставы, книги, чертежи, планы и пр. очень редко представляются в безвозвратное пользование, а в большинстве случаев подлежат быстрому возвращению. Копировать столь драгоценный материал можно только при помощи фотоаппарата.

Очень часто в моем распоряжении документы бывали всего лишь сутки и не было случая, чтобы они своевременно не были на месте. Особенное затруднение представляет фотографирование переплетенных книг. Первоначально их разброшюровывают по отдельным страницам и кладут последние между двумя толстыми зеркальными стеклами одну пару страниц возле другой. Сначала фотографируется одна сторона, а затем другая. Сфотографированную этим способом книгу очень нелегко отличить от оригинала, но переплетение ее в ту же обложку требует большого искусства. Немало затруднений представляет фотографирование планов и чертежей в несколько цветов, так как синий цвет на фотографии почти не выходит. Желтый фильтр – синий цвет выходит как черный.

Можно себе представить, сколько предосторожностей надобно соблюсти, чтобы получить и доставить обратно в срок столь драгоценный материал, а главное сфотографировать его в условиях едва ли не фабричного производства.

Для тех материалов, которые не могут быть в отсутствии даже и столь малый как сутки срок, как, например, интересная текущая переписка секретного характера, их приходится фотографировать самому агенту, приобретая для этого бросающееся в глаза большое количество фотографических пластинок не в том конечно городе, где проживает этот агент.

Путем документальной разведки штабом Варшавского военного округа было приобретено после Русско-японской войны из Германии такое обилие секретных документов, что кажется не было вопроса, какой бы секретности и важности он ни был, чтобы при помощи документов нельзя было бы всесторонне его осветить. Исключением являлось лишь развертывание германской армии в районе ее сосредоточения на нашей границе и постановка первоначальных целей войны, что как и у наших впрочем противников, покоилось на широко обоснованных теоретических данных, впоследствии подтвержденных самой войной. Это впрочем не относится к австро-венгерской армии, о развертывании которой имелись документальные данные, хотя несколько и устарелые.

Обилие секретных документов и желание предупредить покупку их дубликатов заставило меня издать типографским путем в очень ограниченном количестве экземпляров список этих документов, разосланный соответствующим военным округам и военным агентам. Так как есть серьезное основание думать, что список этот при занятии немцами Варшавы попал в их руки, то приведя на память некоторые из документов этого списка, я не разглашу служебных тайн.

Наиболее важной из этих документов я считаю «Справочную книгу германского офицера Генерального штаба» («Handbuch des Generalstabsoffziers») как по обилию сведений о мирной и военной организациях и тактике войск не только германской армии, но и их союзников, так и по обилию справок, сведенных в удобные таблицы. Особенно подробно был разработан вопрос об эксплуатации железных дорог в военное время, явившейся базой для действий германских армий по внутренним операционным линиям в течение Великой войны.

Не меньшее значение имел для нас план мобилизации германской армии – *Mobilmachungsplan des deutschen Heeres* – для документального обоснования наших расчетов о мобилизации и военной организации германской армии.

Для уразумения основ германской стратегии служило изданное 1-го января 1910 года Наставление под заглавием «Германские основные принципы высшего командования войсками» (*Grundzüge der höheren Truppluführung*), являющееся как бы Полевым уставом для крупных войсковых соединений, начиная с корпуса. Этой книгой Император Вильгельм снабдил представлявшихся ему 1-го января 1910 года корпусных командиров. Впоследствии

ею были снабжены и нижестоящие начальники до командиров бригад включительно. Книга эта представляла такой для нас интерес, что издание ее пришлось повторить.

Для суждения о германской артиллерии служили справочные книги по германской, особенно тяжелой артиллерии, с подробными чертежами и описаниями состоявших в Германии на вооружении орудий, снарядов, трубок, лафетов и пр.

Далее следовали Указания по охране границы и железных дорог в районе корпусов 20, 17, 2, 5, 6, планы приведения в оборонительное состояние (Armierungplan) некоторых пограничных с нами крепостей, серия подробных отчетов о маневрах, полевых поездках, военных и крепостных играх офицеров Генерального штаба, планы перевозок некоторых войсковых частей, ряд наставлений по железобетону, для эксплуатации в военное время железных дорог и пр., и пр.

Все эти ценнейшие материалы, в большинстве своем изданные типографским путем на русском языке, послужили главным основанием для издания Главным управлением Генерального штаба капитального труда – «Вооруженные силы Германии».

Несравнимо беднее были результаты документальной разведки штаба Варшавского военного округа по Австро-Венгрии и ограничивались они лишь несколькими инструкциями по охране границы и пр. Зато несравнимо богаче были плоды глубокой тайной разведки ее Главным управлением Генерального штаба, венцом чего надлежит считать имевшиеся у нас планы перевозок по сосредоточению австро-венгерской армии.

Пожалуй едва ли не самое большое затруднение в документальной разведке представляет определение достоверности полученных документов, дабы не попасть в ловушку. Если легко установить подлинность напечатанной в типографии книги, то далеко не то бывает с той массой документов, которые получают руководителем тайной разведки, при этом нередко по артиллерийской, инженерной, авиационной и другим специальностям. Если и раньше трудно было справляться с этим делом руководителю тайной разведки, то теперь, когда техника идет гигантскими шагами вперед, разобраться в новинках воздухоплавательного, радиотелеграфного, химического, бактериологического характера подстать только всеобъемлющему уму, опирающемуся на соответствующих помощников-специалистов. Установить достоверность полученного документа даже с чисто стратегической точки зрения под силу человеку, имеющему большую в том практику, ибо никакие теории здесь делу не помогут.

Для иллюстрации можно привести приобретение Главным управлением Генерального штаба документа якобы огромной важности за подписью Императора Вильгельма, касающегося развертывания немецких армий в случае войны. Документ этот был прислан в штабы округов на русском языке. Меня он убедил в своей ложности тем, что развертывание германских армий производилось не в Восточной Пруссии, вполне к тому оборудованной в железнодорожном и шоссеином отношениях, неговоря уже о снабжении, а в Познанской провинции, этим условиям не удовлетворяющей. При этом развертывании немцы почти без боя отдавали нам зависящую часть Пруссии, когда одна только угроза ей со стороны 2-й армии генерала Самсонова заставила немецких беженцев очутиться в Берлине. Это обстоятельство принудило немцев оттянуть корпуса с своего западного фронта и тем самым парализовать свои там успехи. В этом духе составлен был мною доклад начальнику штаба Варшавского военного округа генералу Ключеву.

Впоследствии я узнал, что такого же взгляда держался и начальник разведывательного отделения штаба Виленского военного округа полковник Ефимов.

Вскоре после этого я имел доклад обер-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба полковнику Миллеру, только что вступившему в эту должность. Оказалось, что и он держится такого же мнения об этом документе, который у них слыл под кличкой «гелиотропического», ибо так были в нем названы гелиографические станции. Как могла быть допущена такая ошибка в документе, прошедшем предварительно много инстанций, трудно сказать. Мало того, полковник Миллер сказал мне, что нажим пера в росчерке Императора Вильгельма сделан так, что при обычном подписании его сделать

нельзя, а потому эту подпись он считает сфабрикованной. Благодарение Богу, это никоим образом не отразилось на наших стратегических расчетах, и мы лишь даром заплатили за него 35 000 рублей.

Далеко не так легко была ликвидирована история с фиктивными документами в штабе Киевского военного округа. Как сказано было выше, в этом округе разведка велась и штабом округа, и командующим войсками его при посредстве своего адъютанта. Результаты разведки заключались в регулярных сообщениях Государю Императору, а в копиях штабам округов о результатах австро-венгерских совещаний под председательством якобы эрцгерцога Фердинанда с участием начальника Генерального штаба Конрада фон Гоцендорфа и других высших чинов австро-венгерской администрации. Сообщения эти получались якобы от секретаря этих совещаний офицера-славянина, владевшего при том безукоризненно русским языком, а потому писавшего эти сообщения сразу же на русском языке. Как я не уговаривал дать мне в сфотографированном виде хотя бы частичку протокола подобного совещания, этого мне не удалось получить.

Протоколы эти носили фельетонный характер, были занимательны, но не заключали в себе объективных данных и цифр, которые можно было бы проверить. В то время как насущным вопросом нашей тайной разведки в период натянутых отношений с Австро-Венгрией являлось неустанное наблюдение за увеличением штатов приграничных войсковых частей, что по закону могло быть сделано распоряжением одного даже военного министра путем призыва двухгодичных контингентов эрзацрезервистов, то есть годовичного избытка призванных в войска молодых людей, в этих сообщениях были или общие, не поддающиеся проверке фразы, или цифры в виде каких-то туманных процентов. Начальнику штаба Варшавского военного округа генералу Ключеву эти сообщения Киевского военного округа нравились, я же соблюдал в отношении их в лучшем случае недоброжелательный нейтралитет.

Как— то были сообщены нам из того же источника фамилии поляков-сепаратистов, которые поднимут у нас в Замостском районе восстание в случае объявления нам войны Австро-Венгрией. По проверке оказалось, что это были действительно повстанцы 1863 года, мирно покоящиеся на кладбище в районе города Замостья.

По— видимому из того же источника были получены еще задолго до Великой войны в период очень натянутых дипломатических отношений с Австро-Венгрией тревожные сведения о якобы принятых ею мерах охраны железных дорог и границы, что вынудило сделать то же и Киевский военный округ, о чем он и поставил нас в известность. Начальник штаба Варшавского военного округа генерал Ключев, прочитав мне в присутствии начальника военных сообщений округа генерала Дернова эту телеграмму, спросил мое мнение -нужно ли то же сделать и Варшавскому военному округу. Я ответил, что хотя обстановка и очень угрожающая, все же я думаю, что делать этого не следует, ибо выставить охрану легко, а снять ее будет затруднительно. Я сознавал, какую брал на себя ответственность, но впоследствии был удовлетворен сознанием верности оценки очень сложной обстановки.

Даже и после этого в Киевском военном округе все в области тайной разведки шло по-старому вплоть до Великой войны. Лишь полковник Носков, командированный ко мне в Седлец с письмом генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта генерала Пустовойтенко с просьбой снабдить «по-братски» его разведывательное отделение материалами по Австро-Венгрии и Германии, ибо «у него ничего нет», сообщил мне, что вся эта история, тянувшаяся несколько лет, была провокационного характера, и этим провокатором было лицо русского происхождения, проживавшее в окрестностях города Киева. И в данном случае мы отделались сравнительно легко, понапрасну потратив деньги, создав преувеличенную славу в глазах Государя Императора будущему главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Иванову.

Исходя из трудности оценки достоверности иностранных секретных документов, я всегда снабжал переводы их на русский язык своей оценкой, указывая, в каком виде получен документ, то есть в рукописном, литографированном или печатанном в типографии, и

степень достоверности его, что, естественно, может определить лишь лицо, работающее с доставившим этот документ агентом. Я неоднократно предлагал моему начальству такой план введения в заблуждение наших противников, дабы сбить их окончательно с толку. Произвести военную игру в нашем большом Генеральном штабе, взяв за основание ложные стратегические исходные данные, а затем широко торговать этими документами, выдавая их за материалы нашего действительного развертывания армий в случае войны. Если торговля этими фиктивными документами будет вестись всеми заинтересованными военными кругами, то в большом Генеральном штабе противника почти что невозможно будет отличить в массе приобретаемых документов подлинные от фиктивных.

Этот остроумный способ применялся до Великой войны начальником разведывательного отделения штаба Виленского военного округа полковником Ефимовым, который продажей немцам фиктивных документов увеличивал почти в два раза отпускавшиеся ему на год суммы на ведение тайной разведки.

Я сравнительно редко прибегал в мирное время к работе с фиктивными документами, но считаю, что в военное время, когда работа более чем на половину ведется двойными шпионами, торговля фиктивными документами является единственным почти средством заслужить доверие противника и постараться вместе с тем ввести его в заблуждение.

К области документальной тайной разведки должно быть также отнесено самое широкое использование прессы противников, особенно печатных органов, выходящих в небольших пограничных городах, всегда склонных больше заниматься мелочами местной жизни, чем общеполитическими вопросами.

Разведывательным отделением штаба Варшавского военного округа выписывалась масса газет как столичных, так главным образом провинциальных на немецком и польском языках, не говоря уже о военных журналах и книгах. Весь этот материал распределялся между знающими немецкий язык строевыми офицерами округа, которые в свободное от службы время делали выдержки из них на русском языке по заранее установленной программе сбора сведений военно-политического характера о наших противниках. Эти данные классифицировались и затем помещались в издававшемся штабом Варшавского военного округа журнале «Военное дело за границей», начавшем выходить вскоре после Русско-японской войны. Этот бескорыстный труд сотни строевых офицеров изредка вознаграждался письменным изъяснением им благодарности окружным генерал-квартирмейстером.

Изданием этого журнала преследовалась цель знакомства широкой массы офицеров с военными новинками наших противников, особенно когда там печатались в переводе разного рода тактические пособия и пр. Были полки, как например, лейб-гвардии Волынский, выписывавшие этот журнал в каждую даже роту.

Если сравнительно легко было использовать для целей тайной разведки болтливость газет в мирное время, то не так уж трудно было делать это и во время войны. Большинство из нас не придавало значения печатавшимся в наших газетах в 1904-1905 гг. телеграммам, отправлявшимся из России на Дальний Восток, вроде таких: «Перевалив через Урал, шлем и так далее», далее следовали указания частей войск и фамилии офицеров.

Не лучше поступали в Великую войну и немцы, помещая в газетах «Списки потерь» на войне и точное указание не только сформированной в военное время войсковой части, но и фронта, где был убит офицер. Ценными оказались и объявления офицеров, особенно из сформированной в военное время части, извещающих о своем вступлении в брак и пр. Все эти сведения вместе с найденными у убитых, раненых и взятых в плен материалами являлись ценным источником для установления организации вооруженных сил противника в военное время.

В. Радиотелеграфная разведка.

Достоинства и недостатки личной и документальной тайных разведок и допроса

пленных. Радиотелеграфная разведка – новое могучее средство быстрого распознавания оперативных намерений противника. Организация радиотелеграфной разведки в Австро-Венгрии во время Великой войны на русском и итальянском фронтах. Причины легкости расшифровки австрийцами русских радиogramм. Наши попытки расшифровывать неприятельские радиogramмы на сухопутном и морском фронтах. Радиотелеграфная разведка в Англии. Отличие радиотелеграфной разведки от других видов тайной разведки. Понятие о шифрах и кодах.

Вышеупомянутые главные виды тайной разведки – личная и документальная – страдают одним существенным недостатком – запозданием получения их результатов; опрос пленных, хотя и в такой же степени страдает этим недочетом, но зато касается сравнительно небольшого участка неприятельского фронта, откуда взяты пленные. Все же пленные или, как у нас называют, «язык» были и в Великую войну, да надо полагать, останутся и на будущее время самым надежным средством тайной разведки, позволяющим документально констатировать факт нахождения данной войсковой части противника, но не позволяет предвидеть его намерений. Последнему, самому главному требованию тайной разведки может удовлетворить лишь радиотелеграфная разведка, которая в смысле достоверности, обширности фронта и возможности проникать в намерения противника является непревзойденным до сих пор средством тайной разведки. Это обстоятельство, благодаря умению австро-венгров расшифровывать наши оперативные радиogramмы, начиная с 19-го сентября 1914 года, а германцы это делали по-видимому с самого начала войны, превратило ведение ими Великой войны в игру с заблаговременно открытыми картами в то время, как мы все время вели ее вслепую. Более подробно я говорю об этом в своей статье «Радиотелеграфная разведка» в «Вестнике военных знаний» в №№ 1,2, 1931 года. Здесь же я приведу лишь краткое резюме ее.

Еще с 1908 года военно-морская радиотелеграфная станция Австро-Венгрии стала перехватывать иностранные радиogramмы и пытаться их расшифровывать. Итало-турецкая война 1911-1912 гг. и Балканская война 1912-1913 гг. дали им еще большую в этом отношении практику и перед Великой войной «расшифровка сербских телеграмм не представляла уже никаких затруднений» для австрийцев, говорит генерал Ронге в своем труде «Военный и промышленный шпионаж».

Так как русский шифр был разгадан австрийцами лишь 19 сентября, то есть уже после разгрома нами 1-й, 2-й, 3-й и 4-й армий, то первое наше сражение с ними велось таким образом обеими сторонами почти вслепую, то есть ориентировка о противнике покоилась главным образом на результатах войсковой, то есть открытой разведки. Все же последующие после 19 сентября 1914 года сражения на австрийском фронте, а на германском по-видимому с самого начала войны, велись противниками со знанием наперед наших намерений. Только в этом «предвидении» (?) и надлежит искать причину успеха наших противников, невзирая на героизм наших войск.

Генерал Ронге говорит, что расшифрованная австрийцами наша радиogramма от 25-го сентября 1914 года выяснила отход нашей авангардной 9-й армии, преследовавшей разбитых австрийцев за реку Вислу в виду предстоящего маневра. Радиogramма от 28-го сентября окончательно установила район, куда она перебрасывалась – за реку Вислу ниже реки Сана, а последующие затем до 4-го октября включительно радиogramмы выяснили районы перебросок не только 9-й, но 4-й, 5-й, 1-й, 2-й армий, то есть районы перебросок не только Юго-Западного, но и армий Северо-Западного фронта.

Таких невиданных доселе в военной истории результатов в смысле распознавания оперативных замыслов противника как в отношении скорости донесений, так и их достоверности, не давал еще ни один способ разведки.

В конце октября 1914 года, говорит генерал Ронге, благодаря расшифровке русских радиogramм «схема расположения русских войск по дням до дивизии включительно мало могла чем отличаться от той, что имела в Ставке Верховного главнокомандующего или в штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом в Холме».

13-го ноября 1914 года австрийцами была перехвачена радиogramма с диспозицией для начинавшегося 14-го ноября наступления русских армий вглубь Германии. Это ценнейшее как по содержанию, так и по своевременности сведение о могучем кулаке победоносных русских армий уже после полудня 13-го ноября лежало на столе германского и австро-венгерского оперативных отделений Ставки. Мудро использовали немцы это сведение, задумав взять в клещи это наступление 9-й германской армией со стороны Торна и Познани и 4-й австро-венгерской -из-за Вислы со стороны Кракова. Это едва не привело к капитуляции наших 2-й и 5-й армий под Лодзью и благодаря подобным же расшифрованным радиogramмам нам не удалось захватить в плен попавшие под Лодзью в мешок германские дивизии.

Таких примеров немало приведено в книге генерала Ронге, причем красной нитью проходит, что в те периоды, когда отказывалось действовать лучшее средство австро-венгерской разведки расшифровка наших радиogramм, как например, в конце Лодзинской операции, когда переменен был нами шифр, у них создается «катастрофическое настроение», ибо тогда они ставились в одинаковое со своим противником положение в смысле ведения боя.

Чтобы судить об интенсивности работы подслушивающих радиостанций достаточно, со слов генерала Ронге, указать, что с 19-го сентября 1914 года по начало 1915 года ими были разгаданы шестнадцать наших шифров, суточная же продуктивность работы по расшифровке достигала семидесяти радиogramм, как то имело место 4-го июня 1916 года.

К марту 1916 года работа по подслушиванию у австрийцев была организована следующим образом. Подслушивающие станции образовали шесть групп: Барановичи, Ковель, Берестечко, Броды, Бржежаны и Коломые, причем каждой группе был приписан определенный участок нашей позиции. В эти же группы включены были и так называемые измерительные радиотелеграфные станции (Messtationen) для определения путем звуковых засечек с нескольких пунктов неприятельских радиотелеграфных станций.

Не менее успешно было организовано австрийцами подслушивание и на итальянском фронте, где каждую итальянскую радиостанцию подслушивали две – три австрийские, на радиоизмерительных же станциях лежала обязанность ежедневно проверять расположение порученных их наблюдению радиотелеграфных станций противника. Дело подслушивания австрийцами на итальянском фронте отчасти облегчалось наличием приобретенных ими двух итальянских шифров «Cifrario rosso» и «Cifrario tascabile».

Продуктивность работы подслушивающих австрийских радиостанций была огромная.

В целях подтверждения блестящей работы австрийских радиостанций генерал Ронге приводит из «Corriere della Sera» от 19-го августа 1919 г. следующее мнение следственной комиссии о битве при Корфрейте. «Достаточно будет указать на чрезвычайно высокую степень развития службы подслушивания, которая дополнялась достойной удивления дешифровальной службой, благодаря которым удавалось, между прочим, во время отступления находить наши радиостанции и расшифровывать наши радиogramмы для определения направления нашего отступления. Захваченные после перемирия в качестве добычи материалы доказали, что противник расшифровал почти все наши шифры, включая самые секретные и самые трудные».

В заключение генерал Ронге не без заслуженной гордости говорит, что как на русском, так и на итальянском фронтах служба подслушивания была верным помощником своего главнокомандования в деле распознавания оперативных замыслов своего противника, для чего она умело пользовалась всякой его оплошностью, главнейшие из которых необходимо привести, дабы избежать повторения подобных ошибок в будущем.

До 14-го сентября 1914 года русские радиogramмы передавались не сплошь в зашифрованном виде, почему путем сопоставления зашифрованной и не зашифрованной частей радиogramмы являлась возможность догадаться о смысле первой части ее, что могло облегчить разыскание шифра. Распоряжение же Ставки от 14-го сентября 1914 года о передаче радиogramм в сплошь зашифрованном виде можно считать запоздалым, ибо 19-го

сентября русский шифр был уже разгадан.

Во второй половине октября 1914 года одна из русских радиостанций не получила нового шифра и продолжала работать старым. Сопоставление одной и той же радиограммы, зашифрованной старым и новым шифром, облегчало разгадывание последнего.

То же имело место в момент введения нами 17 июня 1916 года нового, очень сложного шифра с 300 шифровальными группами, что настолько затрудняло пользование им. Но некоторые штабы продолжали работать старым шифром, а это значительно облегчало разгадку нового шифра, особенно если принять во внимание, что расположенный в районе 8-й армии гвардейский отряд позволил себе даже скрытой радиограммой сообщить цифровой ключ к этому шифру. 23 ноября 1917 года итальянцами было отдано распоряжение по радио, чтобы каждая радиостанция сообщила центральной радиостанции свое местонахождение, а равно и штаба, к которому она приписана, если она расположена не в одном с ним пункте, что по словам генерала Ронге, дало австрийцам возможность быстро и точно установить распределение всех войсковых частей, а равно и артиллерии среднего и тяжелого калибров.

Из вышеизложенного видно, что новое средство связи – радиография – принесло нам больше вреда, чем пользы, донельзя облегчив противникам проникновение в наши оперативные планы. Не имей мы радиотелеграфии, наши действия были бы несравнимо более успешными, доказательством чему могут служить разгром австрийцев в августе-сентябре 1914 года и успех 1-й армии генерала Ренненкампа в августе того же год в Восточной Пруссии. Эти успешные наши действия совпали по времени с тем периодом, когда австрийцы не умели еще расшифровывать наши радиограммы, а у немцев дело это только еще налаживалось. Отсутствие у нас радиотелеграфии могло иметь последствием тактические неудачи, что несравнимо слабее отразилось бы на общем ходе кампании, чем систематическое проникновение в сокровенные наши стратегические планы.

У нас дело расшифровки неприятельских радиограмм на сухопутном фронте было организовано неудовлетворительно, а потому это новое могучее средство тайной разведки совершенно не играло роли в деле осведомления об оперативных замыслах наших противников. Нельзя сказать, что не было сделано попыток в этом отношении. В конце 1915 года на Северном фронте перехватывались неприятельские зашифрованные радиограммы, которые отправлялись затем в Петроград в специальное бюро Главного управления Генерального штаба, в работе коего принимали участие и наши союзники, у которых, как мы это увидим ниже, дело это было поставлено, по крайней мере во флоте, очень хорошо. Ощутительных однако результатов работа этого бюро нам не дала.

Несравнимо лучше и шире было поставлено дело расшифровки неприятельских радиограмм в нашем флоте, что явствует из помещенной в морском журнале «La Revue maritime» от ноября 1932 года, страницы 597-626-е статьи старшего лейтенанта Стеблин-Каменского «La guerre de mines dans Mer Noire» («Минная война в Черном море»), выдержки из коей приводятся ниже.

Расшифровка немецких морских радиограмм ведет начало, говорит старший лейтенант Стеблин-Каменский, со времени извлечения нашими водолазами секретных документов, в том числе и радиотелеграфных шифров, с погибшего осенью 1914 года вблизи Оденхольмского маяка в Балтийском море немецкого крейсера «Магдебург». В 1914 же году по просьбе англичан были командированы для связи с ними капитан I ранга Кедров и капитан II ранга Смирнов, так как у англичан в то время была мысль проникнуть с частью своего флота в Балтийское море. Этим офицерам было поручено передать англичанам и этот морской шифр, который они лично вручили Первому лорду адмиралтейства (морскому министру) Уинстону Черчиллю в присутствии Первого морского лорда (начальника Морского Генерального штаба) принца Людвиг Баттенбергского и начальника штаба контр-адмирала Оливера. С этого времени расшифровка немецких морских радиограмм была поставлена рациональным образом, причем мы работали в полной связи с англичанами. Для этого и в Балтийском море, и в Севастополе были построены специальные подслушивающие

станции. Следует заметить, что турки во флоте пользовались тем же германским шифром. По словам старшего лейтенанта Стеблин-Каменского, несколько раз немцы и турки меняли свой шифр, не трогая его системы, и всякий раз мы его разгадывали.

Благодаря расшифровке немецких радиogramм в Балтийском море мы были точно осведомлены о составе неприятельских сил и даже часе форсирования Рижского залива.

Не менее поразительны были результаты расшифровки и в Черном море. Так одна из расшифрованных неприятельских радиogramм извещала ночью, что на заре, то есть через несколько часов, две турецкие моторные канонерки, идя из Бургаса в Константинополь, подойдут к европейскому мысу Карабурну. В восемь часов утра бывший в море крейсер «Память Меркурия» сообщил: «Потопил две турецких канонерки».

Так как турки продолжали делать все оперативные распоряжения по радиотелеграфу, то этим же путем мы узнали о гибели на наших минах немецких лодок у Босфора и Варны.

В сентябре 1916 года турки протралили проход вдоль азиатского побережья для большого транспорта, долженствовавшего идти с грузом угля из Зунгудалка, которому об этом пути туда и было сообщено по радио. Немедленно же наши миноносцы забросали минами протральный канал, а из последовавшей неприятельской радиogramмы мы узнали, что транспорт этот затонул на нашей mine.

В декабре 1916 года штаб нашего Черноморского флота получил сведение, что при отступлении нашей армии из Констанцы левый фланг ее обстреливался немецкой канонеркой. В тот же день нами был расшифрован приказ этой подводной лодке вернуться в Константинополь, используя для этого только что протральный канал. Немедленно же из Севастополя вышли миноносцы для постановки мин в протральный канал, а через 48 часов из расшифрованной радиogramмы стало известно, что эта немецкая подводная лодка затонула на поставленных минах. Это была последняя немецкая подводная лодка, выходившая в Черное море.

В Англии к расшифровке перехватываемых немецких радиogramм, на основании заметки французского морского журнала 1928 года «La Revue maritime», приступил по просьбе Первого лорда адмиралтейства профессор Альфред Уинг сейчас же после объявления войны. Работа эта и даже самый факт существования ее держались в большом секрете и вся дешифровальная служба известна под названием работы «Комнаты № 40». К концу войны ею занимались около пятидесяти человек, причем в сутки перехватывалось до 2000 радиogramм.

Работа «Комнаты № 40» была настолько успешна, что о точном часе прибытия и о направлении немецких сил в сражении при Доггер Банке англичане знали еще накануне его благодаря отдававшимся немецким судам распоряжениям по радиотелеграфу. Вообще, начиная с декабря 1914 года немецкий флот не делал передвижений, которые не были бы известны англичанам из отдаваемых немцами по радио распоряжений. Таким образом и Ютландское сражение далеко не было неожиданным для англичан, их ввела в заблуждение лишь перемена главнокомандующим немецким флотом накануне этого сражения позывного своего адмиральского корабля «Д. К.» с позывным порта Вильгельмсгафен «U. W.». Это обстоятельство заставило англичан думать, что адмиральский корабль был на базе. Недоразумение это было однако рассеяно подробным рапортом командира крейсера «Саутчомптон».

Столь блестящих результатов англичане достигли благодаря нахождению в их руках нескольких экземпляров шифров, вероятно, с потонувших германских судов, что дало возможность изучить самую систему немецкого шифрования, которая была очень проста, почему редко к тому же практиковавшаяся перемена ключей к шифру не могла охранить его от следующих английских криптографов.

Лишь в 1916 году немцы стали замечать, что в течение 24 часов всякую немецкую радиogramму могла расшифровать любая немецкая станция, даже не имея дешиф-ранта. Только тогда введен был новый шифр, не имевший прежних недостатков, ключ к коему менялся каждый день. Таким образом Великая война выдвинула наряду с такими боевыми

техническими средствами как авиация и химическое оружие на видное место радиотелеграфию не только как могучее средство связи, особенно во флоте, но и как средство разведки, равного коему до сих пор история еще не знала. Как средство разведки радиотелеграфия является связующим звеном между войсковой и тайной разведками. Обладая почти той же степенью достоверности сообщаемых ею сведений как и войсковая разведка, радиотелеграфия дает вместе с тем возможность проникать в тайные оперативные замыслы противника путем чтения его распоряжений, то есть является уже отделом тайной разведки, так называемой документальной разведки, обслуживаемой обыкновенно шпионами. Последнюю она однако превосходит как невероятной быстротой доставки донесений, так и в смысле размеров информируемого ею района, особенно если радиограмма исходит из крупного штаба.

Так как главное затруднение при пользовании этим средством является дешифровка неприятельских радиограмм в большинстве случаев без шифра, то все старания руководителя тайной разведки должны быть направлены на приобретение их какой угодно ценой, с одной стороны, и на привлечение ученых-специалистов к этому трудному, но чрезвычайно важному делу, с другой стороны, как то сделали Англия и Германия в Великую войну, обратившись к сотрудничеству даже профессоров.

В заключение необходимо хотя бы вкратце дать понятие о шифрах. Большой знаток раскола, известный писатель П. И. Мельников (Печерский) в своем романе «В лесах» приводит употреблявшийся в XVII веке и даже ранее простейший шифр, служивший раньше и для наших дипломатических сношений, так называемую «тарабарскую грамоту», который затем был в употреблении наравне с другими у наших раскольников. Пишутся согласные буквы алфавита в таком порядке:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п

Для зашифровки употребляют вместо ц букву д, вместо х букву ж и обратно, оставляя на своих местах все гласные буквы (см. ч. III, стр. 17). Само собой разумеется, такой шифр легко поддается расшифровке.

Немцами в их «Справочной книжке» для офицеров Генерального штаба приведен образец шифра, тоже не отличающийся замысловатостью, но зато чрезвычайно простой в обращении. Входной фразой к нему должна служить условная фраза, например, «Wacht am Rhein». Под этой, написанной в одну строку, фразой делается сетка из 12 вертикальных столбцов по числу букв этой фразы, в которые и вписывается в нескольких горизонтальных строках по 12 букв открытый текст донесения. После этого начинают брать буквы, следуя алфавиту, то есть второй ряд, соответствующий первой букве алфавита, а далее шестой, соответствующий ей же, затем третий, соответствующий букве с, и так далее. Выбранные буквы разбивают в группы по пяти, отделяя их тире.

У нас одно время тоже употреблялся этот шифр в разведывательном отделении, но ввиду его простоты было решено потом зашифрованный один раз текст накладывать второй раз на ту же сетку. Все это впрочем не настолько усложняло шифр, чтобы затруднить его разгадку. Повторяю, достоинство этого шифра заключалось в его простоте, ибо надобно было знать только входную фразу. Вскоре шифр этот был нами оставлен.

Можно до бесконечности варьировать с зашифрованными фразами, накладывая их, например, на определенного размера геометрические фигуры, спирали и пр.

Современные шифры более сложны и входные числа к ним меняются ежедневно.

Говоря о шифрах, нельзя не упомянуть о секретных кодах, в которых общеупотребительные слова и фразы обозначаются условными сочетаниями букв и цифр. Коды представляют собой большие уже книги, в переплет коих вкладываются свинцовые пластины, дабы утяжелением книг насколько возможно затруднить их похищение, морским же кодам дать возможность поскорее потонуть, дабы столь секретный документ не попал в руки врага.

Печатание таких кодов должно быть обставлено большими предосторожностями и стоит оно от сотен тысяч до миллионов рублей. Набор кодов и корректура их обыкновенно делится между несколькими особо доверенными лицами, дабы они не могли охватить всей картины. При печатании принимаются все меры, чтобы не было напечатано лишних экземпляров, для чего кроме счетчика в машине, бумага для печатания отпускается тоже счетом. Отправка шифров по местам производится тоже при посредстве особо доверенных лиц.

Чтобы сохранить тайну шифра необходимо точно указать срок вступления его в действие, после чего старый шифр ни под каким видом не может уже более употребляться. В случае пропажи шифра, о чем должно быть немедленно же донесено, вступает в действие также одновременно запасный шифр.

Невзирая однако на все принимаемые меры по охране шифров техника расшифровки, с одной стороны, и попытки агентурным путем приобрести их, с другой, творят свое упорное дело разгадывания шифров. Без такого дешифровального бюро в настоящее время немыслимо ни одно правильно организованное разведывательное отделение.

Г. Обработка материалов тайной разведки.

Составление за противника плана войны и, как результат этого, разработка планов перевозок войск противника в районы их сосредоточения. Основания для этого – сборники о вооруженных силах противников и военно-статистические обзоры их территории с подробным описанием дорог, укрепленных пунктов, баз и пр. Изготовление планов неприятельских крепостей вообще и крепости Перемышль в частности. Пособия для пользования войск в мирное и военное время.

Добытые и проверенные данные тайной разведки должны стать базой для издания сборников о вооруженных силах наших противников и военно-статистического описания приграничной с ними территории. Особенное внимание уделяется при этом описанию укрепленных пунктов. Для нужд действующих против них войск должны быть составлены подробные их описания, иллюстрированные планами и чертежами. Перед Великой войной это было по свидетельству даже наших противников блестяще сделано Главным управлением Генерального штаба и соответствующими штабами военных округов. Особенно полно и хорошо были обследованы и описаны германские крепости и укрепления. Мне хочется несколько подробнее остановиться на изготовлении плана крепости Перемышль на основании неудачного и в достаточной уже степени выцветшего фотографического снимка со специальной карты этой крепости в масштабе 1:25000.

Я сознавал необходимость издания этого плана, но руки опускались перед техническими трудностями. Через служившего в Главном управлении Генерального штаба полковника Скалона, впоследствии, говорят, застрелившегося из-за нежелания как эксперта подписать Брест-Литовский мир, я попросил это сделать Главное военно-топографическое управление, но получил отрицательный ответ. Я тогда же сказал полковнику Скалону: «А мы все-таки сделаем этот план», – что и имело место на самом деле.

Я обратился тогда к директору отлично оборудованного в техническом отношении частного заведения графических искусств в Варшаве Б. Л. Вержбицкому. Так как самым главным недостатком сфотографированных частей плана являлась непараллельность всех его сторон и бледность отпечатка, то немало времени потребовалось, чтобы путем последовательного фотографирования добиться параллельности двух сторон и вручную усилить контуры. После этого была построена на основании цифровых указаний на плане географическая сетка, в четырехугольники коей и наклеивались куски сфотографированного плана. Таким образом ошибки не могли выходить за пределы этих четырехугольников. Уменьшенная фотография с этого сделанного из лоскутков плана свела почти на нет зазоры между разрезанными кусками, которые все же пришлось исправлять тоже вручную.

Таким– то тяжелым, кропотливым трудом военных топографов штаба Варшавского

военного округа был получен оригинал плана крепости Перемышль, с уменьшенной копии коего и были потом напечатаны 3000 экземпляров в несколько при том красок. О трудности этой кропотливой работы я могу судить по произведенной мной корректуре, когда все время приходилось рассматривать оригинал через лупу. На эту работу понадобился почти год времени. При осаде этой крепости это был единственный ее план, спасший жизнь не одной тысячи людей.

Что касается Краковской крепости, то мне не удалось издать ее точный план. Пришлось ограничиться фотографическими снимками со специальных планов ее в масштабе 1: 25 000, подняв на них красками укрепления. Наличие клише давало возможность всегда напечатать с них требуемое количество копий.

Планы германских крепостей были изготовлены с немецких оригиналов, а потому и были так точны по свидетельству генерала фон Франсуа.

Все эти перечисленные материалы должны служить основанием для разработки за противника первоначального плана войны и для постановки первых ее задач. Все это должно согласоваться с подготовкой района сосредоточения армий противника в дорожном, артиллерийском, военно-инженерном, воздухоплавательном, интендантском и военно-санитарном отношениях. Затем составляются планы перевозок армий в районы сосредоточения – исходные пункты для начала боевых действий. Постановкой задач сосредоточенным армиям и заканчивается роль тайной разведки мирного времени.

Указанными выше работами занимался у нас особый отдел так называемых отчетных работ, то есть плана войны, выполняемых в остальных своих частях мобилизационными отделениями штабов военных округов. Если эти тяжелые работы делались мобилизационным отделением совместно с заведующим передвижением войск, оперировавшими с совершенно определенными своими данными, то можно себе представить, насколько все это затруднялось для разведывательных отделений неточностью, а иногда и полным незнанием этих данных в отношении противника.

Отчетные работы представляют однако интерес для высших начальствующих лиц, а не для войск. Для их же пользования были изданы штабом Варшавского округа особые схемы пограничной местности Германии и Австро-Венгрии с указанием в первые дни мобилизации расположенных там полевых войск и формирований военного времени. Такими схемами были снабжены все эскадроны и разъезды особой важности, которые были готовы к выступлению через два часа после объявления мобилизации.

Для ознакомления войск с организацией и тактикой наших противников мною были изданы подробные квартирные расписания германской и австро-венгерской армий с указанием начальствующих лиц до командиров батальонов включительно, форм обмундирования, отличительных цветов и пр., что послужило потом хорошим пособием при опросе пленных; ряд пособий для ведения тактических занятий нашими противниками с войсками, серия картин, иллюстрирующих тактические упражнения войск, и пр. Значительную роль в деле ознакомления войск с армиями наших противников играл и вышеупомянутый журнал «Военное дело за границей».

Д. Заключение.

Выше подробно рассмотрены виды тайных разведок: личная и документальная со связующим их звеном войсковой и радиотелеграфной разведками. Каждый из этих видов имеет свои плюсы и свои минусы, но они должны работать независимо и параллельно, взаимно друг друга дополняя и контролируя. Где неблагоприятно складывается обстановка для одной, может выручить другая, всегда преследуя одну цель – проникновение в планы противника. Работа тайной разведки есть та же война, но | в мирное только время и другими средствами, где изворотливость ума, сила воли и мужество играют первенствующую роль! Слишком многим рискует человек, отдавшийся работе по тайной разведке, чтобы можно было объяснить все его деяния лишь простой алчностью к деньгам. Есть немало среди них

людей идейных, и является еще большим вопросом, где нужно больше мужества, сражаясь бок о бок со своими товарищами, или же будучи всегда предоставленным самому себе, не имея возможности ни с кем поделиться сокровенными своими мыслями, ежеминутно ожидать в лучшем случае лишения свободы, если не виселицы. Во всяком случае пожертвовавший жизнью за благо своего отечества шпион должен быть рассматриваем как и погибший на поле брани солдат.

Если столь высоки требования к рядовому шпиону, то насколько они должны быть повышены в отношении руководителя тайной разведки. При распространении в настоящее время войны на все области проявления человеческого ума и деятельности это должен быть всеобъемлющий ум, чтобы быть «с веком наравне». Кроме того он должен обладать особым аналитическим умом, дабы в мелочах улавливать общую картину, то есть обладать некоторым даром прозрения. Он должен быть вполне застрахован от разного рода увлечений, свойственных его возрасту, быть своего рода аскетом, находя выход своей энергии в азарте работы по тайной разведке. Но самое главное – он при огромном хладнокровии должен быть абсолютно честным человеком, так как он является бесконтрольным расходчиком отпускаемых на тайную разведку средств. В самом деле, ни один серьезный тайный агент никогда не даст расписки в получении денег, являющейся самой сильной против него уликой в руках руководителя тайной разведкой.

Со мной был такой случай. Агент, доставивший нам огромное количество ценнейших документов, требовал за них около 17 000 рублей, которыми я должен был быть снабжен, идучи на свидание с ним за границей. Так как эта сумма составляла около одной трети годового бюджета на тайную разведку, то я спросил свое начальство, одобрит ли оно мне этот кредит. На самом же деле, если бы агент потребовал в десять раз большую сумму, то и она была бы далеко не чрезмерной. Хотя я просил себе полномочий распоряжаться этой суммой, все же надеялся кое-что выторговать, но никоим образом не в ущерб добрым отношениям с агентом, что я ставил превыше всего. На самом деле мне удалось сговориться с агентом на сумме в 12 000 рублей, то есть сэкономить 5000 рублей. Конечно мое начальство было этим довольно и назначило мне в награду 300 рублей, чем я также очень был доволен.

Этот случай я привожу также и для того, чтобы рассеять легенды, повторяемые даже иностранными специалистами по тайной разведке, о том, что мы якобы платили своим агентам гроши, держа их в руках уплатой первой суммы денег и угрозой их выдать.

Суммы, расходовавшиеся на тайную разведку, назывались у нас «суммами на известное Его Императорскому Величеству употребление». Расход их контролировался генерал-квартирмейстером как непосредственным начальником руководителя тайной разведки, то есть начальника разведывательного отделения, высшей же для них обеих инстанцией был начальник штаба округа.

Это абсолютное доверие начальников по отношению к руководителю тайной разведки я нередко характеризовал своему генерал-квартирмейстеру такими фразами: «Если Вам, Ваше Превосходительство, даже во сне приснится, что Ваш начальник разведывательного отделения нечистоплотен в денежном отношении, то Вы, проснувшись, его смените, так как контролировать его нет возможности».

В таком живом деле как тайная разведка и отношения наверху к своему начальству и внизу со своими агентами должны быть проникнуты доверием к слову, а не покоиться на бюрократической основе.

Выше мною чаще всего приводились примеры из практики тайной разведки мирного, а не военного времени. Причина тому – слабая работа ее в период войны. Если нашу тайную разведку мирного времени на основании утверждений наших противников можно считать хорошо поставленной, то это нельзя сказать про тайную разведку военного времени. Главное тому объяснение – недооценка на верхах этого могучего средства в руках командования. В самом деле с началом Великой войны весь персонал разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба с генералом Монкевицем во главе уходит даже не в Ставку

Верховного главнокомандующего, чему надлежало бы быть, а в высшие (По смыслу должно быть низшие. – Прим. состав.) штабы, предоставив молодым и совершенно неопытным их заместителям расхлебывать не ими плохо заваренную кашу. Между тем на Главном управлении Генерального штаба лежала чрезвычайно ответственная работа по ведению через военных агентов нейтральных стран тайной разведки в глубоком тылу наших противников.

Для того, чтобы знать как велось это дело, достаточно привести помещенную в копенгагенской газете «Berlingske Tidende» от 10 января 1939 г. рецензию о вышедшей книге норвежского полицеймейстера Joh Sohr «Шпионы и бомбы», в коей говорится об одной сотруднице нашего военного агента в Копенгагене полковника Потоцкого во время Великой войны. Она была кафешантанной танцовщицей, в дни молодости много путешествовала и познакомилась с полковником Потоцким, предложившим ей быть шпионкой в Германии. Для виду она согласилась, но фактически жила в Норвегии, где и читала газеты, делала из них вырезки, записывала их шифрами и два раза в месяц приезжала якобы из Германии с докладом, получая за каждый приезд по 500 крон. Вся эта история длилась в течение нескольких месяцев.

В самой Ставке Верховного главнокомандующего настолько не придают значения делу тайной разведки, что даже не формируют особого разведывательного отделения для общего руководства этим нелегким делом в армиях и для постановки очередных задач Главному управлению Генерального штаба. Этим же обстоятельством надлежит объяснить и полное игнорирование Ставкой радиотелеграфной разведки, когда дело это хорошо было поставлено в подчиненном ей флоте, откуда и можно было бы пересадить его в сухопутную армию.

В результате этого небрежения всю Великую войну мы вели вслепую, и наша тайная разведка являлась плохим помощником в деле осведомления о противнике оперативной части штабов. Блестящий таким образом опыт тайной разведки мирного времени был сведен почти на нет во время Великой войны только благодаря низведению ее опять на роль пасынка, как то было до Русско-японской войны, и полному игнорированию опытных ее работников, которых Ставка расценивала как рядовых офицеров Генерального штаба, не используя их специальных познаний и опыта. За все это небрежение в таком важном и ответственном деле как тайная разведка мы заплатили потом сотнями тысяч жизней, миллионами денег и даже существованием самого государства.

Контрразведка

1 . Понятие о контрразведке как о борьбе с военным шпионством в отличие от обывательской на нее точки зрения. Возможность успешности этой борьбы.

Выше были разобраны виды так называемой активной тайной разведки: политической, военной и морской, экономической, научной и технической. Борьба с этими видами тайной разведки или шпионажем вообще носит название контрразведки или пассивной тайной разведки. Обыватель обыкновенно смешивает эти виды тайной разведки, сплошь и рядом называя контрразведкой и активную тайную разведку, что по существу было бы так же правильно как атаку или наступление называть обороной.

Невзирая на высокие требования, предъявляемые к шпиону в смысле ума, находчивости, самообладания и знания основ конспирации, все же борьба с ним в большинстве случаев оканчивается успехом, ибо мы имеем здесь дело с психологией человека и его недостатками, а не с машиной. В редкие сравнительно минуты и шпион может выйти из рамок строго настрого ему дозволенного и попасть в расставленные умелой рукой контрразведки силки. Нигде может быть не находят столь частого себе применения как в борьбе со шпионами две русские пословицы: «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить» и «На всякую Маруху бывает проруха».

Работа контрразведки всегда сопряжена с риском, а иногда и с легкой наживой денег и настолько захватывает человека, что став на этот путь, он в большинстве случаев с него не

сходит. Удачи при этом лишь повышают степень риска шпиона, почему даже опытный шпион перестает слушать голоса предосторожности в погоне за новой наживой. Я работал в течение четырех почти лет с одним очень ценным для нас шпионом, который показывал прямо-таки кинематографическую ловкость в смысле добывания секретных документов, и окончил однако он свою карьеру преданием его суду за предложение фотографических снимков с уже использованных нами секретных документов одному из союзников наших противников, которые давно уже были связаны между собой конвенцией об обмене сведениями по тайной разведке и контрразведке. Между тем я взял с него слово, что использованные фотографические пластинки будут им уничтожены, заработанные им очень значительные суммы денег будут помещены не под закладные домов в своем государстве, а в одном из наших банков. Над этой моей осторожностью и над снабжением его мной нашим заграничным паспортом на вымышленное конечно имя он только посмеивался, разражаясь нелестной аттестацией своих начальников-офицеров, которые, по его словам, настолько были недалёковидны, что им и в голову не могла прийти чудовищная мысль о занятии им шпионством. Могу лишь сказать, что и мне в голову не могла прийти мысль, что такой опытный как он шпион мог сам себя ввести в пасть врагу.

Другой не менее разительный пример имел место с австрийской службы полковником Редлем, который сам стоял раньше у дела тайной разведки. Ускользнув в Вене от наблюдения филеров после получения им на почте денег в письме «до востребования», полковник Редль поехал на автомобиле в гостиницу. Филеры, следившие за ним, не могли его сопровождать из-за отсутствия на стоянке свободного автомобиля. Дождавшись возвращения на свою стоянку вернувшегося из гостиницы автомобиля, они обыскали его и нашли футляр от перочинного ножика. Немедленно же они помчались на автомобиле в гостиницу, где филер, знавший в лицо полковника Редля, спросил, не его ли этот футляр, который найден в автомобиле. Смутившись, полковник Редль признал его за свой, чем и положил начало следствию по обвинению его в государственной измене.

Хотя активная тайная разведка делится на четыре вида: политическую, военную и морскую, экономическую, научную и техническую, ниже будут рассматриваться лишь приемы работы военной и морской контрразведок, где наиболее полно видна сущность этой работы вообще. Что касается остальных видов контрразведки и вообще всей контрразведки в самом широком смысле слова, то она найдет себе помощь как в различного рода запретительных мерах правительства в виде бюро печати и пр., так и в цензурных учреждениях, главное назначение коих особенно в военное время будет заключаться в охране интересов государства в целях его обороны.

II . Историческая справка об организации у нас контрразведки до создания Главного управления Генерального штаба и перед Великой войной.

«Положение о контрразведывательных отделениях», утвержденное в июле 1911 года. Закон о шпионстве 5 июля 1912 года. Организация контрразведки в Великую войну и в Добровольческую кампанию. Выгоды и недостатки соединения в одном лице руководства тайной разведкой и борьбой с ней, то есть контрразведкой. Шпион в Ставке – Михаил Лемке. Оценка постановки контрразведки в мирное время и во время Великой войны.

До Русско-японской войны контрразведка находилась всецело в руках политического сыска (жандармов), являясь его подсобным делом. Этим и объясняется то обстоятельство, что борьба с неприятельскими шпионами велась бессистемно, шпионские процессы являлись редкостью. Предел этому кладется созданием у нас Главного управления Генерального штаба, когда контрразведка всецело ему подчиняется и на нее возлагается «обнаружение, обследование, разработка и ликвидация шпионских дел» на всей территории государства, причем органы общей и жандармской полиции не руководят уже этим делом, а лишь оказывают содействие военной контрразведке до ликвидации по ее указаниям шпионских дел включительно.

Подробно разработанное Главным управлением Генерального штаба и штабами военных округов и рассмотренное на съезде старших адъютантов разведывательных отделений пяти западно-европейских военных округов «Положение о контрразведывательных отделениях» утверждается военным министром 8 июля 1911 года.

Согласно этому положению вся территория Российской Империи делится на десять контрразведывательных округов, причем район Казанского военного округа причисляется к Московскому военному округу, а Омского – к Иркутскому военному округу. Кроме того для ведения контрразведки в самом Петрограде создается 2-е Петроградское городское контрразведывательное отделение. Начальники контрразведывательных отделений подчиняются начальникам разведывательных отделений соответствующих военных округов, а через их штабы – Главному управлению Генерального штаба, в коем кроме того было учреждено особое центральное регистрационное делопроизводство, в котором сосредотачивались сведения о всех осужденных за шпионство лицах, а равно и к нему прикосновенных.

Начальниками контрразведывательных отделений назначались знакомые с политическим сыском жандармские офицеры. Расходы на содержание контрразведывательных отделений видны из прилагаемой таблицы.

Следует хотя бы несколько слов сказать о графах таблицы – наем и содержание конспиративных квартир и секретные расходы. Конспиративные квартиры служат для свидания с особо важными секретными сотрудниками внутреннего наблюдения – сексотами по терминологии большевиков за подозреваемым в военном шпионстве лицом. Обыкновенно на этих квартирах проживают бесплатно наиболее доверенные чины контрразведывательного отделения, лучше всего из числа семейных, причем одна из комнат и предназначается для секретных свиданий. Эти чины контрразведывательных отделений, находясь в соседних комнатах, всегда могут оказать содействие в случае необходимости. Нечего и говорить, что жизнь этих чинов контрразведки ничем не должна бросаться в глаза окружающим, дабы насколько возможно дольше сохранить в тайне действительное назначение конспиративной квартиры. В этих же видах Должно быть несколько конспиративных квартир. Что касается свиданий с более мелкими сотрудниками, то таковые происходят чаще всего в парках.

По графе – секретные расходы оплачиваются: содержание, награды и прочее секретных сотрудников, филеров и пр. Эта графа – 246 000 рублей составляет около двух третей расходов на контрразведку во всем государстве – 364 200 рублей, или 36 000 фунтов стерлингов -сумма далеко не чрезмерная для государства, раскинувшегося на одной шестой части земного шара.

Наиболее крупное ассигнование – 59 400 рублей было на Петербургское городское контрразведывательное отделение, коему работы в главном административном центре страны с министерствами, законодательными палатами и обилием иностранных миссий было по горло. Затем шли в порядке размеров ассигнований Варшавское и Киевское контрразведывательные отделения по 41 700 рублей, Хабаровское – 36 000 рублей, Виленское – 33 900 рублей и так далее, что объяснялось важностью противника (Германия, Австро-Венгрия, Япония и пр.), за тайными агентами коих им приходилось следить.

Суммы на контрразведку ассигновывались из кредита «на известное Его Императорскому Величеству употребление», а потому и суммы на тайную разведку не подлежали государственному контролю, а исключительно лишь контролю своего военного начальства в лице окружного генерал-квартирмейстера и начальника штаба округа.

Так как на тайную разведку Варшавского и Киевского военных округов отпускалось по 55 000 рублей в год каждому, то кредит их на контрразведку – 41700 рублей -составлял лишь треть четверть суммы на тайную разведку. Если эту пропорцию применить вообще к кредитам на тайную разведку, то есть общий кредит на контрразведку увеличить на одну четверть, что составит 90000 рублей, весь кредит на тайную разведку составить 364 200 + 90 000 = 454 200 рублей, то есть менее полумиллиона рублей, а не те десятки миллионов

рублей, о которых говорят иностранные военные специалисты этого дела. Таким образом общий расход на активную и пассивную тайные разведки составит $364200 + 454200 = 818400$ рублей, то есть менее миллиона рублей для такого государства, как Россия.

Согласно приведенного выше «Положения о контрразведывательных отделениях», главное руководство всей контрразведкой лежало на Главном управлении Генерального штаба, а на местах – на штабах военных округов. Последние вполне оправдали и возлагавшиеся на них задачи, и отпускавшиеся им суммы. Особенного много было шпионских дел в Варшавском военном округе, что объясняется вдававшимся положением его в территории Германии и Австро-Венгрии.

Эти судебные шпионские процессы, на коих я всегда выступал в качестве эксперта, скоро выяснили отсталость нашего шпионского законодательства от далеко опередившей его шпионской практики в смысле определения сущности шпионства. Насколько это было возможно я старался на экспертизе исправить этот пробел, подробно излагая в общей ее части современное понятие о шпионстве. После ряда судебных процессов мне пришла в голову мысль переработать закон о шпионстве, представив проект его в Главное управление Генерального штаба. При содействии помощника военного прокурора Варшавского военно-окружного суда подполковника Резанова проект этот был составлен, а затем и проведен в наших законодательных палатах, и 5-го июля 1912 года Высочайше утвержден.

Этот новый закон предоставлял между прочим право министру внутренних дел воспрещать на определенный срок сообщение в печати сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных сил ее, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны. 28-го января 1914 года министр внутренних дел воспретил на один год опубликование в печати подробных сведений.

12-го июля 1914 года, то есть перед самой уже Великой войной, был тем же порядком опубликован второй, значительно дополненный перечень не подлежащих оглашению в печати сведений, выдержки из коего приводятся ниже.

1. «Об устройстве, составе и численности всякого рода воинских частей и учреждений военного и морского ведомств, а равно о местах расположения, о передвижении сих частей и учреждений и об изменениях в их устройстве, составе и численности.

2. О вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии, санитарном состоянии, боевых качествах и всякого рода техническом оборудовании армии и флота или их отдельных частей, а равно и о всех предполагаемых и вводимых изменениях по сим предметам.

3. О современном состоянии, вооружении, снаряжении, снабжении всякого рода запасами и значении для военного времени крепостей, укреплений, опорных пунктов (баз) и военных портов, а также о проектировании и сооружении новых, о расширении или упразднении существующих, о численности и составе их гарнизонов.

4. О местах расположения и о передвижении отрядов и учреждений добровольной санитарной помощи.

5. О производстве всякого рода работ в крепостях, укреплениях, опорных пунктах (базах), военных портах, на судах флота и по подготовке позиций, а также на заводах по изготовлению заказов военного и морского ведомств для надобностей военного времени.

6. Сведения, указывающие на подготовку к мобилизации».

Из этого перечня виден объем тех сведений об обороне государства, которые призвана была оберегать контрразведка. В настоящее время, когда война затрагивает буквально все области человеческого ума и распространяется на всю территорию воюющих государств, перечень не подлежащих опубликованию сведений будет несравнимо обширнее, будет при этом затрагивать интересы гражданского населения страны, несущего в тылу немалые тяготы во имя защиты своей Родины.

Таким образом передача дела контрразведки в руки военного ведомства, ассигнование на ведение ее значительных денежных средств и проведение нового закона о шпионстве значительно облегчили у нас борьбу с иностранными шпионами. Благодаря привлечению к

этому нелегкому делу опытных в политическом сыске жандармских офицеров контрразведка значительно скорее встала на ноги, чем не имевшая у себя поначалу опытных руководителей тайная разведка. К началу Великой войны мы имели кадры опытных контрразведчиков, которыми и поделились с формировавшимися с объявлением мобилизации штабами армий. Ряд блестящих дел по контрразведке вплоть до осуждения нескольких офицеров армий наших противников включительно, признание последними заслуг нашей контрразведки – все это говорит о блестящем состоянии ее в мирное время.

К сожалению это нельзя сказать про контрразведку военного времени. Она как и тайная разведка была оставлена Главным управлением Генерального штаба на произвол судьбы. В особенно тяжелом положении оказались вновь сформированные штабы тыловых военных округов на театре военных действий.

Ставка Верховного главнокомандующего обращала на контрразведку столько же внимания, сколько и на тайную разведку, то есть предоставила им обеим работать по их собственному усмотрению, без общего руководства. Между тем война изъела контрразведывательные отделения штабов армий и военных округов на театре военных Действий из подчинения Главного управления Генерального штаба, предоставив наблюдение за их работой штабам фронтов и отдельных армий. Лишь в начале 1915 года Ставка спохватилась и 15 февраля этого года генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем в циркулярном письме на имя генерал-квартирмейстеров фронтов рисует печальную картину работы контрразведки армий и военных округов на театре военных действий в таких выражениях: «По-видимому основы „Положения о контрразведывательных отделениях“ ими не соблюдаются и многие из таковых отделений как сформированные с объявлением мобилизации или даже после ее, как о том доходят сведения, вовсе этих Положений не имеют».

Только 6 июня 1915 года Верховный главнокомандующий утвердил новое «Наставление по контрразведке в военное время». Таким образом почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался совсем, и потому она велась бессистемно, чтобы не сказать, спустя рукава.

Статья 1– я вышеназванного «Наставления» говорит, что «общая цель контрразведки заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок „...“ всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера, дабы воспрепятствовать этим организациям и агентам действовать нам во вред».

В статье 33-й «Наставления» говорится, что

«контрразведка, всеми мерами стремясь к достижению общей цели, указанной в статье 1-й, „...“ в частности должна:

- а) ограждать войска, штабы, управления и заведения, обслуживающие армию, от проникновения в них агентов противника;
- б) освещать по получении особых указаний генерал – квартирмейстера личный состав штабов, управлений, учреждений и заведений;
- в) заблаговременно обнаруживать подготовляющиеся забастовки на заводах и фабриках, изготовляющих необходимые для армии и флота предметы и материалы».

Согласно статье 4-й «Наставления» контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба, являясь в отношении контрразведки высшим регистрационным органом и отчетным учреждением для театра военных действий и всего государства, выполняет также, по указанию начальника Генерального штаба, особые поручения внутри Империи и за границей.

Остальные девяносто статей «Наставления» мало чем отличаются от «Положения о контрразведывательных отделениях» мирного времени и касаются техники и регистрации работы. Главный недостаток этого «Наставления» -отсутствие органа для руководства всей контрразведкой вообще и на театре военных действий в частности, ибо Ставка этим делом совсем не занималась; Главное же управление Генерального штаба являлось лишь

регистрационным и отчетным учреждением, а не руководящей инстанцией.

Насколько контрразведка во время Великой войны была в загоне видно хотя бы из того, что контрразведывательное отделение для охраны самой Ставки, а впоследствии и Государя Императора было сформировано лишь после принятия Его Величеством на Себя Верховного Командования. Это обстоятельство конечно было учтено врагами Императорской России, несомненно имевшими там свои уши. В изданной Михаилом Лемке в 1920 году в Петрограде книге-дневнике «250 дней в Царской Ставке (25-го сентября 1915 года – 2-го июля 1916 года)» автор ее штабс-капитан запаса, переводчик в Ставке совершенно откровенно говорит о том, как он использовал доверчивость и халатность чинов Ставки до генерала Алексеева включительно, чтобы похищать секретные военные документы. Он копировал их почти что на глазах у всех и ежедневно в казенных пакетах отправлял их в Петроград с фельдъегерями.

На 216-й странице своей книги Михаил Лемке пишет: «Как я и думал, к Носкову (Генерального штаба полковнику, служившему в Ставке) приходил фельдъегерь спросить, знает ли он, что от меня ежедневно идут толстые пакеты на фельдъегерский корпус... Было отвечено утвердительно». Невзирая на подобное предупреждение Михаил Лемке ни на йоту не изменяет своего поведения вплоть до откомандирования его из Ставки 7-го июня 1916 года.

Из вышесказанного видно, насколько планомерно и продуктивно работала контрразведка в мирное время, настолько преступно беззаботно относились к ней на войне высшие чины армии до начальника штаба Верховного главнокомандующего включительно.

Образцом отрицательной постановки контрразведки является ее работа в Добровольческой армии. Причиной тому было нежелание использовать опыт сведущих лиц императорского режима в лице хотя бы уцелевших чинов жандармского корпуса, то есть введение и в это специальное дело узкой партийности. Это обстоятельство в связи с отсутствием каких-либо инструкций по контрразведке и ставило борьбу с неприятельскими шпионами в безнадежное положение. Между тем в гражданской войне контрразведке должно быть отведено более даже важное место, чем в войне с внешним противником благодаря легкости проникновения шпионов. Только этим обстоятельством и можно объяснить наличие в рядах белых армий таких изменников как Монкевиц, Добровольский, Достовалов, Скоблин и др., «имена же их Ты, Господи, веши».

Неразборчивость в делах привлечения лиц для занятия контрразведкой привела к целому ряду своевольных их деяний, дискредитировавших самую идею Белого движения. В конечном результате эта трагичность положения заставила штаб Добровольческой армии приняться за упорядочение этого важного дела, начав с разработки «Положения о контрразведке». Для рассмотрения проекта была создана комиссия из военных и гражданских лиц под председательством управлявшего военным отделом (военным министерством) генерала Вязмитинова. В нее был приглашен и я, хотя начиная со 2-го января 1918 года мне не находилось в Добровольческой армии места по партийным, конечно, соображениям. Открыв заседание комиссии, генерал Вязмитинов передал председательствование в ней мне. Комиссия эта рассмотрела проект Положения о контрразведке, который и представила затем на утверждение Главнокомандующему генералу Деникину.

Положение о контрразведке мало улучшило ведение ее в Добровольческой армии, так как ее верхам не удалось побороть разъедавшую партийность и привлечь к работе сведущих в этом деле лиц.

Особенностью постановки у нас контрразведки, в отличие от иностранцев, является передача ее в руки всецело военного ведомства, коему и надлежит самому оберегать себя от тайных врагов, а не доверять это дело государственной важности не заинтересованному в нем другому ведомству, такому как Министерство внутренних дел. Богатая по своим результатам работа нашей контрразведки после Русско-японской войны лишь подтверждает это мудрое решение. В самом деле, активная тайная разведка настолько изощряет ум ее руководителей в смысле постановки и выполнения ею целей, что применение этого опыта к

родственной ей пассивной тайной разведке является вполне целесообразным. По этой же причине у нас как правило начальник контрразведывательного отделения подчинялся не генерал-квартирмейстеру, а начальнику разведывательного отделения. Это вызывалось не только желанием разгрузить первого от очень сложной и требующей кропотливой вдумчивости работы по контрразведке, но тем обстоятельством, что новое и живое дело контрразведки скорее по плечу молодому офицеру, чем занимающемуся разрабкой главным образом оперативных вопросов генералу.

Прежде чем перейти к более подробному описанию технической стороны контрразведки, я остановлюсь на работе испытанного шпиона в нашей Ставке Михаила Лемке, базируясь на его же книге «250 дней в Царской Ставке». Это послужит кроме того и ответом на высказанное одним из моих слушателей желание, чтобы я более подробно осветил приемы шпионской работы.

Штабс-капитан запаса Лемке попадает в Ставку благодаря своему очень давнему знакомству с еще 1891 года с генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем генералом Пустовойтенко в доме его жены. Это обстоятельство создает непонятную между ними откровенность, доходящую даже до того, что он ставит Михаила Лемке в известность о веденной за ним «жандармской слежке». Мало того, генерал Пустовойтенко заставляет посмотреть на него, Михаила Лемке и генерала Алексеева как на жертву «жандармского» произвола.

В Ставку Михаил Лемке попадает 25 сентября 1915 года в качестве переводчика. Его сначала привлекают к работе по делам печати, а затем с декабря и к дежурству по секретной аппаратной, где в открытую по аппарату Юза передавались секретные оперативные и другие распоряжения фронтов, военного министерства и др. Это свое положение в связи с неограниченным к нему доверием генералов Алексеева и особенно Пустовойтенко Михаил Лемке использовал очень мудро.

«Материалами для меня, говорит он в главе „О Дневнике“, служили прежде всего бесчисленные документы, проходившие через или около меня, чаще же (и в очень большом числе) попадавшие мне под без усталости искавшую их руку. Все они тщательно копировались, когда на месте, в управлении же (генерал-квартирмейстера), когда дома, когда в театре, в ресторане, на дежурстве, в аппаратной секретного телеграфа (больше всего) и так далее. Вторым источником были ежедневные беседы с самыми различными по своему положению людьми, хорошо знавшими то, что ставилось предметом умышленно направлявшегося мной разговора, причем я видел и знал – знаю и теперь, – что говорившие со мной никогда и не подозревали, с какой целью я затрагивал ту или другую тему... Вполне понимая ясно такого своего рода неслужебные занятия, я в самом же начале основательно пригляделся к мерам наблюдения за каждым из нас и когда понял, что и в Ставке все делалось по-русски спуская рукава и только формально, стал смелее, чем достигнул возможного максимума в выполнении своей цели, увеличивая, конечно, степень риска и тяжесть грозившей мне кары» (стр. 15-18).

Для характеристики этого халатного отношения Ставки к хранению секретов Лемке приводит следующее обстоятельство. «Эти карты (весьма секретные, с расположением войск фронтов) могут видеть все офицеры нашего управления (генерал-квартирмейстера) и никакой особенной тайной они не ограждаются» (стр. 38).

Если сопоставить это утверждение Лемке с тем, что он говорит в своем «Дневнике» от 16-го января 1916 года, как это видно из прилагаемой выписки, то будет понятно, какую богатую жатву он собрал, базируясь на безграничном к нему доверии генералов Алексеева и Пустовойтенко, с одной стороны, и на преступной небрежности чинов Ставки в деле охраны порученных им секретов, с другой.

На странице 466-й своей книги Лемке говорит: «В 1 час 15 мин. идут в Собрание завтракать. Тогда во всем управлении (генерал-квартирмейстера) не остается ни одного офицера кроме дежурного по аппаратной внизу, который и не обязан караулить что бы то ни было. В это время можно сделать, что хочешь со всем, что не заперто, да и запирается все

довольно примитивно».

Сведения, копировавшиеся Михаилом Лемке, касались и организации нашей армии в самом широком смысле слова, то есть не только ее устройство, но и пополнение, вооружение, снаряжение, питание и пр., и оперативные задания и выполнение их в виде секретных отчетов об операциях, указаний для ведения и подготовки их и секретных дипломатических сношений, и пр., и пр., что и видно из ряда приводимых ниже выдержек из его «Дневника»:

А) По организации армии:

1) 1-го декабря 1915 года будет призвано под ружье 400 тыс., 1-го января 1916 года 600 тыс., 1-го февраля 1916 года 700 тыс. (13 октября 1915 года, стр. 152).

2) Документ (телеграмма генерала Рузского от 29-го октября 1915 года о количестве пулеметов (6-8) на полк) очень важный потому, что бесспорно устанавливает количество наших полков на Северном фронте (105 полков). (29 октября 1915 года, стр. 192).

3) Телеграмма помощника военного министра генерала Беляева с указанием, что ежемесячная выработка ружейных патронов достигает 105-110 миллионов, а ежемесячная производительность Тульского завода около 400 пулеметов (29 октября 1915 года, стр. 192-193).

4) Указание фамилий командующих тринадцати наших армий, их начальников штабов, генерал-квартирмейстеров (17 декабря 1915 года, стр. 295). Изменения в этом списке к 4-му апреля 1916 года приведены на странице 71-й «Дневника».

5) «Только половина корпусов Северного фронта имеет у себя мортирные дивизионы, а на Юго-Западном фронте 70 процентов их» (23 января 1916 года, стр. 478).

Б) По оперативной части.

6) «15-го сентября отсюда была отправлена в Калугу особая комиссия для осмотра и отвода помещений под Ставку» (27 сентября 1915 года, стр. 40).

7) «Командующий 5-й армией Павел Адамович Плеве полз 18-го на немцев под Двинском» (19 октября 1915 года, стр. 160).

8) «Ох, удастся ли наш план теперешнего наступления на Юго-Западном фронте, немцы все узнали заранее и везде по-видимому приготовились. Долго собирались, внезапность исчезла».

«Иванов (главнокомандующий Юго-Западным фронтом) донес, 17-го начинается атака 7-й армии; поддерживать будет 11-я армия».

Далее идет замечание самого Михаила Лемке, рисующее убожество его стратегических познаний: «Задача пустячная: „разбить живую силу противника и стремиться отбросить его на Север“... совсем как на дивизионных тактических задачах в офицерских собраниях мирного времени» (17 декабря 1915 года, стр. 296).

9) На странице 474-й приводится расположение штабов двенадцати наших армий на всем западно-европейском фронте.

10) «Секретные указания командующего 7-й армией командирам корпусов по управлению в бою», по опыту Бу – ковинской операции с 16-го по 26-го декабря 1915 года (7 января 1916 года, стр. 347-349).

11) «14– 20 мая шли очень усиленные переговоры шифрованными телеграммами с итальянцами, французами и англичанами относительно просьбы первых, чтобы мы немедленно начали наступление на Юго-Западном фронте для оттяжки австрийцев, особенно сильно наседавших на итальянцев. Решено было начать наступление 22-го мая (стр. 831).

12) 1-го или 2-го июня начинает операцию Западный фронт: удар на Лопишино, демонстрации в других местах. Дело поведет 25-я дивизия и два полка 75-й дивизии (31 мая 1916, стр. 838).

13) Операция на Западном фронте поначалу не удалась (1 июня 1916 года, стр. 838).

14) Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем) посылает иногда оперативные телеграммы в копиях Великому Князю Сергею Михайловичу. Так переданы мне сегодня (31-го мая) телеграммы от 29-30-го мая с просьбой вручить

обратно, извиняясь, что они без конверта (31-го мая 1916 года, стр. 837).

Так как мне достоверно известно, что генерал Пустовойтенко имел в своем личном архиве копии подобных секретных телеграмм, то надо полагать, подобные вышеуказанные случаи передачи их без конвертов имели место, что давало Михаилу Лемке удобный случай их копировать. В) По политической тайной разведке. На страницах 750-757-й своего «Дневника» Михаил Лемке приводит ряд секретных дипломатических документов, касающихся России, Румынии и пр. 1-го июня 1916 года, то есть накануне вынужденного ухода Лемке из Ставки в Главное управление Генерального штаба, в своем «Дневнике» он пишет: «А все-таки достал еще четыре секретных документа к румынским отношениям», которые затем и приводит почти целиком.

Подобных выше приведенных секретных документов Лемке в 841-страничном своем «Дневнике» приводит бесчисленное количество и он побил, я полагаю, рекорд в отношении обилия и разнообразия доставлявшихся шпионами документов.

В «Дневнике» не говорится, для кого они предназначались. Трудно поверить, чтобы эти документы нужны были Лемке как историку и автору «Дневника» как он говорит на 283-й его странице. Слишком велик был риск, сопряженный с собиранием документов, что ясно сознавал и сам Лемке, говоря на 543-й странице «Дневника»: «Чую что-то недобро.е, надо беречься».

Будучи связан, по его собственным утверждениям, с социал-революционерами, социал-демократами возможно он был политическим шпионом, на что указывает его физическая, хотя и беспричинная ненависть к Государю Императору, к имени коего он прибавляет даже ругательные эпитеты (стр. 619).

Это предположение находит себе косвенное подтверждение и в факте ознакомления Лемке с секретной запиской Департамента полиции «О Земском и Городском съездах Союзов» и близко к ним стоящих: Терещенко и Шликевича. Они, по словам Лемке, ее не знали, несмотря на вообще большую осведомленность Терещенко (стр. 774). Следует также иметь в виду, что сам Лемке и Терещенко значатся вообще в списке масонов Н. Свиткова на страницах 26-й и 30-й.

Фраза Лемке по поводу наступления Юго-Западного фронта: «немцы все узнали заранее и везде по-видимому приготовились» (стр. 296) заставляет предполагать в нем и военного шпиона. Не будет большой ошибкой считать Лемке и политическим, и военным шпионом, полагавшим на военных неудачах России построить новое ее политическое будущее. Недаром же его обширный «Дневник» был выпущен в свет в 1920 году государственным издательством большевиков.

Инициатива изгнания Лемке из Ставки принадлежит штабу Северного фронта. Когда в его контрразведывательном отделении собралось достаточно агентурных данных против Лемке, то я как исполнявший должность 2-го генерал-квартирмейстера его поручил начальнику разведывательного отделения Северного фронта полковнику Рябинову запросить данные о нем в Ставке.

Для характеристики наивности чинов ее в смысле охраны секретов я приведу следующие выписки из «Дневника» Лемке, касающиеся этого запроса: «При раскладке бумаг по делам» натолкнулся (Лемке) на телеграмму Асановича начальнику разведывательного отделения штаба Северного фронта полковнику Рябинову, посланную в Псков 6 февраля (1916 г.): «В должности переводчика состоит штабс-капитан в распоряжении полковника Носкова по делам печати. Слова в кавычках... зачеркнуты. Очевидно, это обо мне. Когда я спросил Асановича, что это значит, он, вспыхнув, сказал, что это не обо мне и, взяв телеграмму, разорвал ее... Чую что-то недоброе, надо беречься» (стр. 542-543).

Хотя Лемке и был спугнут как шпион после 4-х с половиной месяцев работы в Ставке (с 25-го сентября 1915 г.), но до 2-го июня, когда он ушел из нее, то есть в течение еще четырех месяцев он продолжал интенсивно работать по собиранию секретнейших документов в Ставке. Базировался он в этом преступном деле прежде всего на доверии к нему генерала Пустовойтенко, а через него и генерала Алексеева. Вскоре после запроса

полковника Рябикова я получил частное письмо от генерала Пустовойтенко с просьбой сообщить ему факты, порочащие Лемке. Невзирая на добрые между нами отношения по прежней службе в штабе Варшавского военного округа, я довольно сухо ему ответил, что данные имеются для начала дела, то есть его разработки, а если бы были неопровержимые, порочащие Лемке факты, то я тогда просил бы Ставку ликвидировать это дело с согласия конечно начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Это обстоятельство не заставило однако Ставку насторожиться, наоборот, судя по «Дневнику» Лемке в главных руководителях ее встретилось самое упорное сопротивление для ликвидации этого позорного дела. Лишь вмешательство Дворцового коменданта, генерала Воейкова в целях охраны Государя Императора заставило Ставку после долгих препирательств с «жандармами» уступить и откомандировать Лемке в Главное управление Генерального штаба.

Надо отдать справедливость, что Ставкой все же принимались меры для охраны Государя Императора, но лишь после вмешательства в это дело штаба Северного фронта. Так 8-го марта 1916 года, то есть месяц спустя после первого его запроса о Лемке, последний пишет в «Дневнике»: «Сегодня, чтобы во время доклада Алексеева (Государю Императору) удобнее было удалить из большой комнаты генерала Залесского, Ассанович просил выйти и меня. Таким образом я лишаясь возможности слышать доклад и реплики Николая» (стр. 619). А на другой день говорится, что «доклад Царю обставляется все большей тайной; приказано никого не допускать входить в соседнюю комнату, а Ассановичу, Пиковскому, Корзуну и Кудрявцеву уходить в другое место и дверь из журнальной комнаты запирать на ключ» (стр. 622).

Еще месяц спустя 12-го апреля у генерала Пустовойтенко и Лемке происходит такой разговор: «Еще в феврале (1916 года), – говорит генерал Пустовойтенко, – начальник разведывательного отделения Северного фронта полковник Рябиков, а теперь наш полковник Озеровский (начальник контрразведывательного отделения Ставки) сообщили, что Вы (Лемке) печатались в каком-то журнале социал-революционной партии... „Былое“... Я знаю, что вы теперь держитесь так как и надо держаться в мундире; знаю, что и в прошлом у Вас не было никаких собственно партийных связей, и так как однако мне надо выдержать объективный тон, то я потребовал, чтобы Озеровский представил мне более точные данные... Вот чем они, мерзавцы, занимаются вместо того, чтобы ловить шпионов». На вопрос Лемке, грозит ли ему какая-нибудь неприятность, генерал Пустовойтенко отвечает: «Ровно никакой, пока я здесь... будьте совершенно спокойны» (стр. 746).

Здесь характерен не только разговор человека, стоящего во главе контрразведки Ставки, с подозреваемым в шпионстве его подчиненным, притом в период только начавшейся разработки о нем, но и эпитет «мерзавцы» по адресу чинов контрразведки только потому, что они нелюбезно исполняли свой тяжелый долг.

Не менее показателен и разговор генерала Алексеева с Крупиным по делу Лемке, помещенный под датой 19-го апреля 1916 года.

«Крупин говорил с ним (генералом Алексеевым) издали о слежке за мной контрразведывательного отделения. Алексеев был вообще возмущен работой жандармов; говорил, что они пересадили в контрразведку политический сыск, совершенно не способны отказаться от него и даже провоцируют, считая это лучшим способом уловления. Я могу быть спокоен, меня не выдадут» (стр. 766).

Интересно сопоставить эту лестную для Лемке аттестацию генерала Алексеева с помещенным ниже заявлением самого аттестуемого.

«Записку о своей (Лемке) литературной деятельности я подал Пустовойтенко вчера, совершенно конечно не скрыв ни своих сочинений, ни своего постоянного участия в левой периодической печати с самого начала этой деятельности» (стр. 766).

4-го мая 1916 года, то есть за месяц до ухода из Ставки, Лемке просит у генерала Пустовойтенко разрешения на двухнедельный отпуск, причем у них происходит разговор, поразительный для начальника, не говоря уже о человеке, хотя бы немного знакомого если

не с техникой, то с задачами контрразведки.

«Он (генерал Пустовойтенко) сказал, что жандармы все еще заседают на меня (Лемке), уже посвятили в дело генерала Воейкова (Дворцового коменданта) и у Пустовойтенко с ним была беседа. Теперь он получил от него вторую обо мне справку Департамента полиции, которую и прочел мне под большим секретом». «Мне ставятся в ней обвинения:

1) Что в 1905-1906 гг. у одного лица, замешанного в партии социал-революционеров, найден был мой адрес, и я тогда же был взят под наблюдение.

2) Что в 1911 году мой адрес также найден у другого такого же лица, которое посетило меня, но неизвестно за каким делом.

3) Что в 1911 году у меня был произведен обыск, не давший никаких результатов, почему я и был оставлен на свободе.

4) Что во время своего управления фирмой М. М. Стасюлевича я поддерживал сношения с лицами, изобличенными в участии в партиях социал-революционеров и социал-демократов».

«Все верно, – говорит Лемке, – не возражаю. Пустовойтенко сказал, что потребует теперь точного указания этих алгебраических лиц».

Далее происходит длинный разговор, в результате коего генерал Пустовойтенко соглашается с предложением Лемке откомандировать его, «но не в строй и не в штаб, где она (аттестация) меня погубит, а в какое-нибудь тыловое учреждение. Разумеется, лучше всего, чтобы Вы оставались здесь спокойно. Для этого мне надо поговорить с Воейковым и убедить его, что если что и было у Вас раньше, то теперь в 1914-1916 гг. нет и не было ничего».

В заключение этого разговора Лемке заявляет генералу Пустовойтенко: «Но, пожалуйста, помните, что я не считаю себя скомпрометированным и не раскаиваюсь в том, что имею неподходящий к мундиру образ мыслей» (стр. 820-821).

24-го мая Лемке пишет, что вернулся из отпуска, и генерал Пустовойтенко ему сказал, что «вопрос о моем (Лемке) уходе решен -Воейков на этом настаивает». При этом было решено, что Лемке будет устроен в отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Генерал Пустовойтенко заявляет Лемке, что о его «политическом прошлом» отсюда сообщать не будут.

29-го мая 1916 года Лемке пишет в «Дневнике» о взгляде на это дело генерала Алексеева со слов Крупина: «Он (генерал Алексеев) возмущен всем делом (Лемке), удивлен, что Пустовойтенко не взял на себя ответственность за мое здесь оставление (а ею Воейков был бы удовлетворен) и хотел свалить оставление на Алексеева. Последний сказал Крупину, что речь идет о его непосредственно подчиненном и притом хорошо ему известном, потому только Пустовойтенко и может решить вопрос о ручательстве»(стр. 834).

Наконец 2-го июня 1916 года упорными усилиями Дворцового коменданта генерала Воейкова, а не по настоянию тех руководителей Ставки генералов Алексеева и Пустовойтенко, которым непосредственно надлежало это сделать, изгоняется из нее чрезвычайно опасный шпион Лемке во второе по важности после Ставки военное учреждение – Главное управление Генерального штаба.

О нем Лемке говорит так: «О службе моей в сумасшедшем доме, называемом Огенквар (отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба) когда-нибудь после в связи с началом заставшей меня там февральской революцией».

Успех плодотворной шпионской работы Лемке базировался как я это уже говорил раньше на упорном, вопреки здравому смыслу, содействии ему верхов Ставки в лице генералов Алексеева и Пустовойтенко. Это тем более им непростительно, что первый по прежней должности начальника штаба Киевского военного округа имел у себя в подчинении контрразведывательное отделение, второй же воочию видел в штабе Варшавского военного округа шпионскую аферу полковника Гримма, а кроме того по должности генерал-квартирмейстера Юго-Западного и Северо-Западного фронтов также имел у себя в подчинении контрразведывательное отделение. Я не говорю уже о прямом нарушении ими пункта б. ст. 33 «Наставления по контрразведке в военное время», гласящего о том, что

контрразведка должна «освещать по получении особых указаний генерал-квартирмейстера личный состав штабов, управлений, учреждений и заведений».

Я умышленно подробно остановился на работе шпиона Лемке, чтобы показать не только практические приемы его искусной работы и тем значительно облегчить разбор в дальнейшем технической стороны контрразведки, но и оттенить неподготовленность в этом отношении нашего высшего военного персонала во время Великой войны. Здесь повторилась та же история, что и с нашей тайной разведкой – блестящие ее успехи в мирное время и полная почти ее анемичность во время Великой войны. И там, и здесь, то есть и в активной, и в пассивной тайных разведках ясно видны неподготовленность высших военных руководителей в Великой войне в понимании их значения, с одной стороны, и неумение использовать сведущих в этом отношении лиц, с другой.

III. Источники получения сведений о подозреваемых в военном шпионстве лицах.

А) Сообщения общей и политической (жандармской) полиции, органов, наблюдающих за неприкосновенностью государственных границ, военных и гражданских властей. Трудность получения этих сведений без привлечения к этому делу широких кругов населения путем должного его воспитания. Заслуживающий подражания пример штаба Варшавского военного округа в смысле подробного ознакомления офицеров с каждым раскрытым шпионским делом. Примеры: дело германского Генерального штаба капитана фон Ш. и германской службы поручика Д. как образцы проявления разумной инициативы унтер-офицером Новогеоргиевской жандармской команды в первом случае и подполковником железнодорожных войск С. во втором.

Техника разработки шпионского дела заключается в получении и классификации сведений о подозреваемых в военном шпионстве лицах, разработке дела и его ликвидации, то есть в производстве арестов, обысков и пр.

Наибольшие затруднения представляют получения сведений о подозреваемых в военном шпионстве лицах ввиду того, что шпион работает в одиночку, а не сообщая, как то имело место в подпольных политических организациях, где всегда можно найти недовольных азефов. Обнаружить поэтому шпиона, обыкновенно ничем не выделяющегося из окружающей среды, дело нелегкое и возможно лишь при широком содействии не только осведомленных в этом деле правительственных органов, но главным образом всех слоев населения, разумно воспитанных в целях сохранения военных тайн государства, то есть в конечном результате и своих собственных интересов, с крушением государства обыкновенно страдают и частные интересы его подданных. Сразу однако достичь понимания этого нельзя, требуется лишь систематическое разъяснение народным массам их гражданских обязанностей. Базируясь в частности на имевших место шпионских делах, можно воспитывать широкие круги населения в духе содействия охране военных интересов страны.

В первую очередь должны быть осведомлены о вреде шпионства офицеры. С этой именно целью в штабе Варшавского военного округа был установлен после Русско-японской войны порядок подробного оповещения о подлежащих оглашению приказах по округу о всяком дошедшем до суда шпионском деле, не делая никаких тайн из описания тех приемов, к которым прибегали шпионы в целях собирания секретных военных сведений. Это доверие высшего военного начальства к офицерам, во-первых, ликвидировало все кривотолки после судебного разбирательства шпионских дел, а, во-вторых, воспитывало в должном направлении офицерскую среду, через нее и солдат в должном исполнении ими гражданского долга. Невольно просачивалось это затем и в толщу гражданского населения, которое являлось таким образом незаменимым сотрудником агентов правительства.

Этим разумным пониманием своих обязанностей особенно с началом мобилизации и можно объяснить отсутствие у нас с началом войны нежелательных актов шпиономании, доходивших в других местах даже до эксцессов, на которые так сетовали наши противники.

Раньше было указано, что шпион все же человек, хотя и старающийся держать себя в

руках, а потому нередко и он выходит из рамок ему дозволенного обыкновенно в смысле траты зарабатываемых им денег на кутежи, женщин, карты и пр. Это обстоятельство и должно натолкнуть пытливый ум контрразведчика на необходимость детального обследования источников получения этих средств. Но он не всегда может быть в каждом увеселительном заведении или в игорном притоне, или даже в обыкновенном ресторане. Ценным ему в этом отношении помощником могут быть широкие круги населения, воспитанные в патриотическом духе.

Для иллюстрации разумного проявления инициативы со стороны военных чинов я приведу дела по разоблачению капитана германского Генерального штаба фон Ш. и германской службы поручика Д.

Первый имел задачей обрекогносцировать форты Новогеоргиевской крепости. Изучив имевшиеся о ней сведения и занеся некоторые из них в свою записную книжку, он отправился на станцию Варшавско-Млавской железной дороги Яблону, где имелся обширный парк, подходивший к интересующим капитана фон Ш. фортам Новогеоргиевской крепости. Его блуждание вблизи фортов показалось подозрительным унтер-офицеру крепостной жандармской команды, который его и арестовал. Отобранная у него записная книжка, с занесенными в нее принятыми в германской армии сокращенными обозначениями состава гарнизона этой крепости, ясно указывала на то, что не ради праздного путешествия появился в районе крепости германский офицер Генерального штаба, чего впрочем он и не отрицал. Варшавская Судебная палата присудила его к трем годам арестантских отделений. Отбывать это наказание ему впрочем не пришлось, так как он был обменен на осужденного германским судом за шпионство лейтенанта нашего флота В.

Не меньший интерес представляло собой шпионское дело германской службы поручика Д. в смысле разумного отношения к исполнению своего долга подполковника железнодорожных войск С. Ему показалось подозрительным поведение ехавшего вместе с ним на пароходе поручика Д., и он решил присмотреть за ним, а затем и сообщить об этом жандармским властям, когда пришлось с ним расстаться. В пути поручик Д. многое из виденного заносил в дневник и снял фотографическим аппаратом Сызранский мост. Приехав из Царицына в Крым, поручик Д. должен был затем возвращаться домой через пограничную станцию Александрово, лежавшую в районе Варшавского военного округа, где и был распоряжением этого штаба арестован.

Из отобранного у него дневника было видно, что поручик Д. изучал у себя дома русский язык, готовясь быть военным переводчиком, и для практики отправился в Россию. Он побывал у своего соотечественника, который благодаря женитьбе на русской помещице стал помещиком Казанской губернии. Видел маневры в районе Казани с наводкой моста через Волгу, очень интересовался Сарепс-кой немецкой колонией на Волге и пр. Поручик Д. был приговорен к двум, кажется, годам в арестантские отделения, но вскоре был обменен на осужденного германским судом за шпионство капитана нашей артиллерии К.

Если указанные два дела обязаны своим возникновением проявлению разумной инициативы со стороны наших воинских чинов, то сообщение сведений о подозреваемых в военном шпионстве лицах в соответствующие контрразведывательные отделения вменяется уже в служебную обязанность тем правительственным агентам, которые по своей службе близко соприкасаются с этим делом. В первую очередь это касается чинов общей и политической полиции, а также органов, наблюдающих за неприкосновенностью государственной границы, – пограничной и таможенной стражи. Частое общение с местным населением, знание его имущественного положения и политических взглядов – все это дает им возможность легко определить причины уклонения от нормального образа жизни и выяснить причины такового. В случае малейшего подозрения в нечистоте намерений взятых на учет лиц о них ставится в известность соответствующее контрразведывательное отделение.

Подобным же образом должны поступать и другие гражданские, общественные и военные учреждения. Надобно только разъяснить всем им, что сообщение этих

первоначальных, так называемых агентурных сведений, дает лишь толчок к обследованию, а затем и к разработке их, что бесконечно еще далеко от обвинения кого-либо в столь тяжелом преступлении как шпионство. Кроме того выступление лиц, сообщивших на суде в качестве свидетелей, вовсе не обязательно и всецело зависит от их желания.

Нечего и говорить о том, что даже самый факт сообщения этих сведений должен храниться в глубокой тайне. Только при соблюдении этих условий будет гарантировано содействие правительственных агентов, служащих общественных учреждений и наконец широких слоев населения делу борьбы со шпионством путем выполнения каждым из них лежащего на нем гражданского долга.

Б) Донесения специально назначенных тайных агентов для постоянного наблюдения за вероятными местами вербовки нашими противниками шпионов: ресторанов, кофеен, игорных притонов, кафешантанов, кинематографов и других излюбленных мест как низшими военными служащими, так и офицерами и чиновниками. Пример: вербовка шпионом Г. писаря штаба Варшавского военного округа.

Рестораны, кофейни, игорные дома, кафешантаны, кинематографы и пр. являются излюбленными местами, где человек старается забыться от тяжелой повседневной жизни или казарменной обстановки у себя дома, в надежде иногда в один день поправить и свое материальное положение путем участия в азартных играх. Здесь-то под влиянием пленительных соблазнов в виде вина, женщин и пр. человек нередко делается рабом таящейся в нем страсти, выходит из пределов своего бюджета. Помощь ему в это время в виде денежной субсидии или другого рода содействия может якобы случайно оказать тайный вербовщик шпионов и тем связать его с собой.

С другой стороны, наблюдение за выходящими из рамок своего бюджета кутящими людьми может натолкнуть опытного человека на ряд заключений, могущих заинтересовать и контрразведчика. Ввиду этого все эти заведения должны быть под наблюдением агентов контрразведки, будут ли то сами содержатели их, буфетчики, лакеи, артисты и особенно артистки или же просто часто посещающие их дамы полусвета. Эти люди за небольшое сравнительно вознаграждение могут дать ценные для контрразведчика сведения о посетителях этих заведений.

В одном из таких варшавских ресторанов, обычно посещаемом военными писарями, был заагентурен как мнимый шпион писарь штаба Варшавского военного округа, раскрывший большое шпионское дело отца и его сына Г. Сам старик Г. довольно часто приходил в этот ресторан и обратил внимание на одного военного писаря, к которому и обратился с просьбой что-то переписать на машинке, за что хорошо ему заплатил. В следующие свои посещения Г., угощая писаря, попросил его давать ему в копиях те бумаги, которые он переписывает, разумеется тоже за плату. Учув в этом недоброе, писарь доложил об этом своей ему начальству, что и послужило началом интересного шпионского дела, дошедшего до суда и раскрывшего многие интересные приемы тайной разведки.

В) Сведения, не исключая и анонимные, от частных лиц, коим поведение соприкасающихся с ними лиц, или лица, работающие на наблюдаемых ими учреждениях, кажутся подозрительными. Использование дворников у нас и домовых комитетов у большевиков. Примеры: 1) Заявление в штаб Северного фронта о выдаче наших военных тайн с помощью перестраховочных контор. Последствия этого: а) закрытие их; б) возбуждение штабом Северного фронта вопроса о передаче перестраховочного дела в руки правительства; в) начало предварительного следствия против бывшего председателя Государственной Думы А. И. Гучкова по обвинению его по ст. 108 Уголовного уложения, то есть в оказании содействия нашим противникам во время войны. 2) Бескорыстная честная работа банковских служащих в комиссии генерала Батюшина по борьбе с шпионами и мародерами тыла.

Сведения, получаемые по п. п. А и Б от правительственных чинов и агентов контрразведки, далеко не полностью могут осветить ту среду, в которой вращаются шпионы, а потому без деятельного содействия широких кругов населения здесь не обойтись. Чем

выше уровень его политического развития, тем скорее можно рассчитывать на его содействие в деле поимки шпионов. Очень ценные в этом отношении услуги контрразведке могут оказать наши дворники, на глазах у коих протекает повседневная жизнь жильцов домов. И на самом деле эти дворники являлись в прежнее время негласной агентурой политического сыска. Большевики устройством домовых комитетов устранили дворников и тем самым лишились того звена, который в чистых руках совершенно не был тягостен для честных русских людей.

Для иллюстрации полезного участия в делах охраны тайн и интересов государства широких слоев населения я приведу два случая, имевших место во время Великой войны, очень показательных для обрисовки должного понимания русскими людьми своего гражданского долга.

С августа 1915 г. и по февраль 1916 г. я фактически исполнял должность 2-го генерал-квартирмейстера Северного фронта с подчинением мне разведывательного и контрразведывательного отделений. Особенно много работы давало мне контрразведывательное отделение во главе с энергичным и знающим его начальником жандармским ротмистром Сосновским.

Сама жизнь заставляла все более и более раздвигать рамки понятия о контрразведке, широко захватывая экономическую жизнь страны. Вхождение в район Северного Фронта Прибалтийского края, Финляндии, Беломорского побережья, Петроградского военного округа с массой заводов, работающих на оборону, столкновение национальных интересов немцев и латышей в Прибалтийских губерниях, центробежные стремления финнов и шведов в Финляндии, рабочий вопрос в Петрограде – все это тяжелым бременем ложилось на работу чинов контрразведывательного отделения Северного фронта. В день мне приходилось подписывать по контрразведывательному отделению до ста бумаг, базирующихся на обширных докладах чинов контрразведки. Кажется не было министерства, с которым мне не приходилось иметь дела, за исключением лишь Святейшего Правительствующего Синода. Я отлично теперь понимаю вопль генерала Людендорфа о перегруженности его работой по вопросам тыла, не дававшей ему возможности сосредотачиваться на разработке оперативных заданий. Не в лучшем положении был во время Великой войны и генерал Алексеев. Однажды штабом Северного фронта была получена подробная докладная записка одного из наших видных честных работников по страховому делу о том, как наши военные секреты делаются достоянием противника через так называемые перестраховочные конторы. Вся эта записка была проникнута глубоким желанием помочь военному ведомству в борьбе с этим злом. Сущность дела заключалась в том, что существовавшие у нас страховые общества брали на себя лишь одну треть страховой суммы, передавая остальные приблизительно две трети так называемым перестраховочным конторам, главным образом германским и отчасти австрийским. Таким образом ни мы, ни наши союзники таких перестраховочных контор не имели.

Техника страховки заключалась в занесении в особые досье подробных сведений о страхуемом предмете с точным указанием срока страховки: касается ли это заводов, работающих на оборону, или расширения их путем постройки дополнительных сооружений и установки новых машин, или постройки новых военных и торговых судов или же их снаряжения, или же это касается военных грузов, следующих на торговых океанских судах, главным образом из С.А.С.Штатов и пр. В последнем случае точно указывался путь следования судов и время, на которое действует страховка. Дубликат такого досье должен был быть отправлен в перестраховочную контору, то есть в Германию или Австро-Венгрию через нейтральные конечно страны.

То есть благодаря перестраховочным конторам наши противники, сидя у себя дома, могли, не прибегая к денежным затратам, а наоборот, извлекая даже барыши из дела перестраховки, последовательно фотографировать развитие работавшей на оборону промышленности нашей и наших союзников, а также следить за подвозом к нам и к ним недостающих для войны припасов из С.А.С. Штатов, Японии, Южной Америки, Австралии,

Индии и пр. Я думаю, отчасти этой осведомленностью надлежит объяснить успешность действия германских подводных лодок в первую половину Великой войны.

Ознакомившись с этим делом, я по указанию начальника штаба фронта командировал в Петроград военного юриста полковника Резанова для осмотра делопроизводства перестраховочной конторы «Шварц, Брант и К^о» и др., причем сведения вышеупомянутой докладной записки вполне подтвердились. В результате этого обследования все перестраховочные конторы у нас были закрыты, и возбужден был в Министерстве внутренних дел вопрос о передаче столь прибыльных перестраховочных операций самому правительству. Незадолго до революции министр внутренних дел Протопопов в разговоре поздравил меня, что перестраховку взяло на себя правительство.

Кроме того тогда же штабом Северного фронта был возбужден вопрос о начале предварительного следствия против председателя страхового общества «Россия» А. И. Гучкова по обвинению его по ст. 108 Уголовного уложения в содействии противнику через перестраховочные конторы. Казалось бы, бывший председатель комиссии по государственной обороне Государственной Думы, всегда интересовавшийся военными вопросами, не мог не быть осведомлен об утечке этим путем наших военных тайн. К сожалению дело это было передано следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда Серее, между прочим допрашивавшего по нему и меня в качестве свидетеля, и было им прекращено. Этого впрочем надо было ожидать от зараженной революционной пропагандой петроградской юстиции.

Второй случай разумного участия частных лиц в оберегании государственных интересов имел место во время пребывания моего председателем комиссии по борьбе со шпионами и мародерами тыла с 2-го июня 1916 г. до начала революции. Моей комиссией, между прочим, были обследованы в смысле спекулятивной работы крупнейшие наши банки: Русский для внешней торговли, Петроградский международный, Соединенный (в Москве), Русско-Французский и др., они получали лихвенные барыши благодаря неестественному вздутию цен на предметы первой необходимости. Для характеристики бывшей в то время спекуляции достаточно привести мнение о ней военного министра генерала Шувалова, ранее бывшего начальником Главного интендантского управления, со слов Лемке: «По данным, собранным Шуваловым, 300-400 процентов наживы с военных заказов являются обычными, а иногда эта прибыль доходит до 1000-1200 процентов». («250 дней в Царской Ставке», стр. 700).

Так как вышеперечисленным банкам грозила ответственность по суду, то за них вступился бывший тогда министром финансов Барк, исходатайствовав у Государя Императора соизволение на образование комиссии из подчиненных ему лиц для обследования работы банков, придерживаясь почти той же программы, по которой работала и моя комиссия. Когда это из разговора с министром финансов Барком стало известным мне, а через меня и моим сотрудникам по комиссии, банковским служащим, главным образом бухгалтерам, то последние умоляли меня не передавать своих дел во вновь проектированную комиссию, где все их разоблачения будут несомненно сведены на нет. Они руководствовались интересами ведущего войну государства, сознавая, что могут потерять сейчас и даже в будущем, после войны, свои выгодные места в банке. В этом голосе простых, но глубоко честных русских людей, вполне отдававших себе отчет в преступных спекуляциях банков, я нашел опору для окончания начатого совершенно мне незнакомого банковского дела.

Г) Перлюстрация. Перлюстрация как средство осведомления во время войны, и как побочное средство внутренней агентуры. Секретные чернила. Пример: дело Мясоедова.

Перлюстрация или чтение агентами правительства частной почтовой корреспонденции, если и применялась в Императорской России, то только лишь по постановлению судебного следователя или же, в виде исключения, в порядке сыска. Во всяком случае она применялась к бесконечно малой части русского населения.

В настоящее время это сделалось столь обычным явлением по отношению по крайней

мере к заграничной корреспонденции, что уже не возбуждает тех нареканий, которые в былое время сыпались на «черные кабинеты». Хочется верить, что проверка частной корреспонденции есть пережиток Великой войны, когда не только заграничная, но и вся внутренняя корреспонденция в Действующую армию или из нее подвергалась просмотру военной цензуры в лице чинов военно-цензурных комиссий, подчиненных военно-цензурным отделениям штабов фронтов. Цензура писем, идущих из Действующей армии, охраняла военные секреты страны; цензура же корреспонденции, направляемой в Действующую армию, оберегала ее от разлагающего влияния тыла, всегда менее стойко переносящего невзгоды войны в виде разного рода стеснений, особенно в продовольственном отношении, что сильно влияет на понижение морального духа народа. От этого психического яда и должна оберегать военная цензура дух войск на фронте.

Перлюстрация или тайное чтение писем подозреваемых в военном шпионстве лиц, может иногда дать весьма ценные сведения для контрразведки в смысле расширения объема дела, разъяснения его неясностей, нового его освещения и пр. Ввиду этого получаемые перлюстрацией сведения тоже относятся к числу тех секретных данных, которые помогут стать отправной точкой для разработки шпионского дела.

Это обстоятельство учитывается шпионами, и они принимают особые меры в виде писания корреспонденции условным, не особенно бросающимся в глаза языком, или же употребляя для этой цели секретные чернила.

Разработка дела Мясоедова выяснила, что он почти всю корреспонденцию получал не по почте, а с оказией. При этом письма писались таким языком, что иногда смысл их нельзя было понять. Судебное разбирательство его дела делилось на две части: первая касалась характеристики авторов писем еврейского по-преимуществу происхождения, причем Мясоедов каждого из них характеризовал в лестных для них выражениях, что и записывалось председателем суда. После перерыва заседания был произведен осмотр вещественных доказательств в виде чтения этих писем. При этом каждый раз попытка Мясоедова придать невинный смысл этим письмам наталкивалась на столь логичные возражения суда, что Мясоедов заканчивал обыкновенно бранью свои возражения по адресу «жидов» – авторов писем, прилагая к ним нелестные эпитеты. Тогда председатель суда зачитал мнение Мясоедова о них, данное в первой части заседания, чем поставил Мясоедова в невыгодное положение. На судей это обстоятельство произвело очень неблагоприятное впечатление.

Все эти письма еще до отобрания их после обыска у Мясоедова получались контрразведкой штаба Северного фронта по телеграфу через его секретаря и они то главным образом послужили материалом, заставившим произвести обыск у Мясоедова, благодаря чему у него были найдены и другие уличающие его документы.

Что касается секретных чернил, то прежде всего надо заметить, что рецептов таковых имеется большое количество, некоторые из коих приведены в секретном австро-венгерском Наставлении для тайной разведки. Секретными, невидимыми простым глазом чернилами пишется тайный текст письма между строк обыкновенного письма и затем проявляется получателем письма подобно фотографической пластинке при помощи соответствующих реактивов. Самый простой способ – это писание лимонным соком, причем написанный этим способом текст делается видимым после недолгого подогревания письма на лампе. Один из моих агентов, отбывающий наказание в Львовской тюрьме, писал мне письма мочой вместо лимонного сока.

Перечисленные под рубриками А, Б, В, Г сведения о подозреваемых в военном шпионстве лицах, получаемые как от тайных агентов контрразведки и правительственных и общественных учреждений, так и от частных лиц, а также и путем перлюстрации, носят название агентурных сведений, то есть сырого материала, подлежащего еще проверке, а затем разработке, если для того будет достаточно оснований. В сыром же виде эти сведения никоим образом не могут быть переданы судебному следователю, не имеющему в руках средств для их разработки, а зачастую стесненному в своих действиях и буквой закона. Для

начала предварительного следствия судебным следователям нужны определенные отправные данные, будут ли то неоспоримые вещественные доказательства, найденные у подозреваемых в военном шпионстве лиц, или же веские показания свидетелей.

IV. Классификация агентурных сведений о заподозренных в военном шпионстве лицах.

Регистрационные карточки алфавита. Регистрационные листы. Месячные сводки агентурных сведений. Центральное справочное бюро о заподозренных в военном шпионстве лицах.

Удержать в памяти ту массу лиц, которые проходят в агентурных сведениях по подозрению в военном шпионстве, нет возможности, а потому им ведется учет по системе. Различаются два разряда лиц: одни, просто проходящие по шпионским делам, другие же – заподозренные в военном шпионстве. На первых лиц регистрационные карточки делаются белого цвета, а на вторых – красного. В карточки заносятся все данные о регистрируемых лицах до их личных примет и адресов включительно, при этом делаются ссылки на номера дел контрразведывательного отделения. Одна из карточек идет в Центральное регистрационное бюро при Главном управлении Генерального штаба, две другие – соседям слева и справа, а четвертая -остается в архиве своего контрразведывательного отделения.

Обязательной регистратуре подлежат также лица, служившие по тайной разведке и контрразведке и почему-либо уволенные лица, не принятые по той или иной причине на эту службу; лица, проходившие в периодической печати по шпионским делам, хотя бы они и не относились к России.

По мере того как накапливается достаточное по мнению начальника контрразведывательного отделения количество данных, порочащих прикосновенное к шпионству лицо, оно переводится в разряд заподозренных в военном шпионстве лиц, то есть белая на него карточка заменяется красной; на него кроме того составляется особый регистрационный лист, включающий более подробные о нем данные, чем могут поместиться в регистрационной карточке. Добытые о нем данные подвергаются уже более детальному обследованию и разработке.

Для наведения по телеграфу необходимых справок организуется Центральное регистрационное бюро при Главном управлении Генерального штаба, располагающее регистрационными карточками всех контрразведывательных отделений, то есть данными о всех заподозренных в военном шпионстве или же проходивших только по шпионским делам лицам. Центральное регистрационное бюро может иногда своими данными осветить шпионское дело совершенно с другой стороны и направить его в иное русло, а иногда соединить вместе разные поначалу шпионские дела, то есть раскрыть целую уже организацию. Поэтому первым актом при разработке шпионского дела должно быть наведение подробных справок о всех проходящих в нем лицах в Центральном регистрационном бюро.

V. Разработка контршпионского дела

А) Внутренняя агентура. Понятие о внутренней агентуре и о тайных агентах-осведомителях. Существенное отличие их от агентов-осведомителей политического сыска, а потому и трудность вербовки их. Клички. Конспиративные квартиры; меры их обеспечения.

Поимка военного шпиона представляет собой дело огромной трудности, так как это касается человека незаурядных способностей как умственных, так и в смысле воли, работающего при этом в одиночку, а не в целой подпольной организации как это принято в тайной революционной работе, поэтому найти человека, склонного выдать его, а до ареста неослабно следить за ним, то есть тайного агента-осведомителя или секретного сотрудника – сексота – далеко не так просто. Несравнимо легче найти «азефа» в тайной политической

организации, где всегда могут быть разочаровавшиеся в ней члены.

Сексотами обыкновенно бывают или обиженные поставщики шпиону секретных документов, или мелкие осведомители шпиона, или близкие к шпионам женщины, или лица, желающие на выдаче его заработать деньги, или лица, работающие идейно и пр. Мне памятен такой случай. Один секретный сотрудник за крупную сумму денег обязывался предать шпиона с поличным в руки правосудия; при этом для доказательства незначительности требуемой им за это суммы приводил такой аргумент: «Вы знаете, он (шпион) очень, очень умный человек, прямо как министр, значит я должен быть умнее его, быть председателем Совета министров». Так как дело это касалось секретного отделения типографии штаба Варшавского военного округа, то последний на эти условия согласился.

В целях конспирации сексоты носят особые клички, порядок расшифровки коих такой же, как и кличек агентов активной тайной разведки. Свидания с сексотами обыкновенно имеют место не в общественных местах, а преимущественно на конспиративных квартирах, и обставляются большой тайной, дабы раньше времени не спугнуть отслеживаемого шпиона. Эта предосторожность особенно необходима в малонаселенных пунктах, где жизнь как говорится на пяточке. Как общее правило свидания с сексотами контрразведкой должны обставляться большей тайной, чем встречи с агентами активной разведкой, которых в данном пункте скорее могут не знать в лицо, особенно если они – иностранцы, а не местные жители.

При свидании с сексотами даже на конспиративных квартирах, не говоря уже о встрече с ними в общественных местах, должны быть приняты особые меры и против агрессивных с их стороны действий согласно русской пословице, «Береженного и Бог бережет».

Все сообщаемые сексотом сведения, в особенности касающиеся намерений обследуемого лица, а также и его действий за известный промежуток времени с точным указанием часа и чисел месяца, заносятся в особый дневник и служат материалом для постановки сексоту новых задач и для проверки сообщаемых им данных путем наружного наблюдения. На результатах проверки последних должна базироваться надежность сексота.

Частота конспиративных свиданий с сексотом будет зависеть от хода разработки дела, и по мере приближения к его окончанию они должны быть чаще. При разработке очень важного дела может быть и несколько сексотов, сведения коих перекрестно проверяются полученными от других сексотов данными, а также результатами наружного наблюдения.

В целях беспристрастного ведения этого внутреннего наблюдения за шпионом руководство им не должно быть поручаемо даже высшим чинам наружного наблюдения.

Таким образом очень деликатная работа по направлению деятельности сексотов должна в конечном результате заблаговременно и точно определить момент ликвидации дела, что может быть приурочено или к передаче шпиону его сотрудником секретного документа, или к поездке первого с полученными материалами за границу, или, наконец, в этом деле надо положиться на чутье руководителя контрразведки, что настал момент ликвидации дела.

Б) Наружное наблюдение. Организация службы наружного наблюдения. Агент наружного наблюдения – филер и требования, предъявляемые к нему. Техника филерской службы и виды ее. Обязанности заведующего наружным наблюдением. Дневник наружного наблюдения. Схема наружного наблюдения как основа разработки шпионского дела и его ликвидации. Пример: поездка полковника Батюшина в Австро-Венгрию после аннексии Боснии и Герцеговины.

Как внутренняя агентура сексотов служит для освещения намерений шпиона, так главное назначение наружного наблюдения заключается в фиксировании действий его при помощи приставленных к нему агентов наружного наблюдения, так называемых филеров. Филерская служба требует от агентов наружного наблюдения кроме умственного развития и памяти, находчивости, особого развития зрительной памяти, которая должна фиксировать все доступные глазу мелочи повседневной уличной жизни, и умения вести наблюдение на расстоянии, дабы не попасть в поле зрения наблюдаемого. Если паче чаяния это

совершилось и филер оказался «проваленным», то его надлежит заменить другим. В силу этого филер ни по своему костюму, ни по образу поведения не должен бросаться в глаза, а так сказать раствориться в общей массе людей. Особенно трудна бывает служба филера в смысле наблюдения за квартирой шпиона в мало посещаемых публикой районах, так как нахождение его на одном и том же месте в течение ряда последовательных дней может бросаться в глаза. Тогда приходится одному из филеров изображать, например, уличного торговца с лотком или специально нанимать для него лавочку, или быть извозчиком, стоящим на бирже, или просто нанять временно квартиру и из окна ее следить за наблюдаемым.

В целях той же конспирации филер не может входить за наблюдаемым в ресторан, во двор, где проживает наблюдаемый, и пр., так как здесь особенно легко попасться ему на глаза.

Обыкновенно за наблюдаемым следят два филера с тем, чтобы один из них всегда мог быть экстренно послан в наблюдение за новым интересным лицом, вошедшим в круг наблюдения, или же послан сообщить важные сведения в контрразведывательное отделение и пр. Короче говоря, наблюдаемое лицо никогда не должно быть оставляемо без наблюдения за все время нахождения его вне своей квартиры. В важных случаях может быть поставлено наблюдение и на ночь.

Все проходящие по наружному наблюдению лица носят даваемые самими филерами клички, связанные с бросающимися в глаза их наружными признаками, например, рыжий, блондинка, картуз, хромой, котелок и пр. Под зги-ми кличками эти лица проходят за все время наблюдения.

Все свои наблюдения, то есть маршрут следования наблюдаемого, время встречи его на улице со знакомыми, посещения ими его или визиты его к ним, пакеты с указанием их размеров, если таковые были у них в руках, и тому подобные мелочи – все это с указанием времени заносится в дневник наружного наблюдения. Все эти данные сначала служат для проверки сексотов или агентов внутреннего наблюдения, а затем для постановки новых задач или для ликвидации дела. Очень важную услугу могут оказать здесь филерам тайные карманные фотографические аппараты разнообразнейших систем, что даст затем возможность приложить эти фотографии к регистрационным карточкам подозреваемых в военном шпионстве лиц.

Сама передача филерами суточных наблюдений производится по вечерам заведующему наружным наблюдением, который затем ставит им дополнительные задачи или принимает меры к установлению наружного наблюдения за новым интересным лицом, вошедшим в круг наблюдения, или устанавливает ночное наблюдение, или заменяет узнанного наблюдаемым («провалившегося») филера и пр. Все данные наружного наблюдения за день сводятся в форму дневника, который будет носить примерно следующий характер:

«Рыжий вышел из своей квартиры в 8 час. 15 минут утра и пошел по Маршалковской улице. В 8 час. 40 мин. он встретил Весельчака, с которым переговорил на улице пять минут, а затем зашел с ним в кофейную „Москва“. Из этой кофейной вышли в 10 час. утра и пошли вдвоем по Симбирской улице до Нижегородской площади, где наблюдаемый простился с Весельчаком и продолжал идти один до Саратовской улицы и так далее»

Удерживать в памяти всех лиц, с которыми встречался наблюдаемый во время всего наблюдения, нет возможности, а потому по мере наблюдения составляется схема наружного наблюдения, например, Рыжий, на которой он занимает центральное положение, обозначен звездой. От него идут радиусы к другим звездам, обозначающих под кличками лиц, проходивших по наблюдению. Посещения ими квартир друг друга обозначаются стрелками, а встречи на улице – крестиками на линиях, соединяющих указанных в дневнике лиц. На подобной схеме с изображением результатов наблюдений за несколько дней сразу бросаются в глаза узлы свиданий по обилию стрелок, что дает толчок сексоту выяснить причину их путем внутренней агентуры. В свою очередь он же должен выяснить содержание вносимых в дом наблюдаемого или передаваемых ему на улице пакетов. Для иллюстрации я хочу

привести описание работы наружного наблюдения за мной австро-венгерских филеров на железнодорожной линии Львов – Тржебинье -Граница (наша пограничная железнодорожная станция).

Вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины у нас с Австро-Венгрией установились очень натянутые отношения, с минуты на минуту грозившие превратиться в вооруженный конфликт. Донесения наших агентов были чрезвычайно сбивчивые. Эту неясность не мог разъяснить и наш военный агент в Вене полковник Марченко. Чтобы самому себе уяснить обстановку на месте я решил проехать в Австро-Венгрию, посетив Прагу, Вену, Будапешт, Львов и Перемышль. Я рассчитывал прибыть во Львов из Будапешта рано вечером, что избавляло меня от необходимости прописки паспорта в гостинице до свидания с исполнявшим должность генерального консула во Львове В. В. Олферьевым. Попутно я предполагал проверить данные рекогносцировки одной из перевальных через Карпаты железных дорог.

К сожалению поезд запоздал и пришлось заночевать в гостинице, прописав после повторного визита лакея и свой чин. Рано утром на следующий день я услышал страшный стук в свою дверь, так что я выругался даже по-русски. По-видимому пришедшие для наблюдения за мной филеры решили лично убедиться, дома ли еще я. Выйдя из гостиницы, я повернул влево и, пройдя несколько шагов, оглянулся назад, чтобы знать, не следят ли за мной. Мне показалось, что за мной следуют два филера. Чтобы проверить это я решил пройти через расположенный на горке парк с двумя пересекающимися под прямым углом аллеями и сел на перекрестке их на скамейку лицом к филерам, упорно фиксируя их глазами. Это изрядно их смутило, так как им необходимо было решить, что делать дальше – не садиться же по моему примеру на скамейку. Оживленно беседуя между собой, они повернули к выходу из парка и несколько раз оглянулись на меня. Я, сидя на скамейке, продолжал фиксировать их глазами, заставляя тем их выйти из парка. Сделав это, они снова оглянулись, и наши глаза опять встретились. Делая вид, что они чем-то очень озабочены и совершенно не интересуются мной, они пересекли улицу и вошли в ворота дома, опять оглянувшись на меня. Снова я поймал их взгляд, и когда они скрылись во дворе, я быстро двинулся в обратную сторону, нанял извозчика и приказал везти меня прямо. Проехав несколько перекрестков, я приказал везти себя на ту улицу, где было расположено наше консульство.

Заждавшемуся меня В. В. Олферьеву, я самодовольно заявил, как счастливо отделался от филеров. Улыбнувшись, В. В. Олферьев указал мне из окна на человека, неустанно следившего за ним, который теперь будет наблюдать и за мной. Мне становилось даже смешно. Действительно после переговоров мы отправились на квартиру В. В. Олферьева завтракать, сопровождаемые филером.

Я сильно замешкался с завтраком, быстро расплатился в гостинице и, захватив с собой чемоданчик, несомненно уже обысканный, приехал на вокзал за пять минут до отхода скорого поезда Перемышль – Краков. Быстро купив билет, я сел в вагон в хорошем настроении духа от сознания удачно выполненного во Львове поручения.

В вагоне было мало народу. Я развернул «Новое время» и углубился в его чтение. Поезд быстро мчал нас на запад. Выйдя в коридор, я заметил на скамейке прилично одетого человека. По виду это был не пассажир, ибо порожних мест в вагоне было много.

Кажется в Перемышле этого господина сменил другой человек, и тогда я окончательно решил, что это следящие за мной филеры. На станции Тржебинье мне пришлось ждать несколько минут скорого поезда Вена – Варшава. Взяв в руки чемоданчик, я стал прогуливаться по платформе, встречаясь с господином, вылезшим со мной из вагона. Мне казалось, что он старался толкнуть меня, дабы устроить скандал, начать составлять полицейский протокол и пр. Я, инстинктивно бросив прогулку, подошел к стенке станционного здания и, прислонившись к ней, стал терпеливо ожидать прихода Венского поезда.

Через день по моем возвращении в Варшаву была получена расшифрованная

полковником Стоговым телеграмма Главного управления Генерального штаба, извещающая со слов полковника Марченко о моем аресте во Львове. Пришедшая на другой день «Slowo Polske», а затем немецкие, венские и берлинские газеты так приблизительно описывали мой мнимый арест: «Уже давно австрийские власти обращали свое внимание на усилившуюся особенно в последнее время работу русских шпионов, которых у нас было немало арестовано. Но все это была мелкота, главная же штука – руководитель их Генерального штаба полковник Батюшин все ускользал. Неожиданно он однако появился во Львове. Наша однако полиция неотступно и тайно за ним следила, ища удобного момента его арестовать, что и случилось на вокзале во Львове, когда взволнованный полковник Батюшин брал себе билет, чтобы ускользнуть от полиции. Но здесь подошел к нему полицейский агент и объявил его арестованным. Полковник хотел было оказать сопротивление, но агент показал ему свои полномочия и полковник Батюшин сдался. При нем найдено очень много уличающих его доказательств. Следствие ведется очень энергично. Ожидается очень интересное дело». Это сенсационное известие было подхвачено нашей левой печатью, и немало труда стоило мне и моей жене, чтобы успокоить наших родственников, выражавших сочувствие в таком большом горе.

Это клеветническая газетная кампания нужна была австрийским властям, чтобы обратить внимание на столь «опасного шпиона». Отголоски этого предупреждения имели место в самом начале Великой войны, когда распространились слухи о моем аресте австрийцами в Галиции, что по словам Ренге их обрадовало. Лишь впоследствии оказалось, что это была ошибка.

Я подробно остановился на своей поездке по Австро-Венгрии, чтобы показать не только приемы наружного наблюдения, но и передать очень неприятные переживания наблюдаемого, острота коих к тому же увеличивается полной неизвестностью о своей участи.

VI . Ликвидация шпионского дела и производство дальнейших арестов и обысков в порядке контрразведки до передачи дела судебному следствию.

Роль эксперта в военно-шпионском деле на предварительном следствии и на судебном разбирательстве; примеры трений при передаче дела судебным властям: с прокурором петроградской Судебной палаты Завадским при передаче дела Рубенштейна и с прокурором киевской Судебной палаты Крюковым при передаче дел киевских сахарозаводчиков: Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и Иовеля Гопнера и причины их. Примеры: дело отца и сына Г. как классический пример разработки дела; дела типографщика Р., Мясоедова, Рубенштейна, германской службы поручика Д. как образцы разработки только при содействии внутренней агентуры; австрийской службы полковник Редль и германского Генерального штаба полковник фон Ш., как примеры разработки только при содействии наружного наблюдения.

Основой для установки плана ликвидации дела, то есть определения лиц, у коих надлежит произвести обыски и аресты, служит схема наружного наблюдения за заподозренным в военном шпионстве лицом. Перед ликвидацией должна быть произведена немалая работа – расшифровать при помощи внутреннего наблюдения все клички, а равно при содействии наружной полиции точно установить адреса и занятия лиц, которые их носят. Все эти данные обозначаются другими, обыкновенно красными чернилами на полях схемы. Беглого взгляда на схему достаточно, чтобы сразу же определить узлы свиданий, то есть лиц чаще всего друг с другом встречавшихся, у коих и надлежит в первую очередь произвести обыски, и арестовать их в зависимости от найденного у них уличающего материала или оставить на свободе. Может быть также придется поступить и с особенно интересными в служебном или общественном отношении лицами, хотя бы свидания с ними наблюдаемого были и не так часты.

Ликвидация дела должна быть произведена в один день, а если возможно и в один час, дабы помешать преждевременному разглашению этого факта. В этих же видах и дальнейшие

обыски и аресты в зависимости от результатов произведенной уже ликвидации должны быть совершены в возможно непродолжительном времени. Надобно пока пользоваться сравнительной свободой действий контрразведки в административном порядке, так как все действия судебных властей скованы буквой закона.

Быстрый просмотр отобранных по ликвидации материалов сразу дает картину состава преступления и его квалификацию, почему и дальнейшее расследование должно вестись в рамках тех статей Уголовного уложения, под которые подходит это преступление. По мере хода дела должны быть посвящены в него тот следователь по особо важным делам, который будет вести это дело, и прокурор Судебной палаты, как наблюдающий за следствием орган. Здесь то очень часто могут быть трения в лучшем случае из-за слишком формального отношения прокурорского надзора в столь тонком деле как шпионство, главной базой коего являются косвенные улики и убеждение судей, а не прямые улики. Должен сказать, что за мою почти десятилетнюю практику перед Великой войной у меня никогда не было расхождений в оценке этих улик с высшими чинами варшавской Судебной палаты. Далеко этого не могу сказать про высший прокурорский надзор петроградской и киевской Судебных палат.

Перед окончанием расследования по делу Рубенштейна я несколько раз говорил о нем с прокурором петроградской Судебной палаты Завадским, причем вначале он скорее был склонен найти в деяниях его состав преступления хотя бы уже потому, что у него при обыске был найден секретный документ штаба 3-й армии, о котором штаб Северного фронта за подписью его начальника генерала Данилова (Юрия) дал заключение, что документ этот в интересах обороны государства должен был храниться в тайне от иностранных государств и, следовательно, никоим образом не мог находиться у Рубенштейна. Впоследствии Завадский уклонился от принятия дела Рубенштейна. Пришлось тогда обратиться к эвакуированным варшавским судебным властям, которые не только приняли к производству это столь шумевшее дело, но даже арестовали опять Рубенштейна шестого декабря 1916 г. по Высочайшему Повелению условно освобожденного из-под ареста на поруки. Мало того скоро они нашли у Рубенштейна и шифр для сношений. Я думаю, что Завадский действовал в этом деле под влиянием революционной пропаганды, так как после революции он сразу же стал товарищем председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии. Такое деяние трудно было допустить со стороны высшего представителя судебной власти и ока правосудия столицы.

Еще большие терзания пришлось испытать при передаче вышеописанного дела киевских сахарозаводчиков: Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и Иовеля Гопнера, повинных в незаконном вывозе во время войны в Персию одной трети годового нашего производства рафинада в район противника. На допросе меня следователем по особо важным делам киевского Окружного суда Новоселецким прокурор киевской Судебной палаты Крюков, не оспаривая самого вывоза сахара-рафинада, потребовал от меня доказательств, что это делалось по предписанию германских властей. Конечно такого документа я представить не мог, и дело в конечном результате было прекращено, причем Государь Император наложил на этом деле приблизительно такую резолюцию: «Освободить, и если они в чем-либо виноваты, то пусть своей дальнейшей деятельностью заслужат себе оправдание».

Лишь вышедший уже после революции труд секретаря Распутина Арона Симановича «Распутин и евреи» разъяснил истинную причину прекращения этого дела. Арестованный Иовель Гопнер обещал дать Симановичу за свое освобождение сто тысяч рублей, в счет каковой суммы он и дал ему десять тысяч рублей, обещав уплатить остальное по его освобождении, чего однако не сделал. За это Симанович, будучи на освобожденной от большевиков территории юга России, привлек его к ответственности через одесский Окружной суд. Симанович в этом случае действовал через Распутина, а последний воздействовал на министра юстиции Добровольского, чем только и возможно было объяснить исход тайствование помилования этим крупнейшим спекулянтам.

Не меньше тяжелых переживаний приходится на долю эксперта по шпионским делам на предварительном судебном следствии и на судебном разбирательстве. Я выступал экспертом на всех шпионских делах, имевших место на территории Варшавского военного округа в промежуток времени с 1905 по 1914 гг. Эксперт в шпионских процессах играет главную роль, ибо на его показаниях как принявшего присягу специалиста строит свои обвинения прокурор. Естественно, поэтому все стремления защитника направлены на то, чтобы свести на нет все утверждения эксперта. В особенно тяжелом положении я чувствовал себя как эксперт на судебном разбирательстве дела германской службы поручика Д. При осмотре вещественных доказательств особенное внимание обращал на себя сделанный им фотографический снимок Сызранского моста, единственной тогда переправы на среднем течении реки Волги, служившей связью между богатейшими районами Западной Сибири. Защитник в доказательство своего утверждения, что мост этот не представляет такой важности, которую приписывает ему эксперт, представил суду купленную им открытку с изображением этого моста. Я чувствовал себя в тяжелом положении, из которого выручил меня прокурор В. Д. Жижин, задав мне вопрос, — одинаковое ли значение имеет снимок на открытке, сделанный неизвестным аппаратом с неизвестного расстояния и под неизвестным углом, или же снимок, где все эти данные известны. Когда после процесса я обратился к защитнику с укором за его казуистику, то он на это ответил, что в шпионском процессе единственная лазейка для защитника опорочить, насколько это возможно, показания эксперта, не давая ему возможности быть безапелляционным судьей.

Вспоминаю я и другой случай, доставивший мне большое удовлетворение. Это было на судебном разбирательстве дела капитана германского Генерального штаба фон Ш. Моя роль заключалась лишь в дешифровке условных названий войсковых частей гарнизона Ново-георгиевской крепости, которые значились в его записной книжке. На вопрос председателя суда, что он может сказать по поводу моей экспертизы, капитан фон Ш. по офицерски ответил, что он ничего возразить против меня не имеет. Нужно было видеть в то время физиономию защитника, у которого этим заявлением было выбито из рук главное оружие защиты. Я думаю — это редкий, если не единственный случай в практике суда по шпионским делам.

Свою экспертизу я обычно делил на две части. В первой общей части я старался, оставаясь на букве закона, расширить понятие о шпионстве, превратив его из базы в точку отсчета для обвинения. Во второй же части я детально разбирал вещественные доказательства, подтверждая нахождение в них тех тайн, которые в интересах обороны государства должны быть секретом для противника. Эти экспертизы, данные мною по целому ряду дел, настолько были интересны, что производивший следствие по шпионским делам варшавского Окружного суда Орлов не раз просил меня издать их в назидание потомству. Так я и не собрался сделать этого до Великой войны.

Выше были изложены основы ведения контрразведки, причем было указано, что для правильно поставленной разработки шпионского дела нужно как внутреннее наблюдение, то есть работа тайных агентов или секретных сотрудников, так и наружное наблюдение. Сплошь однако и рядом приходится разработку дела благодаря капризам действительности основывать на внутреннем освещении, не прибегая к наружному наблюдению, и обратно. Образцом правильно веденной разработки шпионского дела является дело отца и сына Г., интересное еще и по тем остроумным приемам, к которым прибегал старик Г. для выпытывания секретов огромной важности.

Выше было упомянуто, секретным сотрудником в этом деле явился тот писарь штаба Варшавского военного округа, у которого старик Г. сначала попросил что-то перепечатать ему на машинке, а затем просил доставлять ему копии секретных военных документов. Еще много ранее того штабу Варшавского военного округа удалось получить секретное описание германского Генерального штаба наших крепостей. Документ этот был переведен на русский язык, издан типографским путем и разослан для ознакомления войск с теми скудными данными, которыми располагал наш противник относительно наших крепостей. С этого

описания была отбита копия на пишущей машинке и вручена старику Г. как наш секретный документ через указанного писаря.

При обыске у старика Г. найден не только этот документ, но в потаенном месте за привинченной мраморной доской умывальника вся переписка с немецким руководителем тайной разведки и список сто вопросов не только организационного, но и чисто оперативного свойства. Будучи арестован, старик Г. чистосердечно признался в своей вине, ссылаясь на тяжесть своего материального положения, и поведал о тех приемах, к которым он прибегал для получения ответов на поставленные ему руководителем немецкой тайной разведки вопросы.

В числе их был вопрос о том, что из себя представляет кадровая батарея 48-й артиллерийской бригады. Дело в том, что в Варшавском военном округе были расположены 46-я, 47-я, 48-я и 49-я пехотные резервные бригады из четырех двухбатальонных полков каждая, скрытая же артиллерия, вышеупомянутой кадровой батареи, имела лишь в 40-й пехотной резервной бригаде. Эту неясность и должен был разъяснить старик Г., не знавший даже, где была расквартирована эта батарея.

Как-то едучи на площадке трамвая в Варшаве, он разговорился со своим соседом, артиллерийским солдатом со странной шифровкой на погонах, в коей фигурировала и цифра 48. Оказалось, что это как раз и есть интересующая старика Г. батарея, расположенная в городе Радимин Селдецкой губернии. В этой батарее имелся, по словам этого солдата, отличный оркестр балалаечников.

Старик Г. решил воспользоваться собранными этим путем сведениями, чтобы побывать в городе Радимине как гость батареи. В скором после этого времени супруга командующего войсками Варшавского военного округа давала большой благотворительный бал, на котором старик Г. решил устроить выступление этого оркестра. Немедленно же он пишет письмо командиру этой батареи об этой своей затее, ставя при этом лишь два условия для участия оркестра батареи на балу: безвозмездность его услуги и обязательность личного ознакомления с игрой оркестра.

Польщенный столь заманчивым приглашением командир батареи просит старика Г. в офицерское собрание на обед и даже высылает за ним экипаж. За обедом с оркестром балалаечников в офицерском собрании старика Г. сажают между командиром батареи и старшим ее офицером. Улучив момент, старик Г. спрашивает последнего о странности наименования батареи. Ничего не подозревающий старший офицер ее спокойно разъясняет Г., что в военное время каждый взвод батареи разворачивается в батарею, то есть кадровая батарея превращается в четырехбатареиную бригаду.

Вернувшись в веселом расположении после вкусного обеда в обществе, которое по словам Г., ему и во сне не снилось, он пишет письмо супруге командующего войсками и устраивает в конце концов бесплатное выступление упомянутого оркестра на устраиваемом ею вечере к удовольствию ее самой и командира батареи.

Не менее находчив был старик Г. при разрешении и второго поставленного ему вопроса – предполагается ли открытием военных действий вторжение масс нашей конницы в пределы Германии. Старик Г. сначала и не знал, как приступить к разрешению этого вопроса. Часто бывая в своей кирхе в Варшаве, он естественно знал о тех распрях, которые были около нее из-за председателя церковной общины. После одного из воскресных богослужений старик Г. подходит к часто посещавшему эту кирху начальнику кавалерийской дивизии генералу Р. и представляется ему как старый магистр фармации. Благообразный с большой белой бородой, вид старика Г. невольно расположил этого генерала в его пользу. Начав разговор с церковных распрей, старик Г., льстя генералу, предложил ему для спасения положения занять должность председателя церковной общины. Генерал согласился, что дало Г. возможность посещать дом генерала по делам выборов.

В одно из таких посещений старик Г. затронул в разговоре вопрос о только что имевшей место катастрофе с дирижаблем «граф Цеппелин». Развивая эту тему, старик Г. незаметно перешел на войну 1870-1871 гг., когда «граф Цеппелин», вторгшись со своим

разъездом во Францию, едва не попал в плен. После этого старик Г. стал описывать те ужасы, которые ожидают Германию со вторжением в ее пределы массы русской конницы. «От этого мы теперь отказались», – заявил генерал.

Для того же, чтобы быть в курсе дела варшавской крепости, старик Г. не остановился даже перед созданием у себя на квартире в Варшаве маленького клуба для офицеров гарнизона этой крепости, особенно для тех, которые жили изолированно на отдельных ее фортах. Хотя находившаяся под боком Варшава и тянула их к себе своими соблазнами, но это было им не по карману.

Старик Г. устройством у себя на квартире места свидания этих офицеров, где они могли за скромную плату не только выпить рюмку водки, но даже и сыграть в карты, шел на встречу их небольшим требованиям. Естественно офицеры эти, не стесняясь, вели разговоры, большей частью на злободневные военные темы, давая тем желанную пищу пытливому уму старика Г.

Не всегда однако является возможность вести одновременно и внутреннее и наружное наблюдения за подозреваемом в военном шпионстве лицом. Тогда центр тяжести разработки дела ложится только на одно из них, в большинстве случаев на внутреннее наблюдение. Большим затруднением является также установка военного наблюдения на театре военных действий особенно вблизи боевого фронта, в большинстве случаев обнаженного от населения. Здесь волей-неволей приходится вести разработку дела при помощи внутреннего наблюдения, то есть при содействии сексотов. Например, при разработке дела Мясоедова, оперирующего в районах действующей армии, установка наблюдения за таким человеком, к тому же знающим приемы политического сыска как он, было бы равносильно провалу всего дела. Пришлось приставить к нему сексота в виде личного его секретаря, опытного чиновника Департамента полиции, главное назначение коего заключалось в перлюстрации получаемых Мясоедовым с оказией писем, содержание которых и послужило одной из главных против него улики.

Не сразу однако вошел к нему в доверие этот секретарь. Жил он в Ковно, в смежной с Мясоедовым комнате. Как-то вечером секретарь писал письмо своей невесте и, не dokonчив его, вышел во двор. Немедленно же он услышал направлявшиеся к его столу шаги Мясоедова, начавшего читать его письмо. Подсмотрев за этим в замочную скважину, секретарь через несколько дней проделал то же самое, причем в письме невесте расхвалил до небес своего начальника. Повторилась та же история и на другой после этого день. Отношения Мясоедова к своему секретарю резко изменились в лучшую для последнего сторону, и с той поры он вошел в доверие своего начальника. Так по крайней мере говорил об этом этот секретарь.

Дело Мясоедова началось с письменных показаний раненого в боях Самсоновской армии в августе 1914 года поручика 23-го пехотного Низовского полка К. Его, оставшегося на поле сражения, подобрали немцы, а затем как мнимого шпиона командировали в Россию с следующими задачами: разрушить мост через Вислу в Варшаве, подкупить коменданта Ново-георгиевской крепости, убить Великого Князя Николая Николаевича и пр. Так как в его рапорте имелись данные относительно расквартирования германских западных частей в Восточной Пруссии, а также сведения об укреплении расположенных там виадуков и мостов, что вполне соответствовало действительности, то не было оснований не верить и показаниям поручика К. относительно Мясоедова как работавшего в пользу Германии шпиона. По приказанию Ставки контрразведывательное отделение Северо-Западного фронта приступило к разработке этого сложного и очень запутанного дела. В самом начале его приезжал в штаб Северо-Западного фронта в Седлец жандармский полковник по видимому с ведома Сухомлинова с предложением своих услуг помочь разработке дела. Так как оно около месяца находилось без движения в штабе 4-й армии в Петрограде, и однако к разработке его видимо боялись приступить «Страх ради иудейска», то штаб Северо-Западного фронта просил Ставку или убрать этого жандармского полковника, или пусть сама Ставка ведет разработку этого дела. Ставке пришлось уступить.

В ночь на 19 февраля 1915 г. дело это было ликвидировано, причем обыски были произведены в Ковно, Петрограде, Вильно, Киеве, Одессе, Либавс, Двинске, Варшаве и пр. Все арестованные были направлены в Варшавскую тюрьму, дабы на театре военных действий надежнее изолировать арестованных от внешнего мира. Мера эта оказалась нелишней, так как сразу же начались систематические нарушения правил свидания с арестованными, за что варшавскому тюремному инспектору, не взирая на его высокий чин Действительного Статского Советника, пришлось менее чем в 24 часа оставить свое место по приказанию главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерал-адъютанта Рузского. Эта решительная мера сразу же возымела действие, напомнив правительственным агентам об их долге на войне.

О грандиозности этого дела можно судить потому, что весь отобранный, на нескольких притом языках, у арестованных материал переписки достигал 62 пудов, то есть одной тонны. Среди нее был один интересный документ 10-й армии секретного характера, при которой заведующим тайной разведкой в иоганнисельбургском районе и состоял Мясоедов -«Адреса 19 января (1915 г.)». Про него в книге арестованного по делу Мясоедова Фрейната «Правда о деле Мясоедова и др.» говорится, что это был «листок бумаги с указанием расположения в указанный день отдельных частей 10-й армии» (стр. 50). На самом деле это было расположение входивших в состав 10-й армии дивизий, то есть документ огромной важности. Мясоедов так и не мог объяснить, для чего понадобился ему этот документ, полученный незаконным при этом путем. Если бы он доставил нам такой же документ относительно германской армии, действовавшей против нашей 10-й армии, то вероятно его не постигла бы столь печальная участь, ибо знать точное расположение противника – значит наполовину его победить.

Среди отобранных у Мясоедова бумаг была настолько интересная его переписка с генералом Сухомлиновым, что начальник штаба Северо-Западного фронта генерал Гулевич приказал положить ее на дно секретного ящика разведывательного отделения этого штаба и «никому не показывать». Переписка эта послужила впоследствии основанием для начала дела генерала Сухомлинова.

Большой интерес в смысле технической разработки дела представляет собой процесс вольнонаемного типо-графшника типографии штаба Варшавского военного округа Р. Дело это начато по предложению его хорошего знакомого, который за крупную сумму денег обязался предать Р. в руки правосудия как шпиона. Дело это велось исключительно путем внутреннего освещения вышеупомянутым сексотом. Р. был арестован на пути за границу, причем у него были отобраны исправленные корректурные оттиски, обыкновенно бросающиеся в сорную корзину, секретного военно-статистического описания территории Варшавского военного округа.

К разряду этих же дел, разработанных при содействии лишь внутренней агентуры, относится в свое время много шумевшее дело директора Русско-Французского банка Д. Л. Рубенштейна. Устанавливать за ним наружное наблюдение было бесполезно, настолько он был ловок. При обыске, например, у него был найден дневник установленного за ним Департаментом полиции наружного наблюдения. Он был в хороших отношениях с директором этого Департамента генералом Климовичем; да вообще у него были очень хорошие знакомства в высших сферах. Накануне, например, обыска у него обедал министр внутренних дел Протопопов. Его очень хорошо знала А. А. Вырубова. Про Распутина, которому доставал любимую им мадеру, и говорить нечего. Ввиду этого разработка дела Рубенштейна представляла огромные трудности не в техническом отношении, а главным образом благодаря его связям в Петрограде.

При обыске у него был найден секретный документ штаба 3-й армии. Вероятно у него было бы найдено несравнимо большее количество секретных документов, если бы он не был предупрежден о готовящемся у него обыске человеком, близко стоящим к председателю Совета Министров Штюрмеру, что выяснилось лишь впоследствии.

Кроме того расследованием было выяснено, что Рубенштейн зарабатывал до 40

процентов прибыли с заказов на оборону путем выдачи возглавляемым им банком гарантий, бравшим эти заказы частным заводам и предприятиям. Результатом этой лихвенной наживы была несвоевременность поставок предметов обороны и несоответствующее притом их качество, чем наносился ущерб армии.

Образцом разработки шпионского дела при помощи одного лишь наружного наблюдения является дело австрийской службы полковника Редля. Неполучение в Вене долго лежавшего присьма «до востребования» со вложением в него русских денег заставило австрийцев установить наружное наблюдение за его получателем. По-видимому оно его упустило, настолько он быстро получил это письмо и уехал на наемном автомобиле в гостиницу. Другого автомобиля на бирже не было, почему офицеры и не могли последовать за ним. Обыскав отвезший полковника Редля автомобиль, филеры нашли футляр от перочинного ножика, который и был предъявлен одним из них полковнику Редлю. Последний, смутившись, признал футляр за принадлежавший ему, чем себя и выдал.

В отличие от активной тайной разведки пассивная не делится мной на контрразведку мирного и военного времени, так как фактор объявления войны почти что не отражается на мирных приемах ее работы во время войны. Последнее обстоятельство должно лишь ускорить эту работу, насколько возможно содействуя быстрому очищению оперативного и тылового районов от подозреваемых в военном шпионстве лиц. Если при этом не будет найдено достаточно улик для начала судебного процесса, то лица эти во всяком случае должны быть удалены в глубокий тыл государства на все время военных действий. В этом отношении наше «Положение о полевом управлении войск» 1914 года давало широкие права особенно главнокомандующим фронтами.

Столь строгие меры приходится иногда применять даже к части населения государства, когда центробежные ее стремления угрожают интересам государства. Иногда же приходится это делать в отношении целой профессии. Во время Великой войны пришлось, например, выслат из Риги специальными даже поездами дам-профессионалок легкого поведения в глубокий тыл, так как город этот, перегруженный ими, находился в переходе от передовых позиций и представлял уже собой опасность в смысле охраны военных тайн. В самом деле посещение офицерами разных притом войсковых частей и учреждений этих дам, поддержание письменных с ними сношений, оставление иногда офицерами своих точных адресов для личных их посещений - все это при умелом использовании неприятелем могло нарисовать картину расположения наших войск на широком притом фронте.

Заключение. Мои юнкерские годы.

В предыдущих своих лекциях я старался на примерах объяснить значения активной и пассивной тайных разведок и теоретически обосновать технику их ведения. При этом я далек был от мысли сделать из каждого слушателя курсов искусного руководителя тайной разведки. Как на медицинском факультете, где тоже идет вопрос о жизни человека, необходима широко поставленная клиническая практика, так и настоящим дополнением этих лекций должны быть практические занятия по тайной разведке. Но даже это не может дать тех плодов, которые принесет с собой одна лишь жизненная практика, сделав соответствующий отбор. Здесь более чем где либо применимо изречение, что история конницы есть история ее начальников. Вот почему имена выдвинувшихся на ниве тайной разведки лиц должны перейти в историю как полковник Николай, генерал Ронге и др. особенно при увеличивающемся с каждым почти днем значении тайной разведки вообще в государственной жизни народов.

«Что прошло, То будет мило».

Мое пребывание в 1890-93 гг. в Михайловском артиллерийском училище мне дорого не по одному тому, что меня отделяет от него почти полвека жизни; если бы я родился второй

раз и вторично пришлось выбирать себе училище, то я непременно пошел бы в училище, которое заложило во мне не только серьезные основы военного дела, но главное воспитало сознательного солдата.

В этом училище очень умело соединялось широкое научное образование на математической, главным образом, основе со стремлением расширить путем самообразования горизонты своих питомцев и во всех других отношениях. Отголоски прежних времен, когда говорят бывали в стенах училища свободомыслящие юнкера, к моему времени вылились в предоставлении юнкерам своего рода автономии – в смысле подбора газет и журналов для читальной комнаты, составления программ для музыкальных вечеров в лагере и пр.

«Читалка» на самом деле была тем священным, всегда переполненным местом, где соблюдалась благоговейная тишина, дабы дать возможность в перерывы от зубрежа «проглотить» газету или углубиться в серьезное чтение ежемесячников.

Основательно были поставлены в училище и строевые занятия, так как необходимо было не только научить обращаться с оружием, но и ездить верхом, возить оружие, то есть управлять парой лошадей; не только маршировать, но и уметь делать гимнастику, фехтоваться и даже танцевать. Танцам в мое время придавалось немалое значение и на них обыкновенно присутствовал даже начальник Артиллерийской академии и училища генерал-лейтенант Демьяненко.

Комично было видеть будущих ученых артиллеристов и профессоров в вихре вальса «в два па» под звуки немудреного оркестра и периодическое прихлопывание в ладоши балетмейстера Троицкого. Со многих из них действительно несколько потов сходило от столь непривычных для них упражнений. Уклониться однако от танцев не было никакой возможности из-за очень строгого контроля. Даже в этом, хотя и вынужденном схождении крайностей, видно было мудрое стремление к всестороннему развитию юнкера.

Перегруженность учебными и строевыми занятиями составляла для нас мало досуга для забав. В этом обстоятельстве, с одной стороны, и серьезности постановки образования, с другой, и кроется причина полного отсутствия цуканья юнкеров младших классов. К тому же не только портупей-юнкера, но даже сам фельдфебель фактически никакой дисциплинарной властью над юнкерами не пользовались. Они были как бы первыми среди равных. Это не мешало однако юнкерам быть сознательно дисциплинированными и случаев выходок по отношению старших я за все три года не припомню. Если бы это паче чаяния имело место, то встретило бы всеобщее осуждение своих же товарищей.

В училище я поступил в числе нескольких человек со стороны, главная же масса моих товарищей была из кадетских корпусов с лучшими баллами по математике.

Для меня, только что окончившего Астраханское Реальное училище, все было ново. Переход из открытого учебного заведения в закрытое вообще не легок, но я как-то не чувствовал в училище казарменного гнета, не было и намека на бессмысленную дисциплину, сухую муштровку, наоборот – гуманное, справедливое и ровное отношение к подчиненным лежало в основе нашего воспитания.

Превалирование учебной части над строевой, эта дань прошлому увлечению теорией – высшей математикой в особенности – чувствовалось на каждом шагу и придавало некоторый оттенок серьезности юнкерам нашего училища по сравнению с другими военно-учебными заведениями. Более близкие отношения у нас установились с Морским Кадетским корпусом, выражавшиеся между прочим во взаимных посещениях балов. В лагере начали налаживаться более серьезные отношения с нашими соседями слева – юнкерами Николаевского Кавалерийского училища, где традиционное цуканье юнкеров вошло в строгую систему воспитания; искоренить это цуканье не удавалось даже таким волевым начальникам как генерал Плеве. По-видимому в отношении названных училищ находила себе оправдание французская пословица – «крайности сходятся».

Вышеочерченная обстановка в стенах училища сделала то, что через 2-3 месяца грань между юнкерами-кадетами и юнкерами со стороны или «штрюками», как нас называли,

безболезненно стерлась, и к Рождеству Христову мы представляли собой уже однородную юнкерскую массу, сильную корпоративной спайкой и не особенно тароватую при этом на свойственные 17-летнему возрасту шалости.

Сознательная немелочная дисциплина как-то сама собой входила в мою голову и возникала в непреодолимую в моем представлении стену между офицером и юнкером. Мне казалось теперь странным, как это юнкер, получивший замечание на улице от незнакомого ему офицера, должен был вернуться к своему офицеру и доложить об этом -в ожидании соответствующего за то наказания.

Меня не удивил впоследствии и такой факт, имевший место в лагере, где нам разрешалось кататься на лодках училищной флотилии по Дудергофскому озеру, но не заезжать в камыши для флирта с дачницами и по сигналу с береговой мачты возвращаться в бурную погоду домой. Однажды это приказание не было исполнено одним юнкером, лодка при сильном волнении перевернулась и его полуживым вытащили из воды; когда он выздоровел, все же на него было наложено очень строгое наказание.

Эта систематическая выработка чисто военного взгляда на взаимоотношения начальника и подчиненного вылилась в окончательную у меня форму к Пасхе, ибо я отлично помню, как я был поражен, когда после Пасхальной Заутрени с нами христосовался не только наша гроза, командир батареи полковник Чернявский, но даже и совершенно недостижимый для нас начальник Артиллерийской академии и училища генерал-лейтенант Демьяненко. Это временное в столь радостный для русского человека день снисхождение начальства к нам, нижним чинам, как-то особенно трогательно запечатлелось у меня на душе, придав этому редкому церковному торжеству особенную прелесть. Таким образом семь – восемь месяцев понадобилось для того, чтобы превратить меня, штатского человека, в сознательно дисциплинированного воина.

По Царским дням после благодарственного богослужения в училищной церкви все юнкера собирались в парадном зале, где генерал Демьяненко разъяснял нам смысл празднуемых событий. Нельзя сказать, чтобы он был оратором, тем не менее получасовая, хотя и скучноватая речь его, пересыпаемая любимым им выражением: «Ну, я со своей стороны», оставляла все же в нашей душе благодатный след.

Главным же нашим воспитателем и молчаливой грозой училища был незабвенный командир батареи полковник Чернявский. Основными чертами его духовного облика были: поразительное, чисто хохлацкое хладнокровие и удивительная ясность ума.

Он был всегда ровен в сношениях как с подчиненными, так и с начальством до Великого Князя Михаила Николаевича включительно. Одной своей довольно грузной фигурой с правой рукой за бортом сюртука он производил и в стенах училища, и на стрельбе, и особенно на маневрах какое-то успокаивающее действие на наши горячие головы. Он сравнительно редко беседовал с нами, разъясняя проступок провинившегося юнкера, но делал он это коротко, внушительно, «беря быка за рога».

Таков же он был и как преподаватель артиллерии на младших курсах. Не мудрствуя лукаво, не вдаваясь в сложные математические вычисления, а базируясь главным образом на здравом смысле, он удивительно умело вкладывал в наши головы основы баллистики. Эти первоначальные основы значительно облегчали изучение деталей сложного артиллерийского дела в последующие два года.

Не производя своей фигурой впечатления изысканной вежливости, полковник Чернявский тем не менее был очень тактичен. Про него, например, рассказывали такой случай, относящийся к времени состояния Великого Князя Сергея Михайловича юнкером нашего училища: после первого конного батарейного учения в лагере батарея приезжала в парк, и полковник Чернявский скомандовал: «Ездовые слезай»; Великий Князь немедленно же после этого отправился в барак, не ожидая последующей команды.

В следующий раз полковник Чернявский проделал то же самое и, дав Великому Князю пройти значительное расстояние по направлению к баракам, скомандовал: «Садись». Великому Князю пришлось бежать обратно к своему коню. Естественно более не

повторялось ничего подобного. Этот инцидент не отразился на добрых отношениях Великого Князя к своему «дядьке» как любовно называл он полковника Чернявского.

В бытность мою юнкером я частенько видел у нас на стрельбе Великого Князя Сергея Михайловича, изучавшего на практике это трудное дело под руководством своего способного «дядьки».

Ровность отношений, молчаливость, соединенная с довольно строгим видом полковника Чернявского, заставляли всех нас его бояться, но вместе с тем уважать и даже любить за его разумную справедливость в разборе наших прегрешений по службе.

Как всегда про таких как полковник Чернявский, незаурядных личностей, было много рассказов и анекдотов, старавшихся оттенить ту или иную особенность его недюжинной натуры. Я вспоминаю такой рассказ про юнкера Солонину. При представлении полковнику Чернявскому он назвал свою фамилию, делая ударение на втором слоге. «Как?, – спросил полковник Чернявский, – Солонина? Такого слова нет, „солонина“ – знаменитый полк». Чернявский умышленно протянул слог «ни». Так затем три года и величали его в училище.

Из других офицеров училища мне памятливы: штабс-капитан Эрис-Хан Алиев, мой полубатарейный командир, и поручик Похвиснев. Эрис-Хан Алиев имел военную жилку и обладал большим здравым смыслом. Это сказывалось на ведении им строевых занятий, в частности, по верховой езде. Им, например, практиковался такой, вероятно принятый на Кавказе среди горцев, способ приучения людей не бояться лошадей. Он заставлял боязливого юнкера подползать под брюхо лошади и чесать его. Естественно сейчас же стал циркулировать между нами такой рассказ про одного из наших товарищей: когда он был под брюхом лошади, то штабс-капитан Эрис-Хан Алиев, поправляя указательным пальцем правой руки свои усы, спрашивает, чешет ли он; боязливым голосом тот отвечает ему из под брюха: «Чешу, чешу, г-н капитан».

Незаурядные военные дарования штабс-капитана Эрис-Хан Алиева нашли себе применение на войне, где он доблестно командовал одним из корпусов на германском фронте.

После революции я встретился с ним в Ессентуках. Он был все тот же, политических взглядов не изменил, и стал как-то ближе мне.

Поручик Похвиснев отличался холодностью, замкнутостью и строгостью. С ним я встретился на войне осенью 1914 года, когда войска 1-й армии подходили к Кенигсбергу. Он прибыл тогда в штаб Северо-Западного фронта, где я был начальником разведывательного отделения, для разработки по артиллерийской части плана овладения Кенигсбергской крепостью. Я был чрезвычайно горд, снабжая генерала Похвиснева прекрасными планами этой крепости и секретными документальными данными о ней, добытыми и изданными еще до вверенным мне разведывательным отделением штаба Варшавского военного округа. Генерал Похвиснев был уже не так сух и сумел найти соответствующий тон при нашем разговоре, оставив о себе очень хорошее впечатление.

Когда мы подучились ездить верхом, то полковник Чернявский распределил нас по орудиям. Я попал ездовым первого уноса 8-го орудия; в среднем был Богалдин, а в корню или Тигранов, или Савченко. Не скажу, чтобы я был доволен моим назначением, ибо лошади этого флангового орудия были чересчур резвы для наших молодых сил. Нередко коренники – Рьяный и Разбег подхватывали орудие, и мы носились одни по Красносельскому полю. Можно себе представить, как доставалось после того нам от орудийных номеров, особенно от сидевших на передке и на своем теле очень резко чувствовавших удары от попавших под колеса камней. Вообще происходили вечные пререкания из-за встречных камней между передковыми номерами и коренным ездовым, нередко доходившие до пускания в ход банника. Особенным искусством наезжать на камни отличался Тигранов, и про него говорили, что он, объезжая картошку, наедет на камень, со свойственной южанинам горячностью Тигранов пытался оправдываться, но всегда неудачно.

Как я уже выше упомянул основой нашего образования была высшая математика, а потом естественно более всего запечатлились у меня в памяти образы ее профессоров:

Будаева, Пташицкого и отчасти Рощина.

Профессор Будаев подавлял своим строгим ученым видом, был не только знаток, но и артист своего дела. Вывод сложных математических формул или рядов у него выходил просто. К концу лекции классная доска была сплошь заполнена красиво, а главное равномерно расположенными знаками. Он почему-то говорил «Ксен» вместо «Господин», «Кса» - вместо «Господа». Не взирая на кажущуюся суровость, в душе он был добр и баллы на репетициях ставил хорошие.

Он педантически точно бывал на своих репетициях. Однажды его репетиция пришлось после трехдневного отпуска по случаю посещения училища Великим Князем Михаилом Николаевичем. Естественно мы решили воспользоваться этим обстоятельством и не держать репетиции у профессора Будаева. Мы написали ему письмо с просьбой не приходить на репетицию и ожидали, что он нам скажет на лекции в день самой репетиции. В этот день профессор Будаев был так же спокоен как всегда, так же медленно завертывал в принесенную с собой бумажку мел, так же ясно что-то доказывал, исписав всю доску, и, положив мел, ушел из класса, прикрыв за собой дверь. Мы были удивлены, но спросить его о репетиции не решались.

Внезапно дверь приоткрылась, и Будаев заявил нам: «Кса, а на репетицию-то я все же приду». Мы так и ахнули. Надо однако отдать должное доброте профессора Будаева, на репетиции он был очень милостив и баллы ставил добрее обыкновенного. В конце концов мы были даже довольны что репетиция у нас была.

Профессора Будаева мы почти также побаивались как и полковника Чернявского, но относились к нему с большим уважением и даже любовью.

Невольно я вспоминаю один из наших юнкерских спектаклей в лагере, где между прочим женские роли исполняли, и зачастую очень удачно, сами юнкера; как один из юнкеров в роли учителя был загримирован Будаевым. Это доставило нам большое удовольствие без какой-либо злой к тому примеси.

На среднем курсе высшую математику вместо добрейшего и очень ученого профессора Рощина стал нам впервые читать молодой, энергичный и очень способный профессор Петербургского университета Пташицкий. Он читал так же ясно как Будаев, но слишком кричал своим визгливым голосом и увлекался не в меру, стараясь сделать из нас по меньшей мере докторов чистой математики. Он часто употреблял греческую букву лямда, а потом юнкера и дали ему прозвище «Лямда».

На репетициях он был также требователен как и профессор Будаев, но баллы ставил хорошие. Ходили между нами слухи, что нашим усердием он был доволен и говорил, что если бы студенты Университета так же отвечали ему как мы, то лучшего и требовать было бы нельзя. Не берусь судить так ли все это, но смело утверждаю, что работали мы у профессора Пташицкого добросовестно.

Изучение высшей математики значительно затруднялось у нас тем, что записок по своему курсу ни профессор Будаев, ни профессор Пташицкий не издали, а потому приходилось все записывать за ними самим юнкерам.

Из военных профессоров особенно выделялись молодые тогда доценты штабс-капитаны Панпушко и Ипатьев. Лекции молодого, широко образованного, увлекательно читавшего свой предмет «Химию», штабс-капитана Панпушко нас зачаровывали. Это были не лекции по химии, а скорее энциклопедия естествознания, так широко захватывал свой предмет этот увлекающийся фанатик своего дела. К нашему великому сожалению его очень скоро не стало. Он был разорван на части при опытах с новыми взрывчатыми веществами на Пороховых заводах. Слишком он был горяч, всего себя отдавая новому неисследованному еще делу. Не будь этого, его несомненно ожидала бы такая же блестящая будущность как и штабс-капитана Ипатьева.

Последний заведывал у нас на старшем курсе практическими занятиями по химии. Большинство из нас взамен анализа занималось составлением разного рода окрашенных жидкостей. Штабс-капитан Ипатьев стал нас по очереди вызывать к доске, предлагая решать

несложные химические задачи и экзаменуя попутно, главным образом из неорганической химии. Если кто-либо из товарищей не справлялся с задачей, то штабс-капитан Ипатьев звал меня к доске. Я должен сказать, что химию полюбил и знал ее еще в Реальном училище, обладал кроме того каким-то химическим чутьем, а потому с даваемыми мне поручениями в большинстве случаев справлялся удачно. В результате всего этого штабс-капитан Ипатьев усмотрел во мне способность к химии, взял с меня слово, что я пойду в Михайловскую артиллерийскую академию, по окончании которой он сделает меня своим помощником. Между тем обстановка сложилась так, что я два года после выхода из училища учебных книг не раскрывал, а потому и пропустил двухгодичный срок для поступления в Артиллерийскую академию. На третий же год я взялся за ум и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба.

Будучи в последней, я как-то пошел на публичную лекцию подполковника Ипатьева о сгущенном воздухе, которую он читал в столь знакомой мне химической аудитории. После лекции я подошел к подполковнику Ипатьеву и извинился за несдержанное слово, указав действительные причины его нарушения. Подполковник Ипатьев долго меня укорял, называя изменником и говоря, что в будущем я прогадаю. Под конец же разговора он стал со мной как-то мягче – по-видимому понял, что руководствовался я здесь не карьерными побуждениями. Распространяться о том, что сделал академик Ипатьев и для науки, и для нашего артиллерийского дела во время войны едва ли нужно, настолько это всем нам известно.

Из других военных профессоров я не могу выделить ни одного, кто мог бы приблизиться к вышеупомянутым моим учителям. Может быть они были и очень способны, и очень учены, но передать нам свои знания так просто и ясно как полковник Чернявский они не могли.

Заканчивая вопрос о постановке учебной части, я не могу не упомянуть добрым словом читавшего нам Новейшую историю русской словесности г-на Орлова. Лично мне он импонировал одним тем, что им был издан учебник по своей специальности, а перед печатным словом я тогда еще благоговейно преклонялся.

Орлов читал свой интересный предмет увлекательно, но так как он не принадлежал к числу главных, то к стыду нашему слушали его немногие, большинство же занималось своими делами. Тем не менее Орлова мы очень любили, да и нельзя было не любить этого добродушного и в высшей степени тактичного толстяка.

Когда он входил в аудиторию, то приветствуя его, все хором кричали: «С Новым годом». Мило раскланиваясь с нами, он отвечал: «С новым счастьем!». Тогда раздавались уже голоса: «Мы Вас любим, мы Вас любим!». Не взирая на продолжавшийся шум, Орлов начинал свою лекцию, гам понемногу утихал, и все были довольны.

У нас ходили слухи, что один из выпускников поднес даже Орлову жетон с надписью «С Новым годом!». Этому вполне можно верить, так как симпатии юнкеров были полностью на его стороне.

Увлекательно читая свой предмет, Орлов сообщал неизвестные нам факты из жизни писателей, ярко рисующие их эпоху. Я припоминаю такой случай с писателем Н. В. Гоголем.

Поэма «Мертвые души» была представлена им Государю Императору Николаю I. Его Императорское Величество приказал в этот же переплет вплести денежные знаки и отправить этот том автору. Последний ответил на столь щедрый дар таким трехстишием (цитирую по памяти):

Принял с благоговеньем,
Читал с умилением,
Жду продолжения с нетерпеньем.

Государь приказал послать такой же второй том, но на переплете напечатать: «Том второй и последний».

Подводя итоги постановки учебной части, нельзя не прийти к заключению, что программа занятий чересчур была перенасыщенна высшей математикой, подготавливая

юнкеров к ученой артиллерийской карьере. В строю же высшая математика в большинстве случаев применения себе не находила.

Среди шестидесяти приблизительно юнкеров нашего курса были люди очень способные к математике как Чеболарев, Шилов, Андреев и другие, были и посредственные и, наконец, малоуспевающие. Я говорю про математику потому, что она была не только главным предметом нашего обучения, но и основой артиллерийской науки. Последняя изучалась настолько подробно, что, например, к выпускному экзамену приходилось прочитывать около 1500 страниц, и балл за нее имел огромный коэффициент – 19.

Чувство товарищества было настолько развито среди нас, что мы охотно помогали друг другу при подготовке к репетициям. О конкуренции как-то тогда и не думалось.

Лучших математиков как мне кажется выпускали тогда Киевский и 3-й Александровский кадетские корпуса. Я умышленно ничего не говорю про Реальные училища, где математика всегда была на должной высоте. Объяснялось это тем, что реалисты не могли без экзамена поступать даже в университеты как то имело место для гимназистов. Для реалистов поэтому один путь, путь тернистый – идти в высшие технические учебные заведения, где из-за наплыва желающих приходилось подвергаться очень тяжелому конкурсу, особенно в такие институты как гражданских инженеров, путей сообщения и горный.

Ввиду того тяжела была конкуренция и в самом Реальном училище из-за огромного курса математики, начиная с 5-го класса. Нас, например, в 1-м классе Реального училища было 42 человека, 7-й же класс окончило только четыре счастливица, то есть около 10 процентов.

Из юнкеров моего курса мне особенно памятен своим умом и цельностью натуры юнкер Андреев. Он как-то выделялся своей оригинальностью из общей массы. Оригинальность его глубоко честной, но застенчивой натуры сквозила во всем. У Андреева были небольшие средства, что конечно скоро стало известно нам, почему к нему часто обращались за временными ссудами. Андреев сначала спрашивал обращающегося за помощью, когда он предполагает вернуть долг, после чего, занеся дату в свою записную книжку, заявлял ему, обращаясь на «Вы», хотя бы с юнкером он был и на «ты»: «Итак, такого-то числа после обеда Вы предполагаете вернуть столько-то рублей». Выдав эту сумму, Андреев заносил в свою записную книжку: «Сего числа я утерял столько-то рублей». Соответственным образом после получения долга он писал в записной книжке: «Сего числа я нашел столько-то рублей». Если паче чаяния должник не возвращал ссуды в срок, то навсегда лишался кредита у Андреева.

Памятен мне случай приобретения Андреевым сапог у ортопеда Высоцкого. Обмундирование в училище, за исключением смазных сапог, было настолько хорошо, что подавляющее большинство ходило в отпуск в казенном обмундировании, лакированные сапоги же заказывало у сапожника Шевелева за 11-14 рублей большей частью в рассрочку. Каждую неделю приходил в наше помещение швейцар училища и выкрикивал: «Шевелев шевелится, перчаточник вертится. У кого завелись (деньги) тоже шевелись». Таким образом в швейцарской производилась получка сделанных сапог и производился расчет за них.

В один прекрасный день появился новый сапожник-ортопедист Высоцкий с предложением делать за 25 рублей ортопедические смазные непромокаемые сапоги. Юнкер Андреев не устоял и заказал-таки у него сапоги. Вскоре после этого видели стоящую на Неве, сгорбленную, с часами в руках фигуру юнкера Андреева, наблюдавшего за водонепроницаемостью своей покупки. Естественно этот инцидент дал нам пищу для острот и для непрерывного рассмотрения этих диковинных сапог.

Частенько к Андрееву, очень хорошо знающего математику, обращался малоуспевающий по этому предмету юнкер Л. с просьбой помочь ему по математике. Свои объяснения Андреев начинал с такого введения, которое он произносил, почему-то смотря не на Л., а в сторону: «Предположим, что Вы в состоянии понять все то, что я сейчас буду Вам говорить». Почему Андреев переходил в такие серьезные моменты на «Вы», никому из нас

не было понятно.

У меня с Андреевым были очень хорошие отношения, и я его искренно полюбил за его прямоthu и ум. Он мне платил тем же, но благодаря своей заносчивости выражал свою приязнь очень своеобразно – усиленным боксированием меня, что было не так-то легко выносить, приняв во внимание его огромную силу.

Перед производством нас в офицеры Андреев подходит к моей кровати и говорит: «Вас кто-то за дверью зовет». Я вскочил с постели и пошел к дверям, впереди меня шел Андреев. Когда мы очутились за дверью, то он притворил ее, протянул мне свою фотографическую карточку с очень трогательной и лестной для меня надписью и, сконфуженно отведя в сторону глаза, заявил: «Ожидается такая же от Вас» и ушел. Почему здесь было употреблено «Вы», когда мы говорили друг другу «ты», для меня не понятно.

Андреев окончил Артиллерийскую академию, пошел в строй и во время Русско-японской войны доблестно командовал батареей. Будучи тяжело ранен, он не позволил нести себя на перевязочный пункт, пока, лежа на позиции, не сдал старшему офицеру все документы. Я верю, что все это имело место так, как передали мне товарищи, слишком честна и цельна была недюжинная натура этого редкого человека.

Не менее памятен мне и другой мой товарищ Гирш, воспитанник Московского Реального училища, также выделявшийся своей честной прямоthой. При своем недюжинном уме и практическом немецком образовании Гирш поражал меня своей скромностью и удивительной настойчивостью. При нем можно было говорить хотя бы и небылицы о том, что он досконально знал, но он и виду не подавал, что это далеко от истины. Объяснял он это тем, что его же не спрашивают, а самому вмешиваться в разговор он считал неудобным.

А вот пример его настойчивости: уже будучи офицером 3-й Конно-артиллерийской батареи, Гирш решил научиться стоять на велосипеде на одном месте и в течение одного месяца добился этого путем ежедневных часовых упражнений при выезде нами в конных батареях ремонтных лошадей.

И году Гирш не прослужил в 3-й Конной батарее, так как был прикомандирован к лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде, с которой в роли, кажется, командира дивизиона выступил на войну, где и был убит. Я не сомневаюсь, что он также как и юнкер Андреев, доблестно командовал своей частью на войне, слишком много у него было для этого данных.

Не могу не вспомнить добрым словом и самого близкого мне товарища по училищу Юзефовича. Недюжинного ума, тактичный, представительный, образованный, настойчивый и трудолюбивый – он обладал всеми качествами, чтобы сделать хорошую карьеру, и это так и было. Он был хороший строевик и был любим товарищами. Тогда он был еще магометанин, и мы очень интересовались, как он отправляет свои религиозные обязанности. Усмотреть однако нам ничего не удавалось. Спал он рядом со своим товарищем по Полоцкому Кадетскому корпусу Богомольцем. Последний представлял собою типичного невозмутимого хохла и никогда не ложился в постель позже 10 часов, тогда как Юзефович укладывался в постель около 12 часов. При этом не редко происходила такая сцена: раздеваясь, Юзефович начинал усиленно будить Богомольца, и когда наконец это достигалось, Богомольец спрашивал «В чем дело?», то Юзефович чрезвычайно благодушным тоном ему отвечал: «Покойной тебе ночи!». Можно себе представить, как реагировал на это пожелание Богомольец к вящему удовольствию укладывавшихся товарищей.

Вышел Юзефович в 7-ю Конную батарею в Белосток, а я – в 40-ю Конную в Сувалки и, таким образом, связь между нами не прерывалась и после окончания училища.

Мы одновременно были в академии Генерального штаба, а затем вместе служили в штабе Варшавского военного округа, где большие дарования Юзефовича были оценены по достоинству нашим строгим начальством.

Юзефович на своих плечах вынес всю тяжесть работы по расформированию в округе резервных и крепостных войск, а потом по выводу из пределов этого округа внутрь страны целой армии в 1910 году.

Вскоре после этого Юзефович был переведен в Отдел по устройству и службе войск

Главного управления Генерального штаба, где занял должность помощника начальника его генерала Беляева, последнего военного министра Российского Императорского Правительства. Главным образом Юзефовичу обязаны мы разработкой нашей большой военной программы, в самом начале выполнения которой застала нас Великая война. По этому поводу у меня произошла с Юзефовичем первая серьезная размолвка.

В начале 1914 года Юзефович приехал в Варшаву и мы, его сослуживцы, собрались поужинать с ним в Европейской гостинице. В разговоре я как старый начальник разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа стал упрашивать Юзефовича, чтобы он приложил все усилия к тому, чтобы сократить срок окончания наших военных реформ – 1917 год, ибо Германия не позволит нам их закончить. Он начал защищаться прописными истинами, на что я стал горячо возражать. Из этих прений я вывел заключение, что даже лучшие представители нашего Генерального штаба не умеют еще разбираться в широкой политической обстановке. Впрочем на это же жалуется в своей книге «Тайные силы» и начальник Германского разведывательного отделения полковник Николаи.

На войне Юзефович был начальником штаба кавалерийского корпуса, коим командовал Великий Князь Михаил Александрович, был ранен и награжден Георгиевским Крестом. После «великой и бескровной» он получает назначение в Ставку Верховного главнокомандующего. Я же в это время уже был арестован Керенским и Гучковым и взывал к Юзефовичу о помощи, в ответ на что он мне прислал короткое письмо с извещением, что сделать ничего не может. Так страшна была тогда призрачная власть Временного правительства!

После этого Юзефович долгое время не сходит со сцены вплоть до второй половины Добровольческой кампании, когда на Царицынском фронте он является достойным сотрудником генерала Врангеля в роли его начальника штаба.

Вскоре после эвакуации Крыма у меня на квартире собрались старые сослуживцы по штабу Варшавского военного округа генералы Стогов, Пархомов и Юзефович. К моему сожалению я не мог найти общего языка с Юзефовичем, настолько велики были наши политические расхождения.

Я думаю, что преждевременная кончина Юзефовича на обломках его когда-то большого имения в Польше явилось результатом его больших духовных страданий и глубокого разочарования в избранном им политическом пути.

Но еще большее разочарование принес мне юнкер Вишняков. Средних способностей, ничем буквально не выделявшийся Вишняков был «с душком», начитавшись еще в корпусе наших либеральных писателей. Юнкера быстро его раскусили и назвали «Писакой», «Чернильной душой». По окончании Военно-юридической академии он, сделавшись военным юристом, как-то отошел от нашей массы.

В начале 1915 года он неожиданно заехал проездом на фронт ко мне в Седлец, в штаб Северо-Западного фронта. Мы очень радушно с ним встретились после почти 22-летней разлуки. Я тогда и не предполагал, что через два года он будет уже помощником начальника Главного Военно-Судного управления и может быть сыграет даже роль в моей участи.

Пятого апреля 1917 года я по требованию военного и морского министра Гучкова и министра юстиции Керенского, вместо назначения на фронт, был командирован генералом Рузским в распоряжение начальника Военно-Судного управления Апушкина. Прибыв туда, я вспомнил о Вишнякове и по наивности своей предполагал найти в нем защиту. Дважды я ему писал, прося выйти ко мне, и не получил никакого ответа. Вероятно он боялся расхаживать по коридору – с видом власть имеющих – вновь назначенного сенатором адвоката Грузенберга и какого-то восточного человека в форме чиновника Военно-Судного ведомства.

В заключение описаний портретной галереи моих товарищей по корпусу хочу упомянуть способного, но очень скромного юнкера Ханжина, впоследствии ставшего очень крупным строевым артиллеристом и награжденного Орденом Святого Георгия 3-й степени.

Особенно ярко выявились блестящие военные дарования Ханжина в Великую войну

после того, как он с должности начальника артиллерии 12-го армейского корпуса получил в командование 12-ю пехотную дивизию. Генерал Брусилов так говорит об этом знаменательном факте в своих «Воспоминаниях».

Упоминая на 149-й странице их разговор с командиром 7-го армейского корпуса генералом Калединым по поводу отхода с реки Буг под натиском противника его 12-й пехотной дивизии, он приводит разговор с ним, рисующий причины этого печального факта в следующих выражениях:

«Он (генерал Каледин) мне ответил, что собственно неустойчива 12-я пехотная дивизия прежде столь храбрая и стойкая... По его мнению начальник дивизии изнервничался, ослабел духом и не в состоянии совладать со своими чувствами... Очевидно отступление наше с Карпатских гор его расстроило духовно и телесно...

Я тут же отдал Каледину приказание моим именем отрешить начальника дивизии от командования и назначить на его место начальником артиллерии корпуса генерал-майора Ханжина, которого я знал еще с мирного времени и был уверен, что этот человек не растеряется. Ханжин оправдал мои ожидания. Подъехал к полку, который топтался на месте, но вперед не шел, и, ободрив его несколькими прочувствованными словами, он сам встал перед полком и пошел вперед. Полк двинулся за ним, опрокинул врага и восстановил утраченное положение. Не покажи Ханжин личного примера, не удалось бы овладеть полком и заставить его атаковать австро-германцев. Такие личные примеры имеют еще то важное значение, что передаваясь из уст в уста, они раздуваются, и к такому начальнику солдат привыкает, верит и любит его всем сердцем».

Из общего числа моих товарищей по курсу – барон Майдель, Карпов, Никольский, Тигранов, Черячукин, Юзефович и я пошли в Академию Генерального штаба, что составило около 12 процентов; сколько пошло в Артиллерийскую академию мне точно неизвестно; в Военно-юридическую же кажется кроме Вишнякова не пошел никто.

Как я уже говорил выше, мы были перегружены в течение дня строевыми и особенно учебными занятиями и к ночи ощущали здоровую усталость. Единственными развлечениями в течение недели было хождение в театр по отпускным дням – среда и воскресенье. Я подобно многим моим товарищам увлекался оперой Мариинского театра и конечно был без ума от голоса и наружности сопрано Мравиной. Нравились нам и Славина, и Долина, а затем уже шли Стравинский, Корякин, Серебряков, Яковлев, Тарков и др. Увлечений драмой, дававшийся в Александрийском театре, и прекрасным балетом Мариинского театра у нас не было, ибо преклонялись перед оперой. Мы были способны по десять раз бывать на одной и той же опере и это нам не надоедало. Я не говорю о том, что многие оперные арии мы знали наизусть.

Начальство наше особо поощряло наше увлечение театром. Во время, например, Рождественских и Пасхальных каникул юнкера, остававшиеся из-за дальности расстояния до своих семей в стенах училища, могли ходить в театр хоть каждый день на счет Его Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровной, супруги Великого Князя Михаила Николаевича. Ее Высочество вообще очень близко принимала к сердцу нужды юнкеров нашего училища. В случае серьезной болезни кого-либо из них расходы по лечению, вплоть до приглашения профессоров, покупки шампанского и пр. относились на счет Ее Высочества. После смерти Ее Высочества эти расходы покрывались из средств Двора Великого Князя Михаила Николаевича, который являлся как бы шефом училища.

В течении учебного сезона Его Высочество не один раз посещал наше училище, что особенно ярко запечатлелось в наших юных душах. Трудно передать, что делалось во время этих посещений. Неистовству юнкеров и их проказам в виде выворачивания карманов пальто Его Высочества, выражение восторга в несмолкаемом «ура», сопровождение гурьбой экипажа Его Высочества и пр. не было конца. При виде искренно обожаемого нами Покровителя и Защитника падали все дисциплинарные перегородки, поддерживать которые начальство даже не решалось, настолько велик был общий подъем в эти незабываемые моменты. Здесь ясно можно было наблюдать за теми невидимыми нитями, кои связывали

массы с Царствующим Домом. Высокая и стройная фигура Его Высочества, Его четыре Георгия, Его всем «Ты» и Его вместе с тем ласковое обращение с нами – все это нам страшно импонировало, но и сближало со своим любимым Шефом, ради коего казалось не было той жертвы, которой в эти моменты мы не принесли бы.

Но весь этот подъем меркнет в сравнении с тем, что делалось у нас во время посещения училища Государем Императором Александром III со Своей Супругой. Говорили, что Государь был у нас после долгого перерыва посещения нашего училища, выражая тем свое неудовольствие прежнему свободомыслящему направлению в училище. Мне кажется, что доля основания в этом есть.

Обыкновенно Государь посещал училище после полудня, то есть во время строевых занятий. Его мы ожидали весь Великий Пост. Постели наши покрывались по этому случаю прекрасными белыми плюшевыми одеялами и спальни выглядели очень нарядно. Генерал Демьяненко конечно старался убедить нас, что это не имело вида втирания очков, а соответствовало приборке комнат в ожидании дорогого гостя. Мы этому однако не верили.

Я не могу в точности припомнить, каким образом производил смотр нашим строевым занятиям Государь Император, так как с того момента как нас привели в манеж и я увидел мощную фигуру русского богатыря с окладистой русой бородой и добрыми глазами рядом с чрезвычайно изящной маленькой фигурой Государыни Императрицы Марии Федоровны, то я все и вся позабыл. Как мы занимались в присутствии Государя я не знаю, думаю что плохо, так как все наши помыслы направлены были к Тому кто повелевал миллионами Русского народа, к голосу Которого прислушивалась вся Европа, Которого большинство из нас видело лишь на портретах, теперь же могло лицезреть воочию. Однако чувствовалось, что все происходящее перед нашими глазами – второстепенное, главное же ожидалось впереди, а что это главное, я отдать себе отчета не мог.

Когда Государь стал готовиться к отъезду, то здесь плотина, сдерживавшая наши искренние чувства по отношению к обожаемому монарху, рухнула, закричали неистовое и несмолкаемое «ура», все ринулись за Государем, обгоняя Его и Государыню, вылетели на плац, облепили сани и, вопя, и конечно мало что соображая, неслись, стоя на полозьях саней и просто догоняя их, на Литейный мост. Настроение было таково, что если бы Государь Император приказал с моста броситься в Неву, то многие это сделали бы, не задумываясь.

Я бывал потом не мало раз на парадах в присутствии Государя, переживал это настоящее чувство ожидания Монарха, ощущал, как мурашки бегали у меня по спине и сдавливали спазмы горло при проезде Государя, но все это было не то, что я пережил, видя Государя в непосредственной близости, а главное вне строя.

Незаметно промелькнули два с половиной года пребывания в училище, и мы приступили к сдаче последних экзаменов. Работы было очень много, а к тому же я неожиданно стал конкурентом Чеботареву для записи на мраморную доску. На финише он меня обогнал, и хотя он и попал на мраморную доску, но первую премию, для которой средний балл вычислялся чуть ли не до тысячной доли, получил я.

Приближалось время разборки вакансий. Совершенно неожиданно нам прислали чуть ли не семнадцать вакансий в конные батареи. Эти вакансии являлись полной противоположностью вакансиям в крепостную артиллерию, куда добровольно почти никто не хотел идти, а потому в мое время было установлено правило, что 10 процентов выпуска должны были идти в крепости. Эта участь падала на долю юнкеров с низшими баллами. В утешение этим несчастливцам на следующей после разборки вакансий литургии читался перед Апостолом прокимен: «Господь крепость людям своим даст, Господь благословит люди Своя с миром».

Мне хотелось служить в Сувалках с Гиршем, а потому я уступил даже ему 3-ю Конную батарею, взяв себе четвертую. Это была не малая по тогдашним моим понятиям жертва, если принять во внимание, что 3-я Конная батарея имела георгиевское шитье на мундирах. Вообще служба в конной артиллерии являлась пределом вожделений большинства из нас. Сюда влекла нас не только красота формы, но главным образом лихость службы совместно с

конницей и чудные традиции конной артиллерии, когда-то бывшей «царицей полей сражений».

Теперь до производства в офицеры нас отделяли лишь лагерные сборы. Время это всегда было наиболее скучным, невзирая на ряд развлечений, разрешенных нашим попечительным начальством, а еще того более придуманных самими юнкерами; нужно же было куда-то девать ту энергию, которая тратилась на прохождение учебных предметов.

С большим нетерпением ожидали мы время производства в офицеры. Настал наконец и канун этого долгожданного дня. В этот день, по традиции, полагался «кошачий концерт», устраиваемый нашим нелюбимым офицерам. Делалось это в то время, когда все юнкера были уже в постели и должна была соблюдаться тишина. У нас не было нелюбимых офицеров, так как и капитана Эрис-Хана Алиева и милейшего поручика Лютера не за что было не любить. Все же несколько человек решило отдать дань прошлому и устроить концерт. Он заключался в шуме, крике, катании деревянных шаров, ударявшихся затем в стены помещения наших курсовых офицеров. Скоро однако это прекратилось, слишком уж было это не умно.

На другой день, 7 августа 1893 года, у Царского валика Государь Император Александр III поздравил нас офицерами и каждый из нас получил о том Высочайший Приказ. Трудно описать ту незабываемую радость, которая охватила всех нас. Ведь Рубикон перейден, граней, отделявших нижнего чина от офицера после трехлетних нелегких усилий, уже нет, впереди свободная жизнь с открытыми путями для карьеры по собственному выбору. Слабым намеком на эти переживания может служить производство в первый генеральский чин.

Через три дня мы все уже разъезжались в 28-дневный отпуск в радостном настроении духа, со светлыми, трудно уловимыми мечтами, и с добрыми воспоминаниями о годах, проведенных в дорогом нам училище.

Генерал– майор Н. С. Батюшин